Артавазд Сарецян

Слепой дождь

Рассказы
Повесть
Очерки

Сухум
Абгосиздат
2024

УДК 821.35
ББК 84 (5Абх) 6-4
С 20

Сарецян, А. А.
С 20 Слепой дождь : рассказы, повесть, очерки / Артавазд Сарецян. – Сухум: Абгосиздат, 2024. – 280 с.

Г/Р 978-5-122- 58 -05024

Четвёртый сборник Артавазда Сарецяна на русском языке. В него вошли рассказы, повесть «Классическая водолазка», очерки, опубликованные в местных и российских изданиях, а также дополненный и доработанный вариант рассказа «Слепой дождь».

Лучшие произведения А. Сарецяна вошли в антологии современной армянской поэзии и прозы, изданные Союзом писателей Армении.

УДК 821.35
ББК 84 (5Абх) 6-4

© Сарецян, А. А., 2024
© Абгосиздат, 2024

СТАРЫЙ ПОЛ

Рассказ

Постарел Пол, незаметно постарел. И очень многое вылетело из его памяти, исчезло. Исчезло так, как будто и не было вовсе. Но всё же что-то, конечно, обязательно осталось.

Остались какие-то важные обрывки и детали. И эти важные «что-то» стали воспоминаниями, хотя сам Пол их скромно называл «небольшими видениями, чем-то напоминающими воспоминания». Правда, он никак не мог определиться, как же их озаглавить, эти «небольшие видения»: то ли «Значимое не для всех», то ли «Значимое личного масштаба».

В конце концов, он успокоил себя тем, что это не самое главное – название. «Самое главное – содержание», – поставил окончательную точку Пол.

Он немного подражал и, возможно, даже по-доброму завидовал писателям, сливки произведений которых собираются под надёжной «крышей», тщеславно и горделиво звучащей как «Избранное в стольких-то томах» или, хотя это и более скромно, но, тем не менее впечатляюще – «Однотомник избранных произведений».

Эти «Избранные» периодически, от юбилея к юбилею авторов, «обречены» на переиздания «с дополнениями и исправлениями».

И ещё Пол слышал, что немаловажное значение для переиздания этих «толстопузов» играют и «не совсем худенькие» гонорары.

1

По мнению Пола, его воспоминания «в очень узком кругу определённых лиц» достойны особого внимания, по крайней мере не меньшего, чем те стихотворения и поэмы, рассказы с романами и пьесами, сказки да басни, которые удобно устраиваются под «крышами» избранных.

Посудите сами. Вот, например, пудовые руки варпета[1] Месропа, названного в честь создателя армянского алфавита – Учителя Учителей Месропа Маштоца[2].

Пол помнил эти руки – мозолистые и одновременно нежные. Такие руки бывают только добрыми и созидающими. Помнил, как они денно и нощно аккуратно орудовали самодельными инструментами: разнообразными кородёрами, клиньями, стамесками... Кстати, их изготовил дед варпета Месропа – дарбин[3] Мамикон: ни дать ни взять богатырь из древних армянских сказаний – добрый, честный и наивный-наивный, как ребёнок.

В годы пахепаха[4] дарбин Мамикон, навсегда покидая отчий край, взвалил на могучие плечи колыбель с инструментами для строительства нового армянского дома: молоток, топор, пила, рубанок... И вот так, с набитой строительными инструментами колыбелью на плечах пус-тившись в путь, он прошёл все «девять раз девять» кругов ада Армянского геноцида 1915 года, пока не обосновался в одном из высокогорных сёл Абхазии, жителей которого смыла очередная волна Абхазского махаджирства[5].

Руки варпета Месропа кололи, пилили и строгали, вытёсывали доски, по всей их длине выстругивали двусторонние замки-канавки, образовывая специальные соединительные выступы. Доски варпет Месроп на некоторое время оставлял, как он сам говорил, «на битьё ветрам-сквознякам». Потом уже, когда они «поспевали», то есть доходили до нужной кондиции, просушенные и чистые, ровнёхонько и удобно, плотнее стены прижимаясь, ложились друг к другу на продольных каштановых балках, замыкаясь чередующимися выступами и канавками.

Вот так варпет Месроп собирал, нет, не настилал, а именно собирал полы с необычными узорами – армянскими буквами. Он собирал без единого гвоздя, только лёгкими ударами деревянным молотком по приставленной буферной дощечке фиксируя беззазорное прилегание досок друг к другу.

---

[1] Варпет – мастер.

[2] Месроп Маштоц (361/362–440) – создатель армянского алфавита.

[3] Дарбин – кузнец.

[4] Пахепах – народное название Геноцида армян.

[5] Махаджирство – массовое переселение абхазов в Турцию.

Пол хорошо помнил песню варпета Месропа, в которой он своим хриплым голосом работу «собирателя полов» сравнивал ни много ни мало с гениальным изобретением Месропа Маштоца. «Всё правильно, – полушутя-полусерьёзно говорил варпет Месроп, – Пол объединяет семью, алфавит – народ. И каждая доска – как алфавитный знак: айб, бен, гим[6]. Даже наши имена совпадают».

Конечно, Пол понимал, что варпет Месроп несколько преувеличивал, но тем не менее, такое сравнение с алфавитом приятно ласкало его слух: «Пусть даже так! Но не на ровном же месте преувеличивает варпет Месроп! Значит, есть что преувеличивать», – философствовал он.

2

…А это воспоминание из Значимого, по мнению Пола, обязательно достойно стать новеллой, а может быть и небольшим лирическим рассказом. Да вот вечно занятые руки никак не доходят до карандаша и бумаги. Как будто вчера всё это было, а прошло – подумать только! – столько много лет.

Тот знаменательный день, когда сын варпета Месропа привёл домой невесту, Пол запомнил до мельчайших подробностей. И ещё он запомнил, как тамада поздравлял собравшихся с праздником рождения новой социалистической семьи; он так и сказал: «Это наш общий праздник, потому что на наших глазах родилась новая здоровая социалистическая семья. Это вам не капиталистическая семья, которая полностью изжила свои скудные возможности». Пока трезвые и серьёзные, это объявление собравшиеся встретили стоя и бурными аплодисментами, как будто находились на очередном историческом съезде коммунистической партии.

Разве можно забыть немного робкое прикосновение и лёгкую дрожь ног невесты?! Пол сам был молодым и сильным, и он вдруг вздрогнул от волнения и возликовал! И такая непонятная радость посетила его, что он весь день находился в границах её безграничья.

Так же явственно Пол запомнил и день 10 октября 1973 года, когда футболисты ереванского «Арарата» одержали очень

---

[6] Айб, бен, гим – первые буквы армянского алфавита.

трудную победу со счётом 2:1 над киевским «Динамо» в финальном матче Кубка СССР. В тот день, без преувеличения, вся улица собралась смотреть эту игру у варпета Месропа, специально для этого купившего новый цветной телевизор «Янтарь» на длинных тонких ножках. Расположились на стульях, скамейках, на полу, почти как на стадионе «Лужники», создавая зрительские ряды. И ещё Пол запомнил фамилии футболистов и тренеров команд. Особенно он гордился тем, что старший тренер «Арарата» Никита Павлович Симонян – Мукуч, сын сухумского чувячника Погоса, часто бывал в гостях у варпета Месропа, когда приезжал в свой родной город. Он как-то даже оценил, конечно же по заслуженному достоинству, собранный им пол: «Золотые руки у тебя, варпет Месроп, – сказал знаменитый футболист и тренер, – замечательный пол ты собрал!» Такие встречи не забываются никогда. Да, вспомнил Пол, сразу после матча собравшиеся совместными усилиями, как сказал один из соседей, проявив коллективный поэтический талант, сочинили четверостишие, в котором с горой Арарат сравнили одноимённую футбольную команду, в тени которой остались многие именитые клубы. И все собравшиеся с готовностью поставили свои подписи под четверостишием, которое заказным письмом отправили автору победных голов Левону Иштояну. На конверте так и написали, почти по Чехову: «Лично Левону Иштояну». Работница почты улыбнулась под нос, но приняла письмо, которое даже без адреса дошло до места. Вскоре был получен трогательный ответ от Иштояна. Кстати, конверт был заполнен явно женской рукой каллиграфическим почерком, а вот само письмо... Его расшифровывали так же сообща и довольно-таки удачно, как и писали четверостишие.

Но мы отошли от основной темы, давайте вернёмся к знаменательному семейному дню, который стал праздником для всех родственников, друзей и соседей.

Пол даже не чувствовал, как чьи-то грубые подошвы топчут его обнажённую душу. Он не чувствовал, как кто-то бросает окурки под стол и тушит ногой. Очень много курит, бросает и тушит, курит и бросает, тушит ногой, ногой… Он не чувствовал, как чьи-то пьяные руки изо всех сил швыряют вниз опорожнённые после традиционных тостов хрустальные стаканы, которые на счастье разбиваются вдребезги, и

стеклянные осколки вонзаются в его тело… Не чувствовал, как безумствовал «Сра пар» – непрекращающийся, продолжающийся танец, в котором исполнители постоянно сменяют друг друга для поддержания головокружительного кругового ритма, и бьют ногами, бьют и бьют… Потерявший от счастья голову Пол не чувствовал боли.

Это потом, когда через несколько дней гости стали не совсем охотно расходиться, всячески оттягивая свой уход, Пол, наконец, обратил внимание на своё, между нами скажем откровенно, незавидное внешнее и внутреннее состояние. Он почувствовал усталость, острую боль и ноющую ломоту во всём теле. Голова «барабанила от выпитого спиртного». Конечно будет барабанить от такого «аджапсандала»: шампанское, вино и водка, коньяк и чача, да ещё и вдобавок невесть откуда взявшееся сухумское пиво!.. «Да чтоб небо рухнуло на меня, да чтоб я провалился сквозь землю, да на кого же я похож, а?!» – сокрушался Пол и клял свою судьбу. А потом успокаивал себя: «Ну, ничего, бывает и такое, это же жизнь. Главное – чтоб по хорошим случаям всё это было».

«Прав был варпет Месроп, когда говорил, что «нельзя смешивать разноградусные напитки, иначе голова будет трещать как переспелый гранат, готовый взорваться как самая настоящая граната, и гудеть как высоковольтный электрический провод», – вспоминал Пол, но от этого ему легче не становилось.

И ещё Пол вспоминал, что когда голова варпета Месропа «трещала как переспелый гранат и гудела как высоковольтный электрический провод», он её засовывал под кран, из которого «сумасшедшим напором» хлещала гумистинская холодная вода – лучшая на Черноморском побережье Кавказа…

Но здесь размышления Пола неожиданно прервались, потому что появилась невеста, которую он уже называл своей Хозяйкой. Она принесла веник, тазик с водой и тряпку для мытья пола.

Хозяйка тщательно подмела пол, аккуратно почистила все его углы, потом вымыла несколько раз.

Она привела пол в надлежащий порядок. Потом надушила комнату какой-то ароматной свежестью.

И голова Пола ещё больше закружилась как карусель на сухумской набережной…

Но на этот раз она пошла кругом от внезапно посетившего счастья.

Пол почувствовал, что добрый десяток лет мгновенно слетели с его плеч. И вспомнились Полу слова из любимой многими поколениями песни на слова Ваана Терьяна – почитаемого всеми армянами поэта:

О кружись, карусель, о кружись...

Эта песня старинная – жизнь.

И ему сразу же полегчало на душе, он задышал глубоко и широко и под всплеском солнечных лучей благодарно улыбнулся Хозяйке.

…Дни сменялись днями, недели – неделями. Пол жил и радовался. Он всегда был чистым и аккуратным – на зависть женщинам, которые почти ежедневно приходили «поближе познакомиться» с Хозяйкой за чашкой ароматного сурча[7].

Кстати, по мнению Пола, слово «сурч» происходило от слова «шурч», что означает «вокруг», ведь кофепитие предполагает общение вокруг стола, вокруг какой-то темы... В справедливости своего суждения Пол убеждался «каждый день и даже по нескольку раз за день».

Пол всей сущностью вдыхал свежесть горного воздуха, когда Хозяйка открывала окна – представляете?: открывала каждый день! – для проветривания помещения.

Её легкие порхающие шаги окрыляли его, и он хотел… раскинуть незаметно выросшие могучие крылья, широко взмахнуть ими и, как сказочная птица счастья, взлететь высоко-высоко, нет, ещё выше, ещё и ещё выше…

3

…Очень чутким был Пол. Он вдруг почувствовал, что Хозяйка немного увеличилась в весе, совсем немного, незаметно для постороннего взгляда. Ещё он почувствовал, что изменилась и походка Хозяйки. Совсем-совсем немного, и тоже незаметно для постороннего взгляда. Она стала более медленной, более осторожной, уже лишний раз никуда не ходила.

«Неужели?» – в голове у Пола промелькнула счастливая догадка, которая вскоре подтвердилась.

---

[7] Сурч – кофе

«Это же здорово, – думал Пол, – у меня появится Самый лучший друг! Я буду чувствовать его на своей груди, я буду чувствовать молочное тепло его шаловливых ручонок и ножек, его движения...»

И эта счастливая мысль будоражила душу Пола. Так смола-живица выступает на теле дерева, заживляя его раны…

Потом Пол заметил, что варпет Месроп и его сын стали внимательнее относиться к Хозяйке, бережнее и нежнее, чем обычно это делали. Они сразу же выполняли любую её просьбу, более того, даже предугадывали её желания и, представляете?, не ошибались.

И это очень нравилось Полу.

Он помнил, как медленно тянулись дни в ожидании грядущего чуда. Он всячески поддерживал Хозяйку. Вместе с ней грустил, вместе с ней радовался, часто разделяя её грусть на двоих, и на двоих умножая её радость...

Пол хорошо запомнил тот день, когда варпет Месроп и его сын увезли Хозяйку и всю ночь не возвращались. Пол знал, где они находятся; знал, что они с нетерпением ждут, когда медсестра спустится вниз с добровестью: «Варпет Месроп, поздравляем, вы стали дедушкой…»

И ещё Пол знал, что на эту долгожданную добровесть у варпета Месропа в кармане «есть магарыч за ачкалусанк[8]». Так положено: сообщившему добрую весть полагается от всего сердца достойное вознаграждение. И Пол тоже переживал и ждал… О, как же он переживал и ждал! Ждал… и облегчённо вздохнул, когда варпет Месроп и его сын под самое утро вернулись домой. По их походке Пол понял: Чудо случилось!

«Слава Всевышнему, есть продолжение рода, есть! – сказал варпет Месроп и обратился к прапрадеду только что появившегося на свет Чуда, – дарбин Мамикон, дымок нашего очага будет продолжаться, ибо Начало, положенное тобой, оказалось добрым и здоровым. И оно имеет своё Продолжение!»

Пол никогда не видел их такими счастливыми. И вообще, таких счастливых людей Пол не видел никогда.

Через несколько дней вместе с Хозяйкой привезли и Его – запеленатого в голубое: не только Самого лучшего друга Пола,

---

[8] Ачкалусанк – добрая весть.

но и Продолжателя рода дарбина Мамикона, а может быть и его не совсем лёгкого кузнечного дела.

Кто знает…

Сколько бессонных и беспокойных ночей провёл Пол, вместе с Хозяйкой радовался и грустил, пока его Самый лучший друг не стал ползать и не сделал свой первый шаг. О, какое это замечательное чувство – всей душой ощущать и принимать таинство первых шагов!

Как сердцебиение…

4

…Пол никогда, каким бы уставшим ни был, не ложился спать, пока не приходили все свои, пока не собирались на его квадратуре домочадцы.

Именно так и говорил Пол: «Моя квадратура» и чувствовал высокую ответственность за «свою квадратуру». И вообще, он чувствовал себя ответственным за всё, что там происходило.

Пол всегда ложился позже всех: тогда, когда убеждался, что его «подопечные» уже находятся «в своих местах», и раньше всех вставал, когда они ещё находились «в царстве утренних снов». Он был уверен, что утренние сны – обязательно цветные.

Тот день, как и знаменательный день, когда увезли Хозяйку, Пол хорошо запомнил.

Варпет Месроп, как обычно, встал раньше домочадцев, и, кряхтя, занялся приготовлением горького густого сурча с плотным каймаком – здесь так называли кофейную пену. Эту традицию, почти церемониальную, он сопровождал Благодарением, то есть Обращением к Всевышнему.

Потом варпет Месроп вышел из дома... – (Всё было как всегда, всё было как обычно. Но только внешне «всё было как всегда, всё было как обычно». На самом же деле это был совершенно другой день, совсем другой, ничем не похожий ни на один из прожитых варпетом Месропом дней. А разница была в том, что на этот раз в руках у варпета Месропа была… трость, которая принадлежала его деду – дарбину Мамикону. Нет, её никто не видел и не мог видеть. Просто Пол не был бы Полом, мудрым, опытным и филигранно чутким, если бы не почув-

ствовал её) – …и как-то медленно, как-то очень тяжело ушёл и уже Сам не вернулся домой.

Поздно вечером его привезли на машине какие-то люди в белых халатах.

Пол их раньше никогда не видел.

Они молча занесли варпета Месропа в комнату и аккуратно положили на тахту, на груди сложили руки.

О, руки варпета Месропа…

Руки, собирающие пол как айб, бен, гим… К спинке тахты прислонили трость дарбина Мамикона, изношенную на тернистом пути тарагирства.

Нет, её никто не видел, просто Пол чувствовал её вековую тяжесть, как тяжесть армянской судьбы, и внимательно посмотрел на варпета Месропа.

Пол понял: варпет Месроп ушёл к деду – дарбину Мамикону, и сейчас они беседуют, нанизывая добро и зло жизни на нить человеческой судьбы.

…За свои долгие годы Пол научился безошибочно понимать души людей, отличать «сухое от мокрого под золотом солнца и серебром луны», ведь он в совершенстве понимал язык ног, вернее – чувствовал. И любой нюанс этого языка он мог безошибочно расшифровать. Это тот единственный язык, на котором говорят правду, только правду и больше ничего не говорят – кроме правды.

Как на суде перед Всевышним...

Умудрённый жизненным опытом Пол хорошо знал, что такое первый шаг.

И что такое последний шаг – Пол знал очень хорошо.

Это как первый крик. Это как последний вздох.

Так что, он мог для издательства Юлиана Семёнова[9] «Совершенно секретно» написать целую книгу, достойную Нобелевской премии! Но он не имел никакого права говорить, тем более писать о том, что никто никогда не должен был знать и чему он сам стал свидетелем только по воле Самого Всевышне-

---

[9] Юлиан Семёнов (Ля́ндрес, 1931–1993) – писатель, автор многих книг, в том числе романа «Семнадцать мгновений весны», по которому снят одноимённый многосерийный художественный фильм. Основатель издательства «Совершенно секретно».

го. Не всем даётся такая честь. И Пол был одним из немногих, удостоившихся её.

Это он, Пол, как никто другой, хорошо понимал...

5

…В последнее время Пол чувствовал себя, как бы помягче сказать, ну не совсем хорошо, что ли, ну не совсем так, как чувствовал раньше.

Появилась острая боль под левой лопаткой, временами беспокоило ощущение изжоги между рёбрами. И в такие минуты он дышал тяжело, глубоко и прерывисто.

«Неужели предынфарктное состояние?» – переживал Пол. Он довольно-таки неплохо разбирался в медицине: за долгие годы жизни многое перевиделось ему, практически всех врачей и медсестёр Республиканской и Городской больниц, побывавших в доме варпета Месропа, он хорошо знал, внимательно слушал их разговоры, запоминал назначения, так что, хочешь не хочешь – научишься. Он не хуже врачей мог поставить правильный диагноз.

Неприятно побаливало и в левом боку, больно хрустели кости. Что-то медленно и тупо изъедало его тело изнутри, иногда слышался скрипящий звук. Пол глухо стонал. В такие минуты ему казалось, что он вот-вот развалится как старая рухлядь.

Пол поймал себя и на том, что уже не хочет просыпаться рано утром, и, тем более, вставать: он просто желает «полежать с закрытыми глазами, понежиться, вспомнить былое, помечтать…»

Но где там! Неотложных дел у него было невпроворот, и он кряхтя и постанывая, с головой уходил, вернее, погружался в житейские заботы и хлопоты.

«Странно, почему сегодня Хозяйка не открывает окна, не проветривает комнату, как это делала ежедневно уже много лет? Или это примета? – вдруг встревоженно насторожился Пол. – Я чувствую, что это примета, и к тому же плохая примета, и моё сердце подсказывает, что это даже очень плохая примета».

Он внимательно посмотрел в окно и вдруг увидел, что совсем рядом, буквально через несколько домов, из сада соседа валит густой синеватый дым.

«Вот почему Хозяйка не открывает окна – чтобы дым не заходил в комнату! Наверное, соседи жгут опавшие листья, – обрадованно догадался Пол и похвалил, – конечно, жгут! Молодцы наши соседи, сад требует постоянного ухода, бережного отношения».

Но какое-то тревожное сомнение всё же запало в его душу и начало грызть её; так долгоносики выедают пальму, превращая её в сплошную труху: тронешь пальцем – рассыплется как раскалённый под летним солнцем морской песок.

И это тревожное сомнение подтвердилось вечером, когда пришёл домой Самый лучший друг Пола, насвистывая себе под нос какую-то озорную песенку.

Он был навеселе и сказал Хозяйке, что выпил у соседа, который разобрал старый пол и сжёг в саду. Облил керосином и сжёг!

«Вместо старого он будет укладывать паркетный пол, – сказал Самый лучший друг. – Сегодня это модно, потому что красиво и, значит, престижно. Для этого он должен забетонировать пол и сделать ровную стяжку».

«Будет укладывать, должен забетонировать, – Пол горько усмехнулся про себя, – а варпет Месроп не укладывал, не бетонировал – он просто собирал. Как Айб, Бен, Гим собирал, как музыкант собирает Музыку!»

«А зачем сжёг доски, почему не сохранил? – поинтересовалась Хозяйка. – Зимой топили бы печку».

«Да кому они нужны, эти гнилые доски, весь этот мусор, хлам этот кому нужен? – Самый лучший друг с удивлением посмотрел на Хозяйку. – Ты не понимаешь, что сегодня в моде тёплый пол? Совсем отстала от жизни, от прогресса. Надо жить в ногу со временем».

Слова Самого лучшего друга больно отозвались в душе Пола.

Так не было больно, когда острые осколки хрустальных стаканов, разбитых «на счастье» со всего размаха, вонзались в его душу.

Так не было больно, когда Самый лучший друг, карапузик-непоседа, «сажал гвоздевой лес» на его груди, и Хозяйка, было дело, до крови разорвала ноги, наступив на острые «кроны деревьев». Пол до сих пор помнит тепло крови.

Старое тело Пола задрожало. Что-то сокровенное заныло в груди, в клочья разрывая душу. И когда Самый лучший друг, как капризный, своенравный ребёнок, больно ударил ногой по его рёбрам и повторил: «Кому нужно это старьё?!», глухой глубокий стон вырвался из самых глубин сердца Пола.

Он согнулся под тяжестью свалившегося на него горя, судорожно съежился… и понял, что лишён своей последней, возможно, самой главной цели: надежды стать дровами для печки и без остатка отдать всё тепло своей души Хозяйке и Самому лучшему другу.

Январь 2021

ТАКИ

Рассказ

«Бедный мальчик, он ещё до своего рождения, ещё в утробе матери узнал, что такое страдание, – вздыхала моя мама, – потому и родился с седыми волосами».

«Всю боль несчастной Иларии[1] он впитал вместе с материнским молоком», – сгущала мамину печаль тётя Тамар и круговыми движениями взбалтывала кофейный осадок на донышке чашки.

Они говорили о Таки – сыне нашей соседки тёти Иларии. Вернее о Паки. Это потом он с нашей лёгкой руки стал Таки.

… Когда Паки появлялся на нашем повороте дороги, ведущей к продуктовому ларьку тёти Лиды, мы начинали бурно скандировать: «Паки идёт! Паки, станцуй нам «Сиртаки»!

Да так дружно и слаженно скандировали, что даже наш школьный хор, постоянно готовящийся к выступлению по случаю очередного знаменательного праздника и почти ежедневно репетировавший под руководством Фирузы Кязимовой в музыкальном сопровождении пианистки Нанегюль Майлян, аккордеониста Николая Назаряна и барабанщика Пилипоса Баджаксузяна, позавидовал бы нашему усердию и, да, конечно, не будем нескромно скромничать, умению.

Так азартно поддерживали свою любимую команду «Арарат» футбольные болельщики на трибунах ереванского стадиона «Раздан».

Потом мы его стали называть Сиртаки: «Сиртаки идёт! Сиртаки, станцуй нам «Сиртаки».

Но однажды Маркосик-кривоносик сказал, что мы допускаем «очень серьёзную логическую погрешность». И когда мы, заинтригованные заумными словами нашего друга, вопросительным знаком «скрутились» в его сторону, он резонно поинтересовался: «Как может Сиртаки танцевать «Сирта-

[1] Илария – женское имя (с греческого: тихая, радостная, ясная).

ки»? Что, он сам себя танцует? Где же здесь логика?» И тут же вынес не подлежащее, по его мнению, консенсуальному обсуждению решение: «Надо восстановить её!» Мы, конечно, поняли, что надо восстановить логику, но не поняли: логики вообще не было, или она всё же была, но в каком-то искажённом варианте? Ведь если мы «допустили серьёзную логическую погрешность», значит, логики как таковой не было вообще, а если «надо восстановить её», значит, она всё же где-то была, но «на каком-то повороте мы её незаметно для самих себя потеряли».

Вот и мы очень даже двусмысленно и синхронно удивились: «А как это?»

«А хотя бы вот так! – Маркосик-кривоносик отбросил первый слог названия популярного в то время греческого танца и получилось «Таки». – Не лучше ли Таки? И короче, и прозвище новое, да ещё и звучное!»

Мы долго спорили, предлагали разные варианты решения проблемы. Прозвучало и не совсем стандартное предложение: взять первые четыре буквы от названия танца, и получится армянское «сирт» – сердце. Но это предложение не прошло по итогам тайного голосования. Другие предложения тоже были отвергнуты. В конце концов, мы согласились, что единственная реальная возможность восстановить логику или исправить искажение – это принять предложение Маркосика-кривоносика. При этом мы не забыли воздать ему должное: «Да ты же самый настоящий крёстный!»

Вот так Паки в результате нашей двухходовки стал сперва Сиртаки, а потом и просто Таки. Получилось, что в его имени изменилась всего-навсего одна буква. А сколько было страстных споров, всяких аргументов и контраргументов «за» и «против», сколько «да я же мамой клянусь!» А шум какой стоял! Такой шум бывает только на общешкольном родительском собрании, где все говорят, но никто не слушает.

Появилось новое прозвище и у самого Маркосика-кривоносика: Маркосик-крестоносик (без какой-либо связи с средневековыми крестоносцами). Правда, первоначальный вариант, предложенный самим Маркосиком-кривоносиком, был предельно прост и точен: Крёстный Маркосик. Но он, этот вариант, по мнению нашего подавляющего большинства, не совсем

соответствовал действительности из-за отсутствия хотя бы капельки намёка на его нос.

«А где?.. Нос где?! – первым забил тревогу Кейджи Овес и неожиданно твёрдо заявил, – я так не играю!»

Не считаться с его мнением мы никак не могли. Точнее, мы сами не хотели не считаться. И не потому, что он мог распустить нюни – на это никто не обратил бы внимания. Будь на его месте кто-нибудь другой – любой из пацанов, мы так и сказали бы: «Ну и чёрт с тобой, обойдёмся и без тебя». Но здесь дело обстояло иначе: отец этого хлюпика был поваром, и мы, по составленному сообща графику, небольшими группами периодически «мимоходом» наведывались к нему в столовую на «Черноморце», что напротив знаменитого кафе (более известном как «Хинкальная»), над которым в стремительном беге застыл сказочный красный конь Бзоу с таким же красным наездником Сасрыквой. Приходили мы на бесплатные вкуснейшие пельмени или вареники со сметаной и сногсшибательно ароматным лимонадом «Крюшон». И потому, исходя из тактико-практических соображений и с учётом не желательных для нас, но вполне возможных рисков, было принято не только удовлетворяющее всех прозвище, но даже, на наш взгляд, довольно-таки удачное, если не сказать оригинальное: Маркосик-крестоносик.

Согласитесь: оно не только явно указывало на то, что Маркосик кого-то терпеливо крестил в церкви и достойно несёт этот многообязывающий крест, одновременно намекая на его нос, но и реально и полностью гармонировало с существующей действительностью – на широком лице Маркосика «красовался» приплюснутый нос, напоминающий крест; Маркосик с раннего детства часто падал, умудрялся это делать даже на ровном месте, и «распахивал улицу своим ковшом», обязательно разбивая его с солидным кровотечением. Вот так его нос принял свою окончательную форму.

Маркосик подготовился было к ожесточённому сопротивлению «до последнего», но когда Кейджи Овес предложил ему внеочередное посещение столовой, он как будто нехотя, якобы исключительно из глубокого уважения к нам, согласился. Но мы-то стопудово знали, что в душе он ой даже как возликовал.

Без связи с нашим повествованием сообщу, что со временем стараниями неугомонного «Ковыряльщика ТэЗэ» (именно так в

четвёртом классе заполнял свои школьные тетради и дневник Татосян Зорайр) прозвище «Маркосик-крестоносик», нарушив достигнутый консенсус, утвердилось в окончательной редакции, правда, вызвавшей бурю негодования у его обладателя: Косик-носик. Но перспектива очередного внеочередного посещения столовой на «Черноморце» решила и этот вопрос.

Кстати, чтоб не забыть: мы вдруг обратили внимание на то, что в последнее время Косик-носик что-то часто стал «сопротивляться», это он делал и к месту, делал и не совсем к месту. Приходилось его уговаривать, просить… Потом мы поняли, что он вошёл во вкус «внеочередным способом» решать вопросы, для возникновения которых сам же создавал благоприятные условия.

Воздав должное его изобретательности, мы, тем не менее, довольно-таки чувствительно подпортили его не на шутку разыгравшийся аппетит.

Конечно, это будет громко сказано – дом. На самом деле это было очень скромное жилище – комнатка на кирпичных опорах и пристроенная к ней под кухню прихожая с плотно утрамбованным земляным полом. В осенне-зимний период его застилали загодя собранными листьями папоротника.

Здесь жили Таки и тётя Илария. Мы её редко видели. Она почти не выходила на улицу, потому что постоянно болела. За небольшую плату тётя Илария по заказу стирала разнообразную одежду и постельное бельё. Всё это она кипятила в специальной большой кастрюле – выварке, сушила на верёвке, протянутой от балки дома до стойки забора. Костёр во дворе разводил Паки; он по всей округе собирал ветки, виноградные обрезки, эвкалиптовую кору, тем самым поддерживая чистоту на прилегающей территории... Словом, он собирал всё, чем можно было разжечь костёр. Точно так он заготавливал дрова на зиму для растопки печки. Вот с такой большой натяжкой они сводили концы с концами.

Тётя Илария всё время болела и всё время стирала, укутав поясницу шерстяной шалью. А «всё время болеть и всё время стирать» она начала сразу после того, как вышла замуж за дядю Харлампия. Мы его не помнили, потому что были ещё совсем маленькими. И нам какое могло быть дело до дяди Харлампия,

когда мы как самые настоящие строители – например, как дядя Варо и его друзья – «воздвигали дворцы и замки», без устали орудуя своими пластмассовыми лопатами и мастерками на обложенной блоками и кирпичами песочной куче перед домом дяди Ншана. Ох уж этот дядя Ншан!.. Как же он нас доставал! Каждый день до невозможности доставал! Он мало того, что частенько в самую-самую взаправду гнался за нами, так ещё и вдогонку размахивал монтировкой, метлой из самшитовых веток, просто веником или попавшей под руку шваброй: «Хай-хай! Чтоб вы провалились сквозь мой песок, который смешали с землёй! Чем же я буду штукатурить баню, а, скажите мне, чем?!» Возмущался дядя Ншан, ох как возмущался, и заканчивал свой монолог грозным предупреждением: «В следующий раз пульну солью по мягким местам!»

Мы точно знали, что «от него всего можно ожидать». Конечно же обязательно пульнёт, ещё как пульнёт, он слов на ветер просто так не бросает. Вон, отобрал же наш молоток, когда мы разбивали блоки и кирпичи, которые ну позарез понадобились для строительства замка.

Мы как «гранатные осколки свистели» в разные стороны, чтобы через некоторое время вновь собраться на песке, который буквально магнитом всё тянул и тянул нас к себе, своей непреодолимой силой притяжения вытаскивая из разнообразных укрытий. Так что, мы уже тогда освоили один из самых главных законов физики – закон всемирного тяготения.

До замужества тётя Илария была весёлой и радостной – «просто-напросто писаной красавицей». Так говорили наши соседки, которые знали тётю Иларию ещё в её девичестве: «Но потом всё изменилось в её жизни так круто, что веселье и радость пропали бесследно, а вот некоторые остатки писаной красоты никуда не делись, сохранились».

Из услышанных обрывков разговоров я сделал непонятный вывод о том, что дядя Харлампий безжалостно избивал тётю Иларию… за её вышеописанную красоту.

По его мнению, ни один мужчина не мог пройти мимо такого божественного создания. Он, оказывается, так и говорил тёте Иларии: «Какой мужчина пройдёт равнодушно мимо тебя, если он мужчина! Как он может не представить тебя своей?! Что, ты хочешь сказать, что на нашей улице перевелись мужики?!»

И после работы, когда он, выпивший, возвращался домой, находясь в состоянии оживлённого диалога с самим собой и неуклюжего размахивания длинными руками, его пьяное воображение рисовало подробности «мужского неравнодушия» на грани фантазии и реальности…

И тётя Илария «получала свою порцию за «перманентные измены». К всеобщему возмущению, «порции» доставались и тогда, когда она забеременела… Ведь даже в таком состоянии тётя Илария, по «железобетонному убеждению» дяди Харлампия, продолжала свои «совсем не достойные порядочной женщине поступки, которые не имеют никакого морального оправдания для дальнейшей реабилитации». Незадолго до рождения Паки дядя Харлампий вдруг взял да исчез, чем вызвал единодушный женский гнев: «Каков подлец, а, каков негодяй?! Весь мир такого антихриста не видел, а наши несчастные глаза, чтоб они ослепли от увиденного, увидели! Взял и исчез, а, подлец и негодяй, бессовестный, бросил цонротк[2] жену, у-у-у-х…»

Потом поползли слухи, что дядя Харлампий уехал строить фермы и парники «куда-то на целину, которую когда-то поднимал Давыдов из фильма»[3]. Там он, якобы, «удачно пристроился к какой-то вдовушке», возможно к моменту их знакомства успевшей «совсем немножечко выскользнуть из колеи».

Он, этот бездельник и тунеядец, сейчас живёт за её счёт, самый настоящий гад, пьёт, гуляет и даже глазом не моргает.

И хотя вдовушку никто из наших соседок не видел, но все в один голос были уверены и нисколечко не сомневались, что «она даже ногтя Иларии не стоит».

Некоторые утверждали, что он уехал «куда-то в сторону Греции».

В конце концов оказалось, хотя и под большим вопросительным знаком, что он находится совсем рядом – то ли в городе Сочи, то ли ещё ближе – в Адлере где-то в районе аэропорта, и даже под видом иностранного туриста, а может быть и самого настоящего шпиона, часто посещает родной город, проезжая

---

[2] Цонротк – тяжелоногая (на амшеноармянском диалекте означает беременная).

[3] Фильм «Поднятая целина» по одноимённому роману Михаила Шолохова (1905–1984).

перед своим домом, находящемся прямо на Афонском шоссе, буквально в двух метрах от тротуара. Возможно, он даже видел тётю Иларию, стирающую во дворе чужое бельё.

Кто знает, может быть это тоже слухи.

Но как говорил в своё время великий полководец Ганнибал, «слухи-то слухами, а Арташат был построен»[4], что в переводе на русский язык означает: «И тем не менее, Паки родился».

«Таки идёт! Таки, станцуй нам «Сиртаки»!

Таки останавливался, поворачивался в нашу сторону, поднимал всегда низко опущенную седую, подстриженную под «полубокс» голову с оттопыренными ушами.

Такой жалкий, такой беспомощный Таки.

Его грустные и печальные глаза смотрели куда-то сквозь нас, в только ему известную какую-то даль. Потом он выпрямлял сгорбленную спину и начинал танцевать.

Он очень медленно начинал танцевать и постепенно, почти незаметно, убыстрял темп танца. Но его танец не был похож на тот, который мы видели в фильмах «Грек Зорба» и недавно вышедшем на экраны «Сиртаки».

Это был совсем другой танец, экспромтный что ли. Потому что Таки вообще танцевать не умел. «На ходу придуманные» его движения вначале были тяжёлыми, очень тяжёлыми, настолько невыносимо тяжёлыми, что казалось вот-вот под тоненькими босыми ногами маленького, худенького Таки с грохотом провалится довольно-таки плотно засыпанная, почти уложенная камнями улица, провалится через весь земной шар, куда-то туда, вниз. Потом танец с постепенным увеличением темпа начинал терять свой вес и становился лёгким, ещё немного – и совсем лёгким, легчайшим, почти невесомым, готовым как бабочка вот-вот вспорхнуть.

Я не знаток тонкостей народного хореографического искусства, но почему-то уверен, что любое движение Таки несло большую смысловую нагрузку. Он свои мысли выражал движе-

---

[4] Как сообщает древнегреческий историк Плутарх, город Арташат был основан армянским царём Арташесом Первым (230 до н. э. – около 160 до н. э.) в 188 г. до н.э. по совету великого карфагенского полководца Ганнибала (247–183 до н. э.), который по поручению царя руководил строительством. Древние римляне Арташат называли «Армянским Карфагеном».

ниями, он разговаривал движениями. В его движениях не было ни одного лишнего и, тем более, фальшивого слова.

Таки танцевал до тех пор, пока мы не начинали бросать в него груши, яблоки, сливы… Мы их срывали с веток соседских деревьев, которые, утяжелённые плодами, свисали через заборы на улицу. В основном страдали деревья тёти Тамар Минасян и дяди Вовы Пачулия. Доставалось и яблоне дяди Ншана Джансузяна.

«Лови на компот!..»

«На варенье!..»

«На повидло!..»

«Лови… на… на…»

Мы просто «обстреливали» его и бессовестно смеялись, а он старался избежать наших попаданий.

«Счастливчик же он! Он совсем не чувствует боли!» – завидовали мы. Это потом мы поняли, как страшно, когда человек не чувствует боли.

Но Таки чувствовал боль, нет, он очень сильно чувствовал боль, а иначе зачем старался избежать наших ударов. Наверное ему было больно, очень больно, но он не плакал. Потому что он не умел плакать. Потому что он ещё в утробе матери, ещё до своего рождения привык к побоям. И ещё он не смеялся, потому что не умел смеяться. По крайней мере, мы не видели, как он плачет или смеётся.

Сперва он очень неумело и смешно старался увернуться от ударов, но наши «пули» без особого труда достигали цели. А потом он наловчился уходить от них. Он это делал здорово и виртуозно. И нам казалось, что он продолжает и продолжает исполнять свой танец.

Нет, я не совсем точно выразился. Нам не казалось, что он продолжает танцевать – он действительно танцевал «Сиртаки». Но он танцевал свой «Сиртаки». Именно свой. И этот танец был самым настоящим, более настоящим, чем тот, который настоящий.

Танец Таки на наших глазах превращался в бурю, «а не то что тот, который совсем-совсем не тот». Хотя, давайте не будем кривить душой и скажем откровенно, что артисты тоже танцевали довольно-таки неплохо, даже очень хорошо. Но пусть никто не обижается: Таки танцевал лучше.

Потом Таки научился не только избегать наших «пуль», но и ловить их в темпе танца и собирать в рубашку, заправленную в затянутые верёвкой штаны и надетую на худенькое голое тельце, вернее, на торчащие кости, плотно обтянутые кожей.

Правда, в первое время ему очень редко удавались ловли, но потом он наловчился виртуозно, – как цирковой жонглёр – шары, или хоккейный вратарь – шайбу, – загонять двумя руками в «ловушку». Он «заполнял» рубашку, постепенно превращающуюся в мешок, набитый разными фруктами. И мы вдруг поняли, что уже не целимся в него, даже наоборот, просто азартно «пуляем» в его сторону по всей ширине переулка и … наслаждаемся его прыжками.

Паки ловил свои трофеи и иногда даже играючи подбрасывал над головой и только потом загонял их в «ловушку». И чем ловчее он жонглировал, тем больше восхищались мы.

Набив рубашку фруктами, Таки уходил домой под наши аплодисменты. Так провожают гудящие трибуны своего кумира, «сделавшего» игру команды в неравном матче.

Конечно, кто-то может справедливо возразить, что так, обливаясь обильным потом, возвращаются с базара (у нас принято рынок называть базаром – более подходящим по содержанию и духом словом). Конечно, это так. Но я его представлял самоотверженным солдатом, который в тяжёлом бою сохранил знамя части и, обмотав им своё истерзанное пулями кровоточащее тело, идёт по дороге судьбы.

…От предназначенной для ремонта машин «ямы», находящейся в конце переулка между домом дяди Эдмона и гаражом дяди Тиграна, по затоптанной коровьими копытами и нашими босыми ногами тропинке, с обеих сторон плотно прижатой к соседскому забору колючими кустарниками зимбилака с мелкими круглыми кроваво-красными ягодами под названием куриные шарики, мы спускались вниз к «речке» Радуге – на небольшую поляну.

Кстати, косточки куриных шариков обтянуты слегка эластичной плёнкой, которую мы аккуратно собирали и добавляли в смолу хвойных деревьев – натуральную жвачку – для большей надуваемости.

Поляна была нашим футбольным полем, где вместо штанг были приспособлены камни.

Здесь мы до позднего вечера гоняли самый настоящий кожаный мяч, приобретённый в спортивном магазине «Динамо» за «общаг», «скинутый» по одному рублю. Здесь мы иногда проводили «международные» встречи, то есть играли «улица на улицу».

Очередная такая встреча состоялась между сборными командами нашей Индустриальной и Энергетической улиц. Капитаном наших соперников был Овик Бостанджян. Мы его называли просто: «Овив», но не в смысле армянского «пастуха». Мы приспособили его имя к фамилии знаменитой «девятки» ереванского «Арарата» Саркиса Овивяна, фанатом которого был Овик.

Излишне говорить о том, что на его майке красовалась та самая «девятка», которая в своё время блистала на сухумском стадионе.

Овик был старше нас на года три, крепкого телосложения. Он хорошо владел мячом. Поговаривали, что «его фамилию записал в свой блокнот сам Грамматикопуло» – старший тренер сухумского «Динамо».

Мы, конечно, понимали, что предстоит тяжёлая игра, и главной нашей задачей было не проиграть с разгромным счётом. Ничейный результат, о котором мы даже не мечтали, был бы «божьим подарком».

Наши самые худшие опасения подтвердились: поединок с первых минут встречи принял характер «игры в одни ворота». Овив просто терзал нашу оборону. Первый тайм мы бездарно проиграли со счётом 0:3, хотя мог быть и более внушительный результат, который, как понимает читатель, подразумевался уже во втором тайме. Это понимали и мы, тем более, наша команда в первом тайме полностью выложилась, отжалась, как бельё в руках тёти Иларии – до самой последней капельки.

Кстати, болевший за нашу команду Стёпа, не скрывая своего огорчения и разочарования, вздохнул: «Всё что хотел, он с нами сделал. Остаётся только высушить нас».

И ещё, что немаловажно, на наших воротах стоял «дублёр» Кейджи Овес вместо основного вратаря ТэЗэ, некстати наказанного отцом трёхдневным невыходом из дома. К слову сказать, отца вывели из себя… отличные оценки по пению и физкультуре в дневнике ТэЗэ. «Как? – взбесился отец, – после сплош-

ных двоек по всем предметам ты ещё и поёшь да прыгаешь?» И свой гнев он зафиксировал вышеназванным наказанием, которое обернулось для нас спортивной катастрофой.

Как известно, гениальные решения в основном очень просты, они, как правило, находятся на самой поверхности, буквально перед глазами, их просто нужно научиться замечать, видеть, что и сделал во время перерыва матча Кейджи Овес, которого как будто сам Всевышний озарил «в нужное время в нужном месте».

От неожиданно посетившей мысли Кейджи Овес даже подпрыгнул и с удовольствием щёлкнул большим и средним пальцами правой руки, застыв на левой ноге: «А что, если на ворота поставить Таки?! Он же супер ловитель!»

В нашей команде была произведена замена: вместо Кейджи Овеса между двумя «воротными камнями» встал Таки; мы его за считанные минуты вытащили со двора, где он возился с костром, и по уже известной читателю тропинке буквально на руках спустили вниз – на футбольное поле.

Команды поменялись воротами, началась игра. Понятно, что её логика не изменилась и во втором тайме: Овив атаковал, мы защищались, хотя очень сложно назвать защитой то, чем мы всей командой изо всех сил старались заниматься.

Второй тайм был похож на цирковое представление с участием двух виртуозов: Таки и Овива, точные удары которого следовали друг за другом, но Таки каждый раз каким-то невероятным образом, как любил говорить футбольный комментатор Котэ Махарадзе, «укрощал мяч».

Мы видели, что прорывы Овива становились всё злее и злее. Эта злость чувствовалась не только в движениях, она отпечаталась на его лице и даже в дыхании. Овив безудержно рвался вперёд, мы путались под его ногами, стараясь помочь своему вратарю.

Виртуозное представление длилось целых тридцать минут – на протяжении всего второго тайма! Даже наши родители, которые день и ночь работали на приусадебных участках, побросали свои неотложные дела и, выстроившись в ряд вдоль заборов, с восхищением следили за этим поединком.

Второй тайм завершился нулевым результатом, но игру мы, конечно, проиграли с сохранившимся после первого тайма результатом.

...Когда прозвучал финальный свисток арбитра, известившего об окончании матча, Овив, начинавший было новую атаку от своей штрафной площадки, в сердцах и, как нам показалось, с отчаянием пульнул мяч высоко в небо и через всё поле стремительно побежал к Таки.

Мы были уверены, что в порыве охватившей его злости он хочет поколотить Таки за то, что тот не пропустил ни одного мяча, несмотря на все его старания. Мы даже успели немного пожалеть Таки; и пока приходили в себя от растерянности, Овив подбежал к Таки…

И вот он поднял руку…

Вот он сейчас ка-ак…

Мы оцепенели от страха.

Мы затаили дыхание. Некоторые из нас закрыли глаза, кое-кто даже отвернулся.

Но Овив одной рукой обнял Таки за худые плечи, второй погладил его седые волосы, прильнул к ним губами и поцеловал. «Яшин, – сказал он, – ты настоящий Яшин!»

Это была высшая похвала от Овива, взятого «на заметку» – шутка ли?! – самим Грамматикопуло.

И мы с удивлением увидели, что Таки, оказывается, как и все остальные пацаны, умеет смеяться и плакать.

Конечно, он плакал и смеялся от радости.

Вот так, обнявшись, они стояли перед двумя воротными камнями в нашем тесном окружении.

Таки улыбался негромким смехом, слёзы текли по его впалым щекам.

И как журчащий солнечными лучами высокогорный родничок, слёзы с перекатами смеха не кончались…

Не кончались, потому что в душе Таки таяло что-то очень большое и очень холодное.

Февраль 2021

ГАРУНИ САША

Рассказ

В последней трети прошлого века и до 2015 года – а это целая эпоха! – в Сухуме и даже далеко за его пределами очень многие знали низкорослого, худого, слегка резковато подвижного поэта, обладающего неиссякаемым запасом тонко-остроумных анекдотов.

Конечно, обязательно прозвучали бы и типичные определения. Например, многие его называли просто: «Варжапет (учитель) Саша», так как он после окончания Ереванского госпединститута имени Хачатура Абовяна несколько лет преподавал родной язык и литературу в сухумской средней школе имени Ованеса Туманяна, выпускником которой являлся.

Хорошо помню его появление в нашей школе. Я учился в седьмом классе, и в моей памяти навсегда сохранились его первые педагогические шаги. Вот он: стоит перед моими глазами молодой, жизнерадостный учитель в коричневом лавсановом костюме с чередующимися светлыми и более тёмными полосками, в белой рубашке, с нешироким нейлоновым галстуком спокойного синего цвета. Затем Варжапет Саша продолжил свою работу в Ахалсопельской (Дзыгутской) трёхсекторной средней школе, где я впоследствии заменил его.

Кстати, прозвище «Варжапет Саша» сохранилось за ним до конца его жизни. Именно так называли его даже тогда, когда он уже много лет не занимался педагогической работой; на сухумском рынке арендовав небольшое помещение под продажу автозапчастей, он был занят, по его словам, «более ли менее полезным и нужным делом».

Мы же, несколько многочитающих и увлекающихся художественной литературой учеников, делая упор на Сашины незаурядные поэтические способности, называли его почти оригинально: «Гаруни Саша», что означало – Саша журнала «Гарун», наверное, что-то вроде катаевского «сына полка».

Дело в том, что Саша ещё со школьных лет писал стихи, большая подборка которых затем была опубликована в первом

номере за 1972 год этого популярнейшего в то время молодёжного литературного журнала.

Саше нравился наш «искакан гют» (настоящее изоб-ретение – так он называл придуманное нами прозвище), навсегда зафиксировавший его принадлежность к молодёжке, и он очень дорожил им. Ещё бы! Публикация в журнале «Гарун» означала безоговорочное литературное признание – настолько велико было его значение. Достаточно отметить, что главным редактором журнала был сам Вардгес Петросян – живой классик армянской литературы.

К слову сказать, из этой «гаруновской» подборки я запомнил несколько публикаций, в том числе и стихотворение «Автопортрет», посвящённое художнику и скульптору Пабло Пикассо. Саша рассказывал о том, как оно было написано. Так вот, будучи студентом, он несколько раз приходил в Государственную картинную галерею Армении, где проходила выставка произведений великого художника. Он долго стоял перед картиной, состоящей из разнообразных линий, точек, запятых и кружочков и интригующе названной «Автопортретом». Он вновь и вновь возвращался к ней: она как будто опутывала его своими бесконечными линиями, закручивала водоворотами кружочков и беспощадно тянула в свои глубины. И когда в очередной раз он пришёл и, ничего не поняв, уже уходил раздоса́дованный, вдруг краешком последнего взгляда заметил, что картина состояла из множества нанесённых друг на друга лиц, и понял, что

...Он нарисовал лицо поэта,
Он нарисовал душу поэта.
Это было его самым удачным
Автопортретом.

Потом, когда я начал выпускать свою газету, подборки Сашиных стихотворений стали периодически появляться и на её страницах.

До этого, ещё в 1988 году, по моей просьбе редактор армянского отделения издательства «Мерани» Акоп Чобанян опубликовал несколько его стихотворений в альманахе «Камурч». Правда, я до сих пор не знаю, почему на страницах этого издания Саша вдруг стал Александром. Помню, это слегка расстроило и смутило Сашу. И я хорошо понимал его: ведь имя Саша к тому времени стало своеобразным брендом. Согласитесь: Саша

Мкртчян звучит, не то что Александр Мкртчян. Но, что и говорить, радости от публикации было несравнимо больше.

В моей молодости
Поэзии есть больше,
Чем во всех книгах.
В нашей любви
Мелодии есть больше,
Чем во всех песнях.
И в зовущих друг друга
Наших глазах
Силы-огня – больше,
Чем во всех рукопожатиях.

Оригинал этого стихотворения, как и оригинал «Автопортрета», я запомнил наизусть, и уже можно с уверенностью сказать – на всю оставшуюся жизнь.

Сразу же после этого случая Саша неожиданно, по крайней мере для меня, взял необычный поэтический псевдоним: Зарзанд, что на армянском языке означает: «страх», «ужас».

Я до сих пор не знаю, почему он выбрал именно этот псевдоним. На мой вопрос он коротко и загадочно-уклончиво ответил: «Так надо, потому что это вопрос жизни и смерти».

Стихи для Саши были почти как у Николая Доризо:

Ими, словно воздухом, дыши.

И Саша жадно и ненасытно, всей своей сущностью дышал строками гениальных поэтов: Мацуо Басё[1] и Варпета[2] (он так и говорил: «Умереть бы мне за душу моего Басё», «Умереть бы мне за душу моего Исаакяна» – смотря о ком из них шла речь. Памяти своих кумиров Саша посвятил замечательные стихотворения). Помню как читал Саша отрывок из поэмы Аветика Исаакяна «Абул Ала Маари». Неужели он знал её наизусть?

Абул Ала Маари,
Поэт знаменитый Багдада,
Про́жил три раза десять лет
в великолепном граде калифов,
Прожил в усладах и в славе;

---

[1] Мацуо Басё (1644–1694) – японский поэт, величайший мастер коротких стихов хайку.

[2] Варпет – так называют армяне классика литературы Аветика Исаакяна (1875–1957).

У вельмож и богатых садился за стол,
С учеными и с мудрецами вступал в разговор,
Друзей любил и изведал,
В землях разных народов бывал;
смотря, наблюдал и людей и законы, –
И его проницательный дух постиг человека,
постиг и глубоко возненавидел.

Излишне говорить о том, что следующим за ними – Басё и Исаакянном – гениальным поэтом, конечно же, был он сам – Гаруни Саша!

Порой во время обыкновенной, ничего не значащей беседы он вдруг переходил, если можно так сказать, на стихотворный монолог – верлибр, даже сам того не чувствуя. В такие минуты он безудержно шёл вслед за словами, а может быть его просто вели слова, которые рождали смыслы и чувства. Многие его собеседники недоумевали, не понимали его и крутили пальцем у виска, вынося зарифмованный «вердикт»: «Саш – шаш» (Саша чокнутый), – говорили они, стараясь поскорее избавиться от него, потому что были далеки от колдовства поэтических строк, которые лились из его души подобно горному источнику. Порой он так безрассудно глубоко «нырял в душу человека, что было страшно даже заглядывать туда», не то чтобы взять да записать. Допустим, сам Саша не чувствовал, что говорил стихами, но о чём же думали мы?! И, в первую очередь, я себя имею в виду. Непростительная наша общая оплошность!

В те годы в Сухуме очень активно действовало местное литературное объединение «Амшен», позже переименованное в «Черноморскую зарю». Я со школьных лет был его участником, а если быть точнее – с седьмого класса.

Занятия проводились в здании армянской школы: собирались в первое воскресенье каждого месяца. К его работе я постарался привлечь и Сашу. На моё предложение он с готовностью согласился, как будто с нетерпением ждал приглашения. Как мне показалось, он даже очень обрадовался, но на занятие не пришёл.

Потом Саша клятвенно обещал обязательно прийти в следующий раз. Он так и сказал: «Тебе не могу сказать «нет». Но всегда у него находились «ну очень весомые аргументы» для очередного нарушения кляты.

А аргументы были довольно-таки примитивными, дублирующими друг друга, не совсем подходящими оригинальному во всём Саше. Вот несколько примеров.

Он встал рано утром, а проснулся намного раньше, всё время подглядывал на часы, чтобы вдруг не опоздать на занятие, побрился, привёл себя в порядок, вот он уже почти перед школой, но вдруг, чёрт побери, понадобилась именно его помощь случайно встретившемуся знакомому, и он не смог отказать…

Или рано утром, когда собирался на литзанятие, пришёл соседский мальчишка и попросил помочь выполнить синтаксический разбор предложения. По частям речи, он, конечно, сам бы вмиг не то что разобрал, он просто разорвал бы предложение на мелкие кусочки, а вот синтаксический разбор… Ну затрудняется мальчик… В сущности какой-то пустяк, который, возможно, никогда в жизни не пригодится ему, но вполне может сломать жизнь, если школьные буквоеды оставят, а они могут оставить не моргнув глазом, довольно-таки смышлёного пацана на второй год. Представляешь? И как же после этого жить дальше с такой невыносимой тяжестью на душе, как смотреть людям в глаза? Это ещё ничего. А как же себя чувствовать перед собственной совестью?..

Ну как бы «поступил ты на моём месте, если рано утром твой первый сосед попросил помочь разгрузить мебель и поднять по не совсем удобной лестнице на второй этаж, да ещё и собрать, а?.. Скажи, как?..»

Вот такой был Саша – парень нарасхват!

Свою речь он всегда заканчивал обезоруживающим откровением: «Но это что! Всё это пустяки по сравнению с гениальным стихотворением, которое я написал ночью! Запомни: лучшие стихи приходят именно ночью, потому что ночью человек особенно чувствителен и беззащитен перед своими мыслями, как перед совестью. Главное – проснуться и записать, или запомнить их и записать утром». И тут же из нагрудного кармана доставал блокнот и начинал читать действительно замечательные стихи… После такого театрализованного представления можно ли было… поверить его откровениям? И, не поверив, тем не менее, не простить его?! Конечно же, нет: не поверишь, но простишь обязательно! Правда, иногда он подсовывал надёжно забытые старые стихи… До поры до времени я «деликатно не

замечал подтасовку». Был, например, такой забавный случай, когда я решил слегка устыдит его. «Написал новое гениальное стихотворение, – после очередного мини-представления сказал Саша, – называется «Последние». И начал читать:

Последние очень дороги,
Последние поцелуи,
Последние взгляды,
Обещания последние…

Дальше продолжил я, еле сдерживая хохот:

Последние движения,
Последние копейки…
Последние очень дороги…

Саша посмотрел на меня внимательно: «Ты что? Ну ты даёшь, – сказал он и больше обрадовался, чем удивился, – ты хочешь сказать, что наизусть помнишь мои стихи?»

После этого случая он перестал заниматься «личным плагиатом». Но это к слову.

И всё же однажды он пришёл на занятие. Возможно, перешагнув через себя; наверное, чтобы не обидеть меня окончательно.

Наш руководитель Вазген Кансузян сказал несколько дежурных предложений и слово предоставил «новому члену нашего старейшего литературного объединения Саше Мкртчяну».

К моему удивлению, оказалось, что Саша очень ответственно, основательно подготовился к занятию, как к чрезвычайно важному литературному мероприятию, серьёзно поработал над подборкой, и, естественно, был уверен, что его будут не только просто слушать и внимать, но и подвергнут стихи профессиональному разбору. Но к сожалению...

После Саши начали читать свои произведения другие участники занятия. Минут десять-пятнадцать он внимательно слушал, потом начал делать нетерпеливые движения, а ещё через несколько минут пошли в ход его реплики, сперва шуточные, а потом и слегка язвительные, колкие.

После занятия, которое он практически сорвал, мы пошли в купатную[3]. Заказали по бокалу пива, купили купаты, обильно посыпанные нарезанным луком и петрушкой. На одном дыха-

[3] Купаты – разновидность домашних колбас.

нии отпив больше половины пенного пива и закусив сочными купатами, Саша сказал: «Я-то знаю, почему сегодня пришёл, но никак не могу понять: что делаешь там ты?»

Не знаю, что ему не понравилось, или кто не понравился. Возможно, ему показалось, что недооценили его произведения, довольствовались общими, ничего не значащими для него словами, хотя и одобряющими. Как бы то ни было, он прямо сказал: «Больше не проси, я не буду приходить на ваш парапмунк». Сказал не терпящим возражения тоном, в слове «парапмунк» (занятие) особо подчеркнул его первую часть: парап, явно намекая на её значение: пустой, праздный.

Вот такое интересное слово с противоположными значениями.

На этот раз Саша, к сожалению, сдержал своё слово.

Как уже знает читатель, Саша после сухумской школы имени Ованеса Туманяна, где в течение нескольких лет создавал богато оформленный кабинет армянской литературы, свою работу продолжил в Ахалсопельской (Дзыгутской) средней школе Сухумского района преподавателем родного языка и литературы.

Сельским учителям в советское время полагались значительные социальные льготы, они безвозмездно получали довольно-таки обширный земельный участок, освобождались от службы в армии... Всё это делалось для привлечения молодых специалистов в сельские школы.

В селе Ахали сопели, которое армяне называют Лемселух («лемс» – искажённое произношение слова «немец»; здесь некогда жили немцы), Саша пользовался солидным уважением и авторитетом, его очень ценили коллеги, особенно директор Нонна Карловна Начкебиа. По её ходатайству Саша был назначен завучем начальных классов всей трёхсекторной школы.

Не скажу, что эта ответственная и трудоёмкая работа была Саше в тягость. Нет конечно. Но он с некоторых пор (когда был принят закон, разрешающий заниматься бизнесом, в том числе и частным извозом), искал удобного случая, чтобы «с концами сачкануть от неё».

Это было то время, когда в условиях нового горбачёвского мышления (перестройка, гласность, ускорение) в стране развивались какие-то не совсем понятные рыночные отношения, и

Саша решил заняться бизнесом: «Полезным делом, – как он говорил, – таксованием». Да вот беда: Нонна Карловна не совсем охотно согласилась на его увольнение, заявила, что согласится, если будет предоставлена соответствующая замена. И Саша в поте лица занялся поисками «соответствующей замены». Но это было не совсем лёгким делом. Вопрос завуча начальных классов был решён моментально – им стала Размелла Ашотовна Кочконян, а вот преподавателя армянского языка Саша никак не мог найти.

Однажды он удручённо сказал: «Ты знаешь, я ускоренными темпами перестроился, пересмотрел некоторые свои взгляды и принципы, уже морально готов пойти в извозчики, лишь бы в это трудное время поддержать семью, но никак не могу найти себе замену... Говорят же, бедному жениться – да ночь коротка. Оказывается, очень многие учителя – ведь они тоже не глупее меня – уходят из школ, чтобы заняться «полезным делом»: кто-то мечтает «таксовать», кто-то отливать серьги, кольца и цепочки, кто-то шить «джексоны» (тапочки из дерматина). В школах катастрофически не хватает кадров, тем более преподавателей армянского языка и литературы. И я сегодня почти как Диоген Синопский, – пошутил он, – хожу по улице с фонарём и кричу: «Ищу учителя!» И чем же я не Диоген, скажи, живу почти в Синопе, совсем рядом?!»

Саша имел в виду сухумский микрорайон Синоп, известный научному миру своим физико-техническим институтом всесоюзного значения (СФТИ), в котором работали учёные с мировым именем: Манфред фон Арденне, лауреат Нобелевской премии Густав Герц, профессор Рачия Арамович Демирханов и другие.

Конечно, Саша мог отработать положенный двухнедельный срок и уйти, «да вот совесть потом не оставила бы в покое, от которой «не спрятаться, не скрыться».

Промежуточный рассказ

КАК Я СТАЛ БЕЗРАБОТНЫМ

Здесь я должен сделать небольшое отступление.

Как раз в те дни – перед новым учебным годом, то есть в начале августа 1987-го, неожиданно даже для самого себя я вдруг стал безработным.

Всё произошло молниеносно, буквально за несколько дней.

А дело было так.

После окончания историко-правового факультета Абхазского госуниверситета, из-за болезни отца отказавшись от заманчивого предложения поступить в аспирантуру в Риге, я начал работать (не поверите!) обработчиком вин на головном заводе Абхазвинкомбината (куда меня по просьбе нашей соседки тёти Марики Ивановой устроила её племянница – тоже Марика Иванова – лаборантка цеха розлива сухих и креплёных вин).

Это недалеко от нашего дома, задние окна которого смотрели на водонапорную башню завода. Кстати, точно так же они смотрят и сегодня: и общий вид тот же, и башня та же – высоко в небе одиноко торчащий гриб, заменивший свой бордовый цвет на зелёный. Ничего не изменилось с тех пор – вот тропинка, ведущая через небольшой овраг под названием Ущелье Цуцхы в поляну, где в детстве мы гоняли футбольный мяч, и дальше к воротам комбината: ещё пару шагов и ты уже на территории флагмана абхазского виноделия. Эта поляна, которую мы только что прошли, хорошо известна читателю по нескольким моим рассказам, особенно по «Таки».

Прекрасный коллектив комбината, интереснейшая, радующая душу работа обработчика вин, уважение коллег! Чего же ещё надо?! Живи, работай и наслаждайся жизнью!

Я любил свою работу, очень внимательно следил за процессом превращения виноматериала в вино, работал в тесном контакте с сотрудниками лаборатории, особенно с Валентиной Николаевной Аргун – очень образованным человеком, прекрасно владеющим армянским языком; наша Ляля до сих пор работает на заводе, свой бесценный опыт передавая молодым виноделам (недавно я узнал, что Лялю постигла невосполнимая утрата: её дочка, всеми нами любимая Сашенька, которая в то время работала экономистом, неожиданно ушла из жизни).

Виноделие и виноградарство – интереснейшая наука, основанная на новейших технологиях и народных способах обработки первичного материала! Кстати, в 2020 году вышла фактологически богатая книга «Виноградарство и виноделие у древних абхазов» под авторством этнографа Фарида Кобахиа и потомственного винодела Николая Ачба – нынешнего генерального директора компании «Вина и воды Абхазии».

Многие считали, что мне повезло с работой на винзаводе, хотя никакого везения не было: был действительно по достоинству (и это я говорю без ложной скромности) оценённый результат моего кропотливого и ответственного труда.

Хочу обязательно добавить, что очень многие знаменитые люди посещали наш завод: спортсмены, писатели, артисты, космонавты…

Помню встречи с артистом Спартаком Мишулиным – «паном директором» популярнейшей телевизионной сатирической передачи «Кабачок «13 стульев», членами сборной команды СССР по тяжёлой атлетике во главе с Василием Алексеевым – многократным чемпионом Европы, мира, Олимпийским чемпионом... В моём архиве сохранилась фотография, запечатлевшая нашу встречу с поэтами Марисом Чаклайсом, Олегом Хлебниковым и другими.

Но... Давайте перейдём к нашему разговору.

Однажды вечером к нам пришли гости: мой младший дядя Аршавир, преподававший русский язык и литературу, а затем и историю в Нижнемархаульской средней школе, и Арутюн Манукян – директор Цебельдинской армянской школы.

Высокогорное село Цебельда! Знаменитое во всех отношениях село, со многими историческими памятниками, в том числе и остатками 16-метровой смотровой башни и стен Цибилиума – могущественной крепости древних апсилов, где вёл раскопки сам Юрий Николаевич Воронов – известный археолог, доктор исторических наук, профессор.

И ещё я просто обязан сообщить, что в местной, не менее знаменитой армянской школе некогда работал великий композитор Никол Галантерян.

Именно здесь он создал сравнимый наверное с «Бесаме мучо» легендарный романс «Хент ахчик», который до сих пор исполняют знаменитые певцы, в том числе и неподражаемый Форш.

Здесь, в Цебельдинской школе, преподавал армянский язык и литературу известный детский писатель Акоп Торосович Гурунян – член Союза писателей СССР, автор многих книг, среди которых хочу особо отметить уникальный сборник «Фольклор амшенских армян», над которым он кропотливо работал более пятидесяти лет, по крупицам собирая жемчужины устного на-

родного творчества. Этот сборник вышел в Ереване накануне грузино-абхазской войны. весь её тираж, из-за невозможности доставить в Абхазию, несколько лет пролежал в издательстве, а затем был распределён по библиотекам Армении. Всего несколько экземпляров дошло до амшеноармянских читателей. Один экземпляр стараниями поэта Ованеса Торосяна достался мне. Кто-то (не помню кто) взял почитать, но, к сожалению, так и не вернул. Книги Гуруняна большим тиражом выходили в ереванских издательствах «Айастан», «Советакан грох», «Аревик», отдельные произведения печатались в газетах «Пионер-канч», «Советакан манкаварж», журнале «Советакан граканутюн» (ныне «Норк»)…

Здесь начинал свою педагогическую деятельность после окончания физико-математического факультета Армянского педагогического института в Ереване будущий член Союза писателей Армении, мой несравненный друг Алексан Гомцян.

Так вот. Слова Манкуяна я помню до сих пор: «Наш единственный учитель истории уходит на пенсию. Мы остаёмся без преподавателя. От имени педколлектива и родительского комитета я прошу тебя перейти на работу в нашу школу».

Легко предложить «перейти на работу в нашу школу». Но что же это обещало мне в случае моего согласия?

А это означало, что три раза в неделю на пыхтящем автобусе, зимой и летом, очень рано утром, чтобы не опоздать на работу, я должен подниматься в высокогорное село, пусть и знаменитое, а после занятий спускаться в город! «Да это же самое настоящее безумие!», – скажет любой из вас.

Вот и я так же откровенно сказал об этом Манукяну.

Мой ответ, конечно же, огорчил его, и это было видно по его лицу. Чтобы сгладить неловкость ситуации, он сказал, что понимает меня и поэтому внутренне был готов к отрицательному ответу. Но я-то видел его разочарование.

После ухода гостей мой отец, болезнью много лет почти прикованный к постели, позвал меня к себе. Я знал, что он краем уха слышал наш разговор. По виду отца я понял, что он, мягко говоря, не совсем доволен мной, а это, в свою очередь, предполагало, что будет не совсем лёгкий для меня разговор, вернее, он будет довольно-таки тяжёлым. Не глядя на меня, отец строго сказал: «Ну как же так?!.. Я не могу понять, как же

ты смог?!.. Он же не за себя просил, он же просил за армянских детей, которым нужен учитель. Ты понимаешь: армянским детям нужен учитель! Человек из Цебельды приехал к тебе домой с просьбой и надеждой, приехал к тебе – к дипломированному специалисту... И что он скажет своим ученикам? Эх ты!..»

Прошёл день и Манукян вновь приехал к нам. Я и сегодня подозреваю, что он приехал по совету моего отца, через своего младшего брата отправившего ему соответствующий «лур» (весть) с обнадёживающим содержанием.

Директор чуть ли не со слезами на глазах повторил не только «коллективную просьбу учителей, родителей и учеников», но и всех жителей села во главе с председателем колхоза. Конечно, я не мог не согласиться, ведь вопрос, как я сразу догадался, уже был решён и без моего согласия.

Мне оставалось написать заявление об уходе из Абхазвинкомбината, что я и сделал незамедлительно под ободряющий взгляд отца.

На следующий день я с заявлением в руках явился к директору комбината Владимиру Николаевичу Анчабадзе (Ачба): «Прошу Вас освободить меня от работы по собственному желанию…» Я объяснил директору сложившуюся ситуацию. Он покачал головой, спросил, хорошо ли я обдумал своё решение. «Это очень серьёзный шаг», – сказал он и когда получил утвердительный ответ, вывел на моём заявлении: «Не возражаю». Потом вызвал начальника отдела кадров Нину Ашортия и попросил оформить моё увольнение. Он пожелал удачи на новом поприще и, крепко пожимая мне руку, сказал: «Я перестал бы тебя уважать, если бы ты не согласился».

Кстати, Владимир Николаевич трепетно относился к вопросам образования и воспитания (особенно спортивного) подрастающего поколения.

И это неудивительно, ведь его родная сестра, Лейла Николаевна, более двадцати лет работала директором Сухумской школы-интерната имени К.Ф. Дзидзария, и он всячески поддерживал это учебное заведение как руководитель шефской организации.

Всё шло, как говорится, по плану, и никто не мог предположить, что в скором времени я пожалею о своём решении. Но обо всём по порядку.

Через несколько дней я и моя жена, Гоарик Ованесовна Тепулян, на пыхтящем под палящим августовским солнцем автобусе поехали в Цебельду. Как только автобус тронулся, водитель включил очень популярный в те годы, можно сказать, всенародный кассетный магнитофон «Весна», и в сопровождении песен Высоцкого и Пугачёвой мы пустились в не совсем близкий путь.

Вот хриплый голос Высоцкого убеждает нас, что «лучше гор могут быть только горы», и справедливость этих слов воочию подтверждают величественные снежные вершины напротив, взметнувшиеся в голубые небеса. Когда заканчивалась одна сторона кассеты, водитель переворачивал её на другую сторону и вот уже Пугачёва так нежно и кротко, чуть ли не на коленях умоляет: «Лето звёздное, будь со мной».

А мы вытираем промокшим платком пот, который обильно катится с нас: мы никак не можем дождаться, когда же, наконец, перестанет это звёздное лето «быть с нами» и наступит долгожданный бархатный сезон, вконец избаловавший нас – жителей Абхазии.

Сразу скажу, что после выезда из города и поворота налево – по Военно-Сухумской дороге вдоль реки Мачарки от одноимённого поста ГАИ – начинаются и неотступно сопровождают нас до самой Цебельды волшебные в любое время года пейзажи.

Эти красоты, продолжающиеся и дальше всё новыми и новыми оттенками и переливами, переплетены густо благоухающими огородами и обширными садами, словно разноцветными рушниками, полотенцами и скатертями, вышитыми моей бабушкой Сатеник как приданое для своих дочерей.

Несколько экземпляров таких восхитительных работ хранятся в нашем доме до сих пор.

Вот мы проезжаем мархаульский источник. Я до сих пор не знаю, почему он называется мархаульским; по моему мнению, его надо было назвать мачарским, ведь он находится на территории села Мачара и на берегу реки Мачарка. Хотя, по большому счёту, какое имеет значение название источника? Мархаульский? Ну так и быть – пускай будет источник мархаульским! И ещё: много лет идут споры на предмет того, действительно ли вода источника целебна? Кто-то говорит, что да, она целебная,

другие с сожалением констатируют, что её возможности сильно преувеличены, третьи буквально рогами упёрлись в «клянусьма-му», что, наоборот, её нельзя пить… На этот счёт я тоже имею своё мнение: скажите, пожалуйста, может ли не быть целебной кристально чистая и холодная вода, бьющая из глубин земли? Тем более, если человек безоговорочно верит в её чудотворные свойства? А верят и пьют эту воду, я знаю точно, не только все без исключения жители Мачары и близлежащих сёл, но и многие сухумчане: они приезжают за водой на машинах и набирают её в разные по объёму и количеству ёмкости. Здесь иногда, особенно летом, выстраиваются довольно-таки солидные очереди «из отдыхающих», но, будем объективны, они, то есть очереди, быстро, как сегодня модно говорят, «рассасываются». Я «биографию» источника очень хорошо знаю, ведь он «родился» буквально на моих глазах. Мачара – моё родное село, здесь живут мои самые близкие родственники по отцовской линии. И, самое главное, можно сказать, что именно здесь прошло моё детство.

Потом мы оставляем далеко позади Нижнемархаульскую среднюю школу с памятником Ленину справа – вождь мирового пролетариата «махает» нам вслед рукой с пожеланием счастливого пути и шепчет немыми губами: «Пусть дорога не пылит!»

Во дворе двухэтажного здания школы установлен мемориальный комплекс-памятник мархаульцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Одним из инициаторов и организаторов его строительства был уже известный читателю мой дядя Аршавир Сарецян – в то время заместитель директора школы по воспитательной работе, активный общественник и организатор. Комплекс «от имени сердца, от имени жизни» сооружён на средства, собранные благодарными потомками Созидателей Великой Победы, ведь

Это нужно – не мертвым!
Это надо – живым:
помнить всех поимённо,
горем помнить своим!..

Среди более ста имён на величавом комплексе-памятнике значатся имена родных братьев моего отца – гвардии сержанта Григора и старшего лейтенанта Вагана Сарецянов, а также многочисленных наших родственников. Они навсегда остались далеко от родной земли…

Хотя... Может ли не быть родной земля, за которую ты и твои близкие обильно пролили кровь?

Наш автобус, набитый сумками, мешками, ящиками, по правому берегу Мачарки медленно продолжает свой путь, которому, кажется, так же нет конца, как утверждает в своей песне Пугачёва: «По острым иглам яркого огня бегу, бегу, дорогам нет конца».

Ещё немного, ещё совсем чуточку выше – и вот дом моего старого доброго друга Арама Ходжикяна и Сусанны Сурменелян – ближайшей подруги моей жены; отсюда виден поворот налево. Эта грунтовая с крутым подъёмом и извилинами дорога с двумя параллельными линиями, слегка утрамбованными автомобильными колёсами, ведёт в село Капитановку и круто заворачивает прямиком к дому члена Союза писателей СССР Андраника Багаряна, сыгравшего довольно-таки серьёзную роль в моей литературной жизни.

Андраник Амбарцумович – автор нескольких сборников стихов, в том числе и замечательной детской книжки «Кукушка-матушка», вышедшей в ереванском издательстве «Аревик» («Солнышко») под редакцией Юрия Саакяна. Я же, в знак благодарности и уважения к его литературному творчеству, в 2004 году в серии «Библиотека газеты «Амшен» выпустил сборник его рассказов «Самое сладкое слово мира»: издание книги было приурочено к 75-летию Багаряна. И ещё добавим, что поэму «Кукушка-матушка» перевёл на абхазский язык известный поэт Рауль Ласурия и опубликовал в своём «Избранном».

А вот и по правую руку, на правом берегу реки Мачарки, раскинулась подстанция, питающая электроэнергией почти добрую половину Абхазии. Здесь много лет работает инженером-электриком мой друг Арутюн – младший брат Арама Ходжикяна. С именем Арутюна связан курьёзный случай, дошедший аж до руководителя Абхазии Владислава Ардзинба. Дело было после грузино-абхазской войны – в 1994 году. Однажды, как обычно придя на работу, Арутюн вдруг вспомнил, что забыл выключить самодельную электроплиту, на которой аппетитно варились большие куски мяса хашламы с картошкой, помидорами и болгарским перцем. Кстати, такими плитами в ту пору пользовались практически все жители Абхазии. Не совсем долго думая, Арутюн твёрдым и резким движением

руки отключил рубильник трансформатора и спокойно пошёл домой, чтобы разъединить провода, висящие на крючках. А от подстанции до дома – ни много ни мало час-полтора ходьбы по главной улице села, – и это без учёта того, что на каждом шагу встречаются односельчане, с которыми обязательно надо «перекинуться» последними политическими новостями – как внутренними, так и внешними. Короче говоря, это вынужденное «путешествие туда и обратно» затянулось на несколько часов, и, как уже догадывается читатель, в течение всего этого времени половина территории Абхазии (в том числе и столица Сухум) оставалась без света. О причинах обесточивания строились самые разные мыслимые и не совсем мыслимые догадки с широким диапазонным охватом: от аварии на высоковольтных линиях где-то в горах до диверсионных взрывов в районе государственной границы, – «благо», в ту пору действовали бандитские группы, называемые «лесными братьями», и «вполне возможно, что это дело их рук». Вот эта последняя версия, как более правдоподобная, была доложена Владиславу Ардзинба… Говорят, что он потом не раз вспоминал этот случай по соответствующим поводам и заразительно смеялся…

Пусть читатель извинит меня за мои часто повторяющиеся «лирические отступления» – думаю, что они нужны для более полного представления значения описываемой местности в жизни нашего народа. И вообще, я люблю отвлекать тебя, читатель, разнообразными рассказами и информацией – это моё довольно-таки слабое место, которым я пользуюсь полным ходом для удовлетворения твоего же любопытства.

Дальше по дороге такая же развилка сворачивает к родительскому дому Лаврентия Павловича Берия. Да, именно здесь родился будущий всемогущий нарком, держащий в страхе великую советскую страну (и не только советскую), здесь прошло его совсем не босоногое детство. Но мы не сворачиваем с нашей стратегической дороги на развилку, ведь «нам, как кстати подсказывает Высоцкий, туда не надо» – и слава богу, что наши пути разошлись – нам не по пути с Лаврентием Павловичем!

Мы совсем не спеша продолжаем подниматься выше и выше и вскоре проезжаем дом, в котором в 1901 году родился выдающийся абхазский новеллист Михаил Александрович Лакербай.

Я писал в одном из своих рассказов о том, что этот великий писатель часто бывал в нашем дедовском доме, записывал интересные рассказы старших, спасая их от полного исчезновения. Некоторые из этих рассказов стали замечательными новеллами.

Написал я эти строки, и ещё раз подумал о том, что воистину неисповедимы Пути Господни. Посудите сами: почти в одно и то же время родились два мальчика (с разницей всего в два года), пили одну и ту же воду, ели один и тот же хлеб, одним и тем же воздухом дышали, бегали по одним и тем же тропинкам, в одной и той же реке купались, но… Один, Лаврентий Берия, стал великим злодеем, второй, Михаил Лакербай – великим писателем. И ещё добавим, что Лаврентий Берия учился в той же школе, в которой потом получили среднее образование другие великие люди: писатель-гуманист Фазиль Искандер и археолог Юрий Воронов, имя которого сейчас носит эта школа.

Добро и Зло… Свет и Тьма… Неужели Добро и Зло, Свет и Тьма не могут существовать друг без друга? Ну почему существование Добра и Света обусловлено обязательным существованием – сосуществованием – Зла и Тьмы?!

Дорога стратегического назначения, петляя между горами и ущельями, уходит вверх и вверх, всё выше и выше – к горам с белоснежными башлыками.

Много интересного связано с этой дорогой, много чрезвычайного помнит она: трагического и величавого – Военно-Сухумская дорога, ставшая исторической достопримечательностью нашего края.

Вот мы проезжаем развилку на «Ясочку». Это – знаменитое имение Вороновых. Оно основано в 1874 году Николаем Вороновым – участником революционного общества «Земля и воля»; здесь со своей женой Александрой Прогульбицкой он открыл первую народную школу. В этом доме 8 мая 1941 года родился видный государственный деятель, вице-премьер правительства Абхазии, доктор исторических наук, профессор Юрий Николаевич Воронов, руку которого я имел большую и обязывающую честь пожимать лично. Часто бывал здесь и мой друг – поэт Евгений Александрович Евтушенко.

Юрий Воронов был убит 11 сентября 1995 года у порога своей квартиры. Он похоронен в парке перед Абхазским госу-

дарственным музеем рядом с Абгосфилармонией – напротив управления внутренних дел Сухума и русской средней школы имени Пушкина.

Скоро Цебельда. Вот справа гора, названная Сахарной головой. Почему она названа именно так, а не иначе, никто не знает точно, хотя есть разные предположения. А вот рядом с ней – другая вершина: её называют горой Видишынского: по фамилии князя, во владении которого находилась данная территория. Так утверждает всезнайка местного масштаба Алик Айрапетян. Хотя это тоже может быть всего лишь предположением. Но ведь Алик мамой клянётся, а это уже весомый аргумент, кто знает, может быть и так. Эти две вершины одной горной гряды близки армянскому сердцу тем, что напоминают двуглавую гору Арарат – Сис и Масис.

«Это гора – наш Масис сар, наша Арарат, – говорят цебельдинцы,– когда совсем невмоготу, мы поднимаемся на эти вершины и там утоляем жажду тоски по дедовскому дому».

Наконец наш автобус подъезжает к центру села (водитель выключает магнитофон, но Пугачёва уже успела сообщить, что «и под ливнем, и под градом, лишь бы быть с тобою рядом, это очень, очень хорошо»), делает небольшой поворот налево и останавливается в тени дерева, под которым его поджидают несколько человек.

Среди них я заметил директора школы Арутюна Манукяна. Это меня несказанно обрадовало. «Какой же он внимательный, – промелькнуло в моей голове, – пришёл на остановку встречать нас». Мне стало неловко перед ним за то, что не сразу согласился на его предложение. Более того, стало даже совестно за доставленные ему немалые неудобства, ведь не так-то просто, бросив все дела, как школьные, так и личные –

у сельчан забот
полно по горло круглый год –

и два раза проделать утомительный путь по маршруту Цебельда – Сухум – Цебельда. И я решил ещё раз извиниться перед ним. Мы с Гоар пошли к выходу через переднюю дверь. Я помахал Арутюну рукой, но он наверняка не заметил, потому что играючи ловко уже помогал женщинам выгружать их ящики, мешки и сумки через заднюю дверь автобуса. Ай да Арутюн, ай да молодец! Совсем не скажешь, что директор школы! Мы

вышли из автобуса и встали в тени дерева, поджидая Арутюна, когда он закончит свою работу и подойдёт к нам.

Когда вышли все старые пассажиры, а новые вошли внутрь и заняли места, автобус медленно тронулся с мес-та, то отъезжая назад, то подаваясь вперёд, и резко покатился вниз по дороге.

И вдруг Арутюн так же ловко, как и выгружал ящики, бросился вдогонку за автобусом, набирающим скорость, по-молодецки вскочил на заднюю площадку и, высунув в открытое окно голову, крикнул мне: «Я еду на совещание в райком партии. Буду очень поздно, а может быть и останусь у родственников...» Потом до меня дошли обрывки: «Так что... можете... не ждать...» Он продолжал ещё что-то кричать...

Растерянные и расстроенные, мы с Гоар посмотрели друг на друга. Что и говорить, мы не были готовы к такому повороту событий. Чтобы каким-то образом успокоиться и прийти в себя, мы приняли возможно единственно верное решение: побывать в гостях у Алексана Гомцяна.

Читатель уже знает, что Алексан по распределению работал в Цебельдинской школе, преподавал математику. Он писал замечательные лирические стихи, серьёзно увлекался шахматами, являлся победителем многих рес-публиканских соревнований. (В скобках замечу, что он и сегодня не расстаётся с любимым видом спорта, работает в одном из детско-юношеских центров Еревана в районе Нор Норка, где довольно-таки успешно ведёт шахматную секцию.) Но в первую очередь он был и есть моим другом – добрым, щедрым, открытым. Наша дружба продолжается до сих пор, несмотря на то, что во время грузино-абхазской войны Алексан с семьёй переехал в Ереван на постоянное жительство. Конечно, на некоторое время прервалась наша связь, которую мы через несколько лет восстановили. О том военном периоде Алексан написал замечательный документальный рассказ под названием «Это было в мае» с потрясающим финалом. Рано утром, перед тем, как навсегда покинуть родной очаг, семеро братьев во главе с седовласым отцом, накануне зверски избитым вооружёнными до зубов «гвардейцами», полностью пропололи кукурузное поле, окучили грядки с добавлением удобрений в почву и сразу же по завершении работы пус-ти-

лись в тяжёлый и мучительный путь тарагира – скитальца, покинувшего родной очаг. После себя они оставили образцовое кукурузное поле, ухоженный сад и добротное хозяйство. Я уверен, что читатель навсегда запомнит слова отца Алексана – Лаврентия: «Сынок, хлеб всегда остаётся хлебом. Хлеб – совесть земли…»

Этот пронзительный рассказ опубликован в газете Союза писателей Армении «Гракан терт» к 60-летию его автора.

Домик Алексана находился в тени могучих хвойных деревьев рядом со школой. Чтобы попасть к Алексану, надо было пройти через школьный двор и деревянную калитку. Утопающее в густой зелени здание школы, где я согласился работать, было закрыто на замок.

Алексан очень тепло приветствовал нас, встретил с весёлой и доброй улыбкой:

– Дорогой Артавазд, дорогая Гоар, как же давно мы не виделись… Какие у вас новости? Что привело вас в наши края?

– Ну, Алексан-джан, мы же виделись совсем недавно – на занятиях в литобъединении.

– Даже через день – это уже давно, когда речь идёт о дорогом друге.

– Да, ты прав, – согласился я.

Буквально за несколько минут жена Алексана накрыла стол, за которым потихонечку прошла горечь от не совсем понятного поведения директора школы Манукяна, скажем откровенно, больно задевшего моё самолюбие. «Ничего страшного, – успокаивал я самого себя, – бывает, человека неожиданно вызвали, он же государственный чиновник. Встретимся в следующий раз и решим вопрос моего трудоустройства, ведь до нового учебного года ещё уйма времени». Но тут же передо мной возникли закрытые на замок двери школы...

Интересный день провели мы с Алексаном, насыщенный воспоминаниями, чтением новых стихов и их разбором. За столом мы так «нафантазировались», что начали строить грандиозные планы нашей дальнейшей совместной работы «на благо армянского населения». Так, мы даже решили при Цебельдинской школе открыть филиал уже известного читателю Сухумского литобъединения и подключить к его работе человека кристальной души – Акопа Торосовича Гуруняна. Я и сейчас

уверен, что это была не только реально выполнимая «фантазия», но и крайне необходимая.

Помню, с каким юмором и воодушевлением Алексан рассказывал о выпускном экзамене по математике, на котором решалась судьба золотой медали ученика Епрема Топчяна – ныне преподавателя программирования электронно-вычислительных машин Абхазского госуниверситета.

«Мой ученик решил очень сложную задачу, получил заслуженное «отлично» – кстати, в том учебном году единственное по всей республике, – до сих пор с гордостью вспоминает Алексан, при этом особо подчёркивая: «Мой ученик». – Скажу откровенно, мне тоже не на шутку пришлось попотеть, более двух часов ломал голову над задачей и, в конце концов, решил. Правда, до этого забежал домой, благо, он находится, как видишь, почти впритык к школе, выпил два стакана чистейшей чачи, и как будто мозги просветлели».

Да я и сам, без подтверждающих слов Алексана, знаю, что после чачи лучше сосредотачиваешься, мысль работает глубже и основательнее, другими словами – функционирует в полной гармонии с логикой.

К концу дня, перед нашим уходом, когда во дворе школы уже начинали сгущаться первые сумерки, мы от всей души «на посошок» подняли стакан за здоровье директора школы Арутюна Манукяна, заочно поблагодарили его за то, что он таким своеобразным способом дал нам возможность встретиться и провести замечательный день. «Наверняка сейчас краснеют его уши», – сказал Алексан. Я, конечно, поддержал его: «Ещё как краснеют!»

Потом мы поспешили в центр села, чтобы успеть на последний сухумский рейс. И пока мы с Гоар устраивались поудобнее, Алексан успел расплатиться с водителем, а потом выяснилось, что он попросил довести нас до дому, что и было сделано.

Тот день действительно был замечательным, я его до сих пор помню в мельчайших подробностях. Точно так же помнит его и Алексан. Недавно мы встретились в Ереване, долго говорили, вспоминали наши цебельдинские встречи и литературные занятия, наших друзей, многие из которых покинули нас.

Пользуясь возможностью, сообщу, что через несколько лет после этого памятного дня, в 1991 году, буквально за один год

до начала грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, невероятными усилиями Алексана Гомцяна в небольшом, заселённом в основном армянами селе Квемо-Цкаро (ныне – Джмашта), что в трёх километрах от Цебельды, открылась восьмилетняя школа. И сам Алексан был назначен её директором. Он мотался между школами по разбитым сельским дорогам на своём мопеде марки «Верховина», специально купленном именно для этой цели, и никогда не опаздывал на занятия. О пропусках даже речи быть не могло!

К сожалению, эта школа, как и некоторые другие сельские школы (независимо от языка обучения), в том числе Цебельдинская и Амткельская, в которой тоже работал Алексан по просьбе директора Ваграма Давтяна, после окончания войны была закрыта из-за нехватки как педагогических кадров, так и ученического контингента. Жители высокогорных сёл навсегда покинули эти живописные места – одни перебрались поближе к городу, другие обосновались на Черноморском побережье России, в основном в Адлерском районе Сочи. Грустно говорить о том, что некогда многолюдные и благополучные сёла сегодня потихоньку дичают, покрываются колючими растениями и кустарниками. Они как бы возвращаются в своё первозданное состояние, к своей прежней дикой красоте. Но это, конечно, очень слабое утешение, если вообще можно назвать утешением.

Сам изнеможённый вышеописанной дорогой, не буду испытывать терпение читателя и утомлять его своими, хотя и, на мой взгляд, довольно-таки интересными рассказами о том, как несколько раз я с женой и без неё поднимался в Цебельду, надеясь наконец встретиться с директором школы. Но я его так и не смог «поймать» ни разу – ни в школе, ни даже дома. И после каждой поездки мои надежды буквально на глазах всё больше и больше таяли, как снег на горе Сахарная голова. Директор постоянно находился на каких-то серьёзных совещаниях и заседаниях: то в райкоме компартии, то в отделе образования, то на республиканских курсах усовершенствования учителей… «Прозаседавшийся», – сочувственно вспомнил я того Владимира Владимировича – великого поэта Маяковского.

В конце концов, я начал понимать, хотя не хотел в это верить, что он просто-напросто избегает меня. Но почему же он

делает это, я никак не мог понять, ведь школе, как воздух, был нужен учитель?!

А тем временем…

Я решил воспользоваться сложившейся ситуацией хотя бы с какой-то долей пользы для себя. Так, в очередной раз не застав директора и ничуть этому не удивившись, я решил поближе «лично познакомиться» с крепостью Цибилиум, о которой много читал в разных, в том числе и научных, изданиях.

Не буду рассказывать об этой знаменитой крепости средневековья, – желающие могут почерпнуть о ней много интересного из научных трудов археологов Олега Хухутовича Бгажба и уже известного нашему читателю Юрия Николаевича Воронова, который в книге «Тайна Цебельдинской долины» писал: «Село Цебельда – название это связано с главной крепостью древнеабхазского племени апсилов, упоминаемом в источниках VI в. н. э. в форме «Тзибила», «Тибелия», «Цибилиум». Живописные руины крепости до сих пор высятся на двух утёсах в восточной части Цебельдинской долины. Под утёсами на 500-метровой глубине по дну ущелья несётся самая большая река Абхазии – Кодор, берущая своё начало у седых вершин Западного Кавказа».

Уверен, для многих читателей станут откровением имена видных византийских деятелей армянского происхождения: зодчего Фомы Армянина и его сына – полководца Иоанна Армянина. Их деятельность тесно связана с Колхидой, в частности, с крепостями Цибилиум и Трахея – древней части Анакопийской крепости на территории нынешнего Нового Афона.

Свой следующий приезд я решил отметить посещением дома Акопа Торосовича Гуруняна, который находился в местечке под названием Хачин дур, что означает «Дверь церкви». В моей библиотеке хранятся книги с дарственными надписями Беника Сейраняна, Евгения Евтушенко, Шалвы Цвижба, Андраника Багаряна, Серо Ханзадяна, Гукаса Сируняна, Эдварда Милитоняна, Владимира Фёдорова, Ларисы Прашкивской-Фелисион, Валерии Олюниной, Елены Фроловой, Игоря Тенятникова, Наиры Симонян, Алексана Гомцяна и многих других. Среди этих книг особое место занимают и сборники Акопа Гуруняна: «Родной очаг», «Дух», «Утро моря», «Абрскил», «Дорогами веры» и другие.

Много интересного рассказал Акоп Торосович, в том числе (и в основном) о своих встречах с Ованесом Ширазом – классиком армянской литературы, с которым дружил на протяжении десятилетий. Весь этот день был овеян ширазовским поэтическим духом. С глубоким волнением я слушал рассказы Гуруняна, а потом читал письма великого поэта, в которых он говорил о своей любви к армянскому народу. «Сообщи моим дорогим абхазским армянам, – писал он Акопу Гуруняну, – что Шираз жаждет по всем спюркам[4] по всему миру, мечтает побывать и в Абхазии. Но эта заветная мечта пока, к сожалению, неосуществима…»

Потом, через несколько лет, когда я начал выпускать литературную газету, попросил, чтобы Гурунян написал свои воспоминания об Ованесе Ширазе, которые я напечатал в 1992 году с не опубликованной в других изданиях фотографией 3-4-летних сыновей Шираза. Один из них – Сипан – очень рано ушёл из жизни, правда, успев задолго до этого скорбного случая заявить о себе как об оригинальном поэте, самобытном лирике. Мы так и отметили под публикацией: «Фото из архива Акопа Гуруняна».

После этого я ещё раз поехал в Цебельду. Нет, не в школу, не на встречу с директором Арутюном Манукяном. В ней уже не было никакой необходимости, ибо преподаватель истории, который, как оказалось, жил с нами почти по соседству, ближе к железнодорожному вокзалу, да ещё и был нашим дальним родственником по материнской линии, не собирался уходить с работы. Вернее, собирался уходить, и его долго уговаривали учителя не оставлять детей без преподавателя, но он был непоколебим и твёрд в своём решении: «Я окончательно решил, – сказал он, – ухожу». Но когда выяснилось, что ему нашлась замена, он тут же изменил своё решение. «Ну хорошо, так и быть, не уйду, – сказал он, – я передумал, решил остаться».

Я поехал в Цебельду к Акопу Гуруняну – продолжить наш разговор и чтение писем Ованеса Шираза.

День обещал много интересного и неожиданного. Не обошлось, к сожалению, и без не совсем приятного «сюрприза». Так, в одном из писем Шираз с горечью и извинением сообщал

[4] Спюрк – диаспора.

о том, почему его заветная мечта побывать в Абхазии неосуществима. «В Абхазии живёт одна червь, которая в газете «Гракан терт» опубликовала «материал» на меня, и если не своевременная смерть Сталина, то мои кости гнили бы сейчас где-то в Сибири», – писал он. (По этическим соображениям мы не можем привести имя этого человека. – *Автор.*) Слова Шираза глубоко запали в мою душу, и я их запомнил дословно.

Можно представить, какие тревожные думы обуревали молодого поэта после этого «материала». Написал «можно представить» и задумался: а возможно ли вообще это – представить то, что за гранью человеческого разума. Нет, как говорится, такого даже врагу не пожелаешь!

Я читал письма Шираза и вспомнил своего деда, «посетившего» Сибирь. Я обязательно должен написать несколько слов о нём. Как бы это странно не звучало, деда сослали в Сибирь за его действительно героический поступок, о котором после возвращения из ссылки дед никогда не рассказывал. А дело было так.

Ещё один промежуточный рассказ

«ЗАТО Я УВИДЕЛ СИБИРЬ»

Когда началась Великая Отечественная война, сыновей моего деда – старших братьев моей мамы – призвали в Красную Армию. Они сразу же, как и их сверстники, были направлены на фронт. Да и каждый из них, твёрдо веря в скорую победу, всякими правдами и неправдами стремился как можно скорее попасть на передовую, чтобы успеть совершить свой ратный подвиг (ведь другого такого шанса наверняка уже не будет) и, овеянный неувядаемой славой, вернуться домой.

Уверен, практически никто даже не думал о том, что война затянется на 1418 бессонных дней и ночей.

Младший из братьев погиб в самом начале войны. Всего один солдатский треугольник получили родители от него. Написанное химическим карандашом коротенькое письмо с рисунком, изображающим ветвистое дерево со спрятавшейся в его густой листве птицей, на которую направил дуло своего автомата стоящий под деревом немецкий солдат, переходило

из рук в руки. И каждый по-своему расшифровывал тайный смысл рисунка, хотя в одном мнения совпадали: «Птица – наш солдат, и дерево надёжно защитит его. Он целым и невредимым вернётся домой».Увы и ах: не уберегло дерево нашего солдата, не сумело защитить.

Утешало то, что старший брат вернулся с Великой Победой. О том, что он внёс весомую солдатскую лепту в её достижение, свидетельствовали звёздочки старшего лейтенанта на блестящих погонах, а также медали и ордена, отражавшие всплеск солнечных лучей на его груди.

А вот деда не призывали в действующую армию, несмотря на его активные устные и письменные старания. Не призывали, как говорила мама (я хорошо помню её слова), по разным причинам, одной из которых было состояние его здоровья, не соответствующее повышенным требованиям военного времени. Но я уверен, что среди прочих причин была и другая, довольно-таки важная, а может быть и самая главная для советского государства: дети. В семье деда было пятеро дочерей – одна младше другой.

Дед всё своё время проводил в горах, иногда уходил довольно-таки далеко и надолго.

К слову сказать, дедовский дом находился почти на самой верхушке горы, среди вековых дубов. Чтобы оказаться в горном глухом лесу, нужно было сделать всего несколько шагов и выйти за лестничный забор перед домом. Далее деревянный забор из горизонтальных и параллельных жердей продолжался вокруг добротного сада.

В горах дед занимался очень важным государственным делом: пас колхозный скот. Ведь фронту кроме оружия и одежды, нужны были и продукты питания.

Как известно, летом 1942 года немецкие войска вторглись на территорию Абхазии, высадились и в высокогорном селе Псху, в окрестностях которого как раз в это время находился наш дед.

Не совсем понятно откуда появившиеся вдруг немцы окружили ничего не подозревавшего, совершенно ничего не понявшего нашего деда. Они защёлкали затворами автоматов и так бодро крикнули: «Hande hoch!» («Руки вверх!»), что «даже горы эхом отозвались». (Затем местные острословы говорили, подмигивая друг другу, что, мол, да, действительно, до них

доходили какие-то непонятные обрывки на очень (ино)странном языке, но они, неучи же, всё это, к сожалению, так непростительно приписали слуховой галлюцинации.) В общем, немцы не только взяли деда в самый настоящий плен, но и обвинили в том, что он, якобы, был проводником советских войск, действовавших в горах и наносящих чувствительные потери немецкому десанту. К слову сказать, сами того не подозревая, они попали в самую что ни на есть «десятку»: именно так и обстояло дело, дед часто по горным труднопроходимым, только ему одному известным тропам незаметно проводил и сопровождал красноармейцев, ведь очень хорошо знал местность.

Так вот, как рассказывали наши родственники, дед не так долго побывал в «гостях» у немцев, родные, привыкшие к его почти постоянному и продолжительному отсутствию, не успели даже по-хорошему испугаться за него, а он взял да вернулся домой. Правда, единственным исключением из правил было то, что он вернулся домой глухой ночью, что до этого никогда не делал. Да как же это так?! Некоторые даже не верили, что он был в плену. А о том, что он действительно испытал ужасы немецкого плена, красноречиво «рассказывали» следы побоев на его теле, некоторые шрамы навсегда остались на спине.

Дед с удовольствием и гордостью рассказывал о своём героическом поступке. И слушатели смаковали его рассказы о том, как его взяли в плен, как он бежал из плена, как его преследовали немецкие десантники, прошедшие специальную альпинистскую подготовку, и как он, играючи и умело, водил их «за нос в горах, где каждое ущелье, каждую тропинку, каждый кустик он знал наизусть – как сказку Ованеса Туманяна «Конец зла»:

Хозяин здесь – я,
Гора тут моя.
Мое и дупло,
Гнездо и тепло.
И кто мог посметь
Моим завладеть?

Но, как оказалось впоследствии, зло, как ни в чём не бывало, не только припеваючи продолжало жить дальше, но и неотступно преследовало моего деда, буквально по пятам. На то зло и всемогуще.

Окончилась война, прошло еще несколько лет. Дед всё это время по первой же просьбе сельских зевак начинал «вкусно и сочно» рассказывать о своём героическом поступке.

Понятно, что со временем его поступок всё больше и больше, как-то незаметно «обрастал новыми важными подробностями». Порой казалось, что некоторые острословы о нём знают больше, чем сам дед, и поправляли его: «Да нет же, не так. Дело было совсем иначе…» Дед не перечил всезнайкам ввиду бесполезности, только усмехался под нос: «В таком случае рассказывайте вы. Я тоже хочу знать, как же всё было на самом деле».

Ах, если бы он знал, чем всё это обернётся!..

Но вот настал 1948 год, и вместе с ним начались новые репрессии. Бдительные граждане сразу вспомнили (да и не надо было вспоминать: «знающие всё» не упускали удобной возможности блеснуть только им известными подробностями), что наш дед был в немецком плену. Они в соответствии с велением сердца и души посчитали своим долгом сообщить об этом «куда надо». И вот однажды приехали за дедом. Вернее, приезжали несколько раз, потому что деда всегда не оказывалось дома. Но, в конце концов, тем, кто «откуда надо», удалось его, ничего не подозревавшего, «взять как злейшего врага советской власти, завербованного немецко-фашистской разведкой для ведения подрывной деятельности в глубоком советском тылу» (вот именно, ни много ни мало: деятельности!).

По мнению особистов, эту версию красноречиво подтверждал и тот факт, что дед очень много времени проводил в лесу. А это, в свою очередь, настораживало их. Они считали, что это недвусмысленно указывает на то, что он – «замаскированный самый настоящий враг рабочих и крестьян». Далее, по их логике, богатый глухой лес не только надёжно укрывал его, но и неплохо подкармливал. Вот такой вот «грешный» лес, которого «будь наша воля, мы бы приговорили к смертной казни через тотальное сожжение!», – сожалели особисты.

Конечно, никакой логики во всей этой трагикомедии не было, да и не могло быть, потому что само время было вне логики. Вот в этом-то как раз и была своя чудовищная логика.

Не буду далее утомлять читателя и скажу коротко: очень мягко отнеслись к нашему деду, «влепили» всего-то шесть лет

за шпионаж в пользу иностранного государства и сослали «куда надо» – в Казахстан, а вскоре «передепортировали» в Сибирь. Но деду повезло. Повезло совсем-совсем чуточку, хотя сам он считал, что ему «очень даже крупно повезло», ведь многим и многим миллионам советских людей, которые стали невинными жертвами того сурового времени, понадобилось несколько десятилетий для реабилитации. Ему повезло «намного больше», чем всем остальным, потому что когда в марте 1953 года случилась смерть Сталина, деда досрочно освободили; может быть и потому, что даже те, кто «откуда надо», не верили в вину деда в инкриминируемом ему преступлении. До окончания срока ссылки оставалось всего ничего, но ведь освободили же! Притом досрочно! «Это тебе не фунт-хурма – досрочное освобождение, – наверняка сказал наш дед, – досрочное освобождение – это реабилитация!»

И хотя деда полностью оправдали, но он больше никогда не рассказывал о своём героическом поступке, которым некогда гордился «в течение целых пяти лет». Не рассказывал, даже когда я по «наводке» старших приставал к нему: «Дед, а дед, ну расскажи о своём героическом поступке».

Дед не отвечал, только однажды просто сказал: «Абол! Зато я увидел Сибирь. Это тебе не фунт-хурма – Сибирь».

Тонким чувством юмора обладал трагической судьбы наш дед.

(Я хорошо помню рассказы старших о том, что в середине 60-х годов прошлого века нашего деда убили в горах скотокрады, которые намеревались угнать колхозный скот на Северный Кавказ для продажи. На их пути встал наш дед, находящийся в горах. Завязалась драка, во время которой дед получил сзади удар обухом топора по голове. Его со скалы сбросили вниз, в глубокий обрыв, где он скончался мучительной смертью. Об этом рассказывали следы, оставшиеся на краю обрыва, глубокая рана на голове деда, а также оторванные ногти на пальцах обеих рук, которыми дедушка перед смертью буквально «распахал» землю вокруг себя.

Более подробно читайте в моём рассказе «Там, где звезду можно рукой достать».)

И ещё я хочу добавить, что в последнее время все свои рассказы, в том числе и этот, я представляю в виде художествен-

ных фильмов. И если бы сняли художественный фильм о моём деде, думаю, что его трагический образ со всей полнотой и глубиной сумел бы раскрыть народный артист Сос Саркисян.

Мы так далеко отошли от нашего основного сюжета, что я даже забыл, на чём остановились. И за это я приношу свои извинения моему терпеливому читателю.

Так на чём же мы всё-таки остановились?

Да, конечно, мы остановились на том, что Гаруни Саша решил заняться полезным делом – частным извозом, как он сам говорил: «таксованием», а для этого должен был уйти из школы. А чтобы уйти, он должен был найти учителя, который заменил бы его, – именно такое условие поставила перед ним директор школы Нонна Карловна Начкебиа. Вот такая образовалась цепочка из нескольких звеньев, которой, когда я встретил Сашу перед горсоветом на проспекте Мира под башенными часами, по указанию Сталина подаренными Моссоветом Сухуму в 1950 году как самому чистому городу Советского Союза, он был плотно и надёжно прикован к сельской школе на Комсомольской улице, что выше Турбазы.

Как всегда, мы коротко обменялись новостями.

Я рассказал Саше об уже известных читателю своих приключениях по трудоустройству на ниве обучения и воспитания подрастающего поколения, другими словами – образования, где мои попытки «обвенчались» сокрушительным фиаско.

Внимательно слушавший меня Саша вдруг весело и заразительно засмеялся и сказал:

– Так сам Бог велел, чтобы я выручил тебя, а ты меня.

– Как же это?

– Я увольняюсь, а ты поступаешь на работу вместо меня. Ну как тебе моё предложение? Гениальная идея, не правда ли?

Несмотря на то что я был в курсе Сашиных проблем, но такая мысль, признаюсь, меня не посещала. Да хотя бы потому, что я не был филологом, тем более специалистом армянского языка и литературы. Смогу ли? О своих сомнениях я сразу же сказал Саше, чтобы избежать возможных неприятностей.

– Даже не думай об этом! Кто тебе преподавал армянский язык в школе? Армянский язык тебе преподавала Карзуи Саркисян. Сама Карзуи Саркисян! Ты у неё получал отличные

оценки! Считай, что ты не пединститут, ты филфак университета окончил! Ну что стоишь? Пошли!

– Куда пошли?

– В роно пошли, к Хачику Давтяну.

Отдел образования Сухумского района находился буквально в десяти метрах от нас. Этот старый одноэтажный домик с несколькими комнатками, скромно примостившийся во дворе горсовета, впоследствии, во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., был сожжён вместе с ценнейшими документами.

Хачик Давтян работал инспектором армянских школ, он много лет назад в старших классах преподавал нам армянскую литературу и меня хорошо знал.

Помню, однажды он пришёл на урок с новым номером газеты «Пионер-канч» в руках, в котором было опубликовано моё стихотворение «Ночь». В самом начале урока он прочитал стихотворение вслух и сказал: «Создаёт настроение». Тогда я не совсем понял: это хорошо, или плохо.

Так вот, выслушав Сашу, Давтян пошёл к заведующему роно Михаилу Милитоновичу Летодиани, который проводил еженедельный совет роно, т.е. еженедельное плановое совещание с директорами школ.

Нас, меня и Сашу, пригласили в его кабинет. В течение нескольких минут наш вопрос был решён. Здесь же меня познакомили с директором школы Нонной Карловной Начкебиа – с очень обаятельной и красивой женщиной.

Вот так я неожиданно даже для самого себя стал преподавателем армянского языка и литературы в Ахалсопельской средней школе. А через год начал по совместительству временно работать ещё и в сухумской средней школе имени Ованеса Туманяна вместо заболевшего учителя истории Григора Депеляна: моего учителя, фронтовика, потерявшего ногу на полях Великой Отечественной. Работал три раза в неделю по два часа, после уроков в городской школе спешил на остановку, чтобы успеть на сельский автобус. А ещё через два года меня назначили директором Лечкопской средней школы имени Степана Шаумяна.

Саша много работал в тот период, практически днём и ночью, но мы часто виделись. Я бывал на его квартире по улице Орджоникидзе (ныне Воронова) около старого стадиона «Ди-

намо», и он иногда приходил к нам в гости, когда с семьёй – супругой Седой, сыновьями Спартаком и Арменом – навещал тестя – Айказа и тёщу – Артем. Они были нашими соседями и дальними родственниками, и их дом находился в метрах пятидесяти от нашего – через три дома: домов дяди Рауфа, младших братьев дяди Айказа – Вагаршака и Ашота.

Зная наши традиции и менталитет, а также Сашин, мягко говоря, не совсем покладистый характер, настоянный на обострённом чувстве справедливости, подозреваю, что ему приходилось нелегко, даже очень трудно. И тем не менее, Саша был доволен своей новой работой, которая, по его словам, приносила неплохой доход, ради чего можно было поступиться и некоторыми второстепенными принципами, но, конечно, ни в коем случае, как он сам говорил, «принципиальными принципами». Из-за этих, «не подлежащих поступлению принципиальных принципов» иногда устраивались довольно-таки серьёзные разборки с не совсем приятными и, тем более, желательными последствиями.

…А потом была война, заставшая нас врасплох и заставившая всех нас кардинально пересмотреть свои взгляды на жизнь, пересмотреть, говоря Сашиными словами, свои «принципиальные принципы». Опустошающая война. Хочу добавить: опустошающая душу война, после которой время как будто ускорило свой ход, стали более резкими его движения. У меня такое ощущение, что после войн меняется ещё и русло его течения. И в таких условиях наверняка нужна новая формула расчёта скорости времени.

После войны не было работы, каждый перебивался «как получалось, как мог», еле сводя концы с концами. Ситуация усугублялась ещё и тем, что действовала блокада для мужского населения Абхазии от шестнадцати до шестидесяти лет, введённая ельцинским правительством. Экономическую блокаду Абхазии отменили спустя 12 лет – в 2008 году.

С учётом того, что основные средства для содержания семьи в тот период добывались путём купли-продажи на обеих сторонах русско-абхазской границы, вся тяжесть данной «операции» легла на плечи женщин, несовершеннолетних и пожилых.

Мужчины же, «пребывающие в полном расцвете сил», полностью находясь на иждивении своих «слабых половин», в та-

ких, скажем прямо, не совсем достойных условиях чувствовали себя не так комфортно, как хотелось бы. Но это в первое время… а потом, конечно, вынужденно привыкли и даже пользовались своим «ущемлённым» положением…

В тот период Саша, не будем скрывать, много пил, но и, надо признать, много писал. Подозреваю, что он ещё и переводил из восточной поэзии, хотя раньше этим делом не занимался. И чем больше пил, тем больше писал.

Стихи периодически публиковались в нашей газете. По моей просьбе он начал писать и детские стихи (некоторые я опубликовал в газете «Литературный Амшен»), но вскоре категорически отказался, мотивируя тем, что очень ответственно писать для детей, что это очень важное дело – не его, и он больше не будет издеваться не только над собой и словами, но и, тем более, над детьми, к которым он питал особую слабость.

Саша внимательно читал нашу газету. Говорю это с уверенностью, потому что после выхода очередного номера он обязательно встречался со мной, если, конечно, ему «что-то нравилось». Ко мне на работу он не приходил, терпеливо поджидал на проспекте Мира в районе Главпочтамта – напротив точки выносной продажи пива, рядом с троллейбусной остановкой, куда приходили все мои дороги. Взахлёб рассказывал о понравившейся публикации, отмечал её достоинства. И это делал так самозабвенно и азартно, как будто сам являлся её автором. Подозреваю, что в порыве воодушевления он просто-напросто забывал о существовании автора. Была только публикация. И был только он сам – Саша.

Смешанные чувства одолевали меня. С одной стороны, я был доволен, что Саша активно творил. Но, с другой стороны…

Меня всё больше и больше беспокоило его усиливающееся пристрастие к алкоголю. Творчество и алкоголь: жаль, что в тот период они были взаимосвязаны.

После каждой нашей встречи Саша обязательно напоминал: «Очень прошу, только не говори Карлену[5], что я пью». А затем считал своим долгом поклясться: «Не говори Карлену, и

[5] Карлен Арсенович Яланузян – известный телевизионный журналист, переводчик произведений Норы Аргуновой, Юлиана Семёнова, Наринэ Абгарян, Даура Начкебиа и других авторов.

ты увидишь, что я брошу пить! Я обязательно брошу пить!» И добавлял: «Умереть бы мне за душу моего Карлена!»

Саша и Карлен дружили очень много лет, ещё со школьной скамьи. Их студенческая жизнь прошла в Ереване: Сашина на филфаке Армпединститута, Карлена – на отделении журналистики госуниверситета.

На третьем курсе Саша перевёлся на журналистику. Правда, перевёлся на очень короткое время, и сразу же вернулся на свой родной факультет. «Не понравилось», – коротко объяснил он.

Сказать, что Саша уважал Карлена, – значит совершенно ничего не сказать. Он благоговел перед ним. Я думаю, даже стеснялся его.

Саша очень высоко ценил литературные способности и изысканно-утончённый вкус Карлена к талантливым произведениям. Для Саши Карлен был абсолютным авторитетом во всём: лучшим другом, примерным семьянином, замечательным журналистом и переводчиком. И ещё Саша с какой-то виноватой улыбкой говорил: «Это из-за меня Карлен бросил писать стихи. Он сказал мне: «Ты есть, а это значит, что мне нечего делать в большой поэзии». Сказал он так и однажды по-мужски, без малейшей жалости, сжёг все свои тетради!» Не знаю, насколько это верно, но Саша утверждал, что всё именно так и было.

Этот поступок Карлена Саша расценивал как наивысшее признание своего – Сашиного поэтического таланта. Признание, равносильное Нобелевской премии!

Нет, это не мои слова, именно так говорил сам Саша: «Мнение Карлена равносильно мнению Нобелевского комитета!»

Полагаю, что мысль о Нобелевской премии понравилась Саше, и он её часто повторял, а со временем она не только стала, как говорят психологи, обсессией – навязчивой идеей, но и твёрдым, постоянно усиливающимся убеждением.

Саша высоко ценил свои произведения, дорожил ими, считал их достойными всеобщего внимания. И это чувство признания собственной гениальности безжалостно и упрямо дразнило его самолюбие.

Как же несчастен ты, Лев,
по сравнению с этим комаром,
свободно пересекающим границы
твоей клетки.

Совсем не трудно догадаться, кого здесь имел в виду Саша. Понятно, что в образе заклеткованного Льва выступал сам Саша и с тоской следил за «нарушителями» границ. Лев тосковал. Лев отчаянно метался и бился о клетку.

Он чем-то напоминал Толстовского льва, подружившегося с собачкой. И в этом не было ничего предосудительного, да и удивительного тоже не было.

Скорее, всё было с точностью до наоборот.

Саша был уверен в своих силах. Так спортсмен, выходящий на арену, верит в свои исключительные возможности. Ведь какой самоуверенный спортсмен, а спортсмен должен быть самоуверенным, не мечтает стать олимпийским чемпионом, не представляет себя на высшей ступени пьедестала почёта, не купается в восторженных волнах оваций болельщиков?!

Воистину, «ведь плох тот солдат, который не мечтает стать генералом».

А Саша метил в маршалы литературы.

Будучи очень добрым человеком с чрезмерно обост-рённым чувством справедливости, ему порой приходилось буквально на грани, до крови разбитыми кулаками Добра защищать её – Справедливость, и при этом он часто сокрушённо повторял знаменитые слова Сиаманто – поэта, убитого в 1915 году младотурками:

О человеческая Справедливость,
дай мне плюнуть тебе в лицо.

Нет, всё же не прав был Сиаманто: мало того, что до посинения терпевшая постоянные побои и унижения Справедливость, прикрываясь худенькими ручонками, забившись в угол, сама нуждается в защите, да ещё и «плюнуть тебе в лицо»?

За что?!

Нет и ещё раз нет! Чтобы защитить её, нужна крепкая рука чемпиона по боксу с резким, ошеломляющим ударом.

Например, такая рука, как у Саши. Даже не такая, как у Саши, а именно его рука и нужна, именно Сашина рука нужна.

«Ты видишь эту руку, видишь? – спрашивал Саша и сам же отвечал, – конечно же, видишь! Ты не можешь не видеть! Ведь это – рука чемпиона Европы по боксу!»

И Саша во всеоружии стоял перед съежившейся Справедливостью и доступными ему способами – а ему были доступны только слово и кулак – из самых последних сил защищал её.

Саша был прав. Потому что он верил в свою исключительность.

Точно так до сих пор я верю, что родился «в белом халате». И это мое призвание, это моё предназначение перед Богом – врачевание, исцеление людей. Я твёрдо верю в это, я часто представляю себя спешащим на помощь…

Практически во всех своих снах и представлениях я всегда спешу кому-то на помощь, часто падаю, до крови разбиваю ноги и руки, поднимаюсь и вновь бегу, иногда просто ползу из последних сил...

Это сон или реальность? Я никак не могу разобрать.

И пусть в силу разных, возможно в какой-то мере и от меня зависящих причин я не надел белый халат, но никогда не запятнал тот, свой, сверху данный, в котором родился. Я никогда ему не изменял.

Саша с чувством какой-то внутренней ответственности – ответственности именно перед самим собой – защищал свой, созданный своими представлениями мир, в котором он был настоящим – был самим собой.

Он вёл свой бой. Он бился не на жизнь, а на смерть.

И в этом неравном рукопашном бою без правил наносил удары и, к сожалению, пропускал, порой даже очень чувствительные…

И всё же, самый неожиданный, самый резкий, самый ошеломляющий удар Гаруни Саша – Зарзанд нанёс вечером одного из самых рядовых, самых непримечательных дней – 22 декабря 2013 года: ровно за десять дней до своего 66-летия. И этот самый рядовой день стал одним из самых чёрных дней армянской литературы.

Это был такой сокрушительной силы удар, что до сих пор я не могу прийти в себя, до сих пор земля ходит под моими ногами, нет, резкими толчками уходит и уходит из-под моих ног, и до сих пор аритмично пульсирует её сор-вавшееся сердцебиение.

…Саша умер неожиданно.

Умер в одиночестве. Сидя за письменным столом.

И в тот самый последний миг, я уверен, вся его душевная энергия, все его внутренние силы были направлены на создание нового стихотворения.

Об этом стихотворении он как бы вскользь сказал мне за несколько дней до своей смерти. Сказал просто и, не удивляйтесь, скромно, как само собой разумеющееся дело, как неоспоримый факт: «Скоро я покажу тебе такой шедевр, что земля не выдержит под твоими ногами, взорвётся как Спитакское землетрясение. Он уже почти готов в моей голове. Надо сесть и не полениться перенести на бумагу».

Нет, он не хвастал, он говорил правду.

Только в одном ошибся: земля всё же выдержала.

Не выдержало его сердце.

Апрель-май 2021

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОДОЛАЗКА

Повесть

Эта слегка забавная история вспомнилась мне в самых мельчайших подробностях, когда почти о таком же случае с более простеньким сюжетом и вдруг зависшим (как не поддающаяся перезагрузке компьютерная программа) финалом рассказала моя знакомая Валентина Николаевна Аргун – наша Ляля. С ней я работал на винзаводе сразу после демобилизации из армии в 1977 году.

К моему удивлению оказалось, что у меня не только хорошая память, но и очень нежно-бережная и аккуратная – аж до щепетильности.

Именно так – нежно-бережно и щепетильно-аккуратно, с тончайшими оттенками спрессовав до точки взрыва, она сохранила трагикомические события, которые разворачивались вокруг обыкновенной водолазки несколько десятилетий назад. Водолазку называли классической. И когда я решил написать небольшую юмористическую зарисовку об этом случае, её так и озаглавил: «Классическая водолазка». Писал я каждый день, писал всего несколько коротеньких предложений – это то малое, что почти по расписанию строго «булькало» из пока ещё безмятежных глубин моей памяти: буль-буль-буль, через день опять – буль-буль-буль. Так со дна Чёрного моря поднимаются редкие воздушные пузырьки. И такая порция кислорода полностью удовлетворяла моё умеренное творческое дыхание, потому что я – довольно-таки ленивый автор – успевал записывать.

(Именно – автор. Я никогда не называл себя писателем и тем более не считал. Писатель – для меня святое явление, именно явление, ибо только он замечает то самое главное, чрезвычайное (порой обманчиво кажущееся даже второстепенным), которое осмысливает жизнь человека.

О моей ленивой неторопливости можно написать небольшую зарисовку, новеллу или даже рассказ. Есть и подходящая основа, так сказать, соответствующий фундамент: 20 августа весь мир отмечает день лени. Да, вспомнил кстати: есть ещё

и клуб ленивых писателей! – чем же не повод посвятить себе небольшое повествование? Ничего не надо придумывать. А вот и готовый сюжет.

Помню, я под разными «солидными» предлогами откладывал компьютерный набор текста почти готового интервью «Сладкий дым детства». И настырный редактор газеты (то есть я) после долгих и бесполезных уговоров и переговоров с упрямо-ленивым автором (то есть со мной), впустую «израсходовав» весь арсенал аргументов, вынужденно пошёл на крайний, но, как я понимаю, единственно верный и напрашивающийся в такой ситуации шаг. Он в ближайшем номере сообщил своим читателям в разделе «Объявления», что «в следующем выпуске нашей газеты будет опубликовано интервью «Сладкий дым детства» с доктором медицинских наук, профессором Аршавиром Карапетовичем Флорикяном». Автор страшно рассердился, аж заскрипел тогда ещё плотными рядами зубов. Но в конце концов, спрессовав весь объём негодования в зубной хрустящий скрип, сдался, что сам же расценил как «постыдную капитуляцию», хотя даже после «постыдки» стихийно продолжал обречённо сопротивляться, как отдельные немецкие воинские группировки после подписания капитуляции в мае 1945 года, и ухитрился растянуть публикацию интервью аж на три номера, обратите внимание: ежемесячной, газеты.

«Ну что, получил?» – ехидненько интересовался автор, щурясь одним глазом так, как будто его резал едкий табачный дым.

«Заставил-таки написать, бездельник, так тебе и надо», – снисходительно усмехался редактор, размахивая перед лицом рукой, как бы отгоняя приятный самосадовский запах, а может быть и наоборот – загоняя в ноздри. Это именно тот счастливый случай, когда и овцы целы, и волки сыты.)

Но потом… Потом в процесс моей привычно неторопливой работы вторглось непривычное до последнего времени новое слово: коронавирус. Внешний вид коронавируса напоминает, нет, совсем не солнечную корону, а самую настоящую морскую мину, качающуюся на волнах житейского моря!

Так вот, это новое слово вскоре стало ни много ни мало трагическим понятием общечеловеческого масштаба. Оно плотно загнало, вернее, почти замуровало людей в своих жилищах:

например, меня – в нашем двухэтажном доме, ограничив моё передвижение в пределах земельного участка площадью около десяти соток. Пишу эти строки и явственно слышу саркастически ворчливое «Во даёт!» моего московского друга Саро Тоняна, с которым служил в армии (он – после окончания Ереванского политехнического института, я – сухумской армянской средней школы № 9 имени Ованеса Туманяна): «Замуровали, оказывается, его в двухэтажном доме в пределах земельного участка площадью около десяти соток! А мы в то же самое время, видите ли, блаженствовали в московском доме с неработающим лифтом, на девятом этаже, в однокомнатной квартире, как средневековые ишханац ишханы (князья князей) в своих неприступных крепостях под охраной вооружённых до зубов дружинников!»

Но, как говорится, «не бывает застолья без тамады, не бывает и чачи без тоста». Это мудрое изречение на русский язык дословно переводится так: «Не бывает дыма без огня, не бывает и худа без добра». И вот, чтобы оправдать эту необсуждаемую истину («Истина не мебель, чтобы быть предметом обсуждения», – любил говорить дядя Язвитель Андраник), коронавирус – и в этом он оказался довольно-таки последовательно щедрым (да будь он прок-лят три раза по три) – обрушил на мою голову уйму свободного времени не только для физической работы в саду, но и для работы литературной. В общем, в моём случае получилось, что «как не бывает чачи без тоста, так и не бывает коронавируса без огородной грядки с рассказом».

А каким словом, угадайте-ка с трёх раз, можно определить постоянное общение с внуком Арменом, а затем и Кареном, который родился позже – когда уже был объявлен карантин из-за эпидемии коронавируса?! Конечно, я и не сомневаюсь, что угадали с первого же раза! Совершенно верно: это чувство можно назвать только одним коротеньким словом – счастье! А если бы рядом были София и Адриан, я был бы самым счастливым дедушкой на земле, который всё своё свободное время уделяет внукам!

Со временем мне стало не хватать булькающего кислорода вдохновения. Уже и дышалось, и писалось трудно и тяжело, а иногда настолько невыносимо тяжело, что я буквально задыхался от нервного перенапряжения, заново проживая детские впечатления с совершенно других чувственных позиций.

В такие минуты я бросал всё и спускался в огород – здесь всегда много приятной, успокаивающей душу работы: от прополки до поливки. И только комары портили «всю малину». Они с завидным терпением ожидали меня прямо у калитки за домом – в кустарниках крапивы: стоило мне подойти к ней, как эти «диверсанты», «одетые» в камуфляжную форму с чёрно-белыми полосками, набрасывались на меня.

Не смейтесь: физическая работа в огороде оказалась настоящим отдыхом по сравнению с работой над пока ещё зарисовкой, но уже всё больше и больше обрастающей типичными подробностями и сюжетными ответвлениями. Зарисовка потихонечку становилась небольшим рассказом.

Скажу откровенно: я неоднократно пытался прек-ратить эту изнуряющую работу, но каждый раз упрямое что-то возвращало меня к её продолжению, как бы подтверждая классическое: «Если не можешь не писать – пиши». И я понял, что это как раз тот самый случай, о котором говорил мой отец: «Начало, чтобы быть хорошим, обязательно должно иметь продолжение». И мне ничего не оставалось делать, как – ведь с детства я воспитывался послушным сыном – подчиниться слову, сказанному моим отцом очень много лет назад.

И я продолжил своё неожиданно начатое, и очень надеюсь, неплохое, даже дело. Тем более, не писать я уже не мог.

В результате коронавирусных ограничений наша семья получила образцовый приусадебный участок, а я, не поверите, повесть в двух небольших частях и, самое главное, очень сильные положительные эмоции от ежедневного продолжительного общения с внуками.

Пишу эти строки и думаю о том, что будь у меня пенсия, обеспечивающая приобретение минимального количества лекарственных препаратов, необходимых для моего существования (именно – существования!), я, как говорил мой трёхлетний племянник Самвел, «никогда в жизни» не убивал бы свою старость на работе. Я её целиком посвятил бы радости, вернее, счастью общения с внуками и литературному сочинительству.

И ещё: я, автор с неограниченной ответственностью, считаю своим долгом предупредить читателя о вымышленности имён некоторых героев и случайности досадно возможных совпадений. И вообще, скажу вам откровенно: эта повесть – са-

мая настоящая бредовая фантазия, не имеющая никакого, даже малейшего, отношения к тем реальным событиям, которые происходили в моём таком невероятно далёком детстве, в котором я нахожусь постоянно. Так не имеет никакого отношения к содержанию повести и её название, которое, не знаю почему, я оставил прежним: «Классическая водолазка», хотя правильнее было бы обязательно добавить упорно напрашивающееся определение: «надетая наизнанку» – с лёгким намёком на амшено-армянскую поговорку о том, что «нечаянно надетая наизнанку одежда приносит счастье». Со своей стороны дополним: «Если даже не тебе, то возможно твоим детям, но внукам – обязательно». И это – самое главное.

Но я не добавил. Наверно потому, что в повести больше боли, чем радости. Хотя и радости тоже не так уж и мало. Даже не меньше, чем боли.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

В счастье есть предательское что-то,
Горе человека не предаст.
Евгений Евтушенко

Прошло более шестидесяти лет.

А я и не подозревал, что эта времянка с земляным полом и довольно-таки высокими стенами, местами обшарпанными почти до сквозных дыр, всё это время скрипела во мне своей деревянной, на ржавых изношенных петлях входной дверью, впуская и выпуская меня.

Слегка осевшая на петлях дверь скользила вертикальными штакетинами по утрамбованной земле, царапая параллельные полукруги-канавки, как это делала единственная левая щётка стеклоочистителя «Москвича» дяди Руфета на «молняками» потрескавшемся «лобовике». Времянка дрожала и свистела оконными стёклами вместе с искривлёнными и рассохшимися от ветра деревянными рамами.

(Шаловливый ветерок постоянно дул из Ущелья Цуцхы: именно так мы называли небольшой овраг за нашими огородами – по имени ближайшей соседки, домик которой находился почти на его краю – прямо напротив нашего дома.)

Времянка судорожно била шиферными листами, прибитыми к балкам изрядно расшатанными временем широкошляпными гвоздями. Так птицы бьют крыльями перед взлётом…

Но она, эта времянка, так и не смогла взлететь. Сколько бы она ни билась – не смогла, потому что намертво врезалась в мою память и навсегда застряла там. –

Так врезалась в мою память много лет пролежавшая на земле перед домом, вернее, под бетонным забором дяди Николая, заросшая густой травой и покрытая ржавчиной, как рыба чешуёй, рама от грузовика. По её лонжеронам и поперечинам я часто бегал и прыгал, но однажды попробовал по-взрослому перепрыгнуть через неё, да так переусердствовал, что закружилась голова, и я неловко упал...

Хорошо помню, как сжимая пальчики в кулачонки и стискивая до скрежета зубки, я терпел боль. Но потом вдруг безудержно разрыдался, когда увидел свою окровавленную рубашку – это уже после того, как дядя Левон аккуратно побрил мою голову, а моя мама и тётя Вардануш (Роза сладкая), жена дяди Левона, обработали какими-то жидкостями, в том числе и авиационным керосином, и перевязали довольно-таки глубокую рану чуть выше лба. Наконец, им удалось остановить кровотечение.

Небольшой шрам сохранился до сих пор – его место выдаёт себя отсутствием сегодня уже седых волос.

Чтобы как-то утешить меня, дядя Левон посадил нас, пацанов, в свой двухдверный «Виллис», меня усадил впереди на вожделенное нами, пацанами, место рядом с водителем, то есть с собой, остальные устроились в кузове, и сделал несколько больших кругов в нашем микрорайоне.

После каждого круга менялись ожидавшие своей очереди пацаны, кроме меня, конечно, – я был героем дня, и моё почётное место было крепко-накрепко прикреплено за мной.

Кстати, и в последующие дни все наши соседки – мамины подруги – считали своим долгом навестить меня, поинтересоваться, как я себя чувствую, ещё раз подробно расспросить о случившемся и обязательно не то что похвалить, да просто констатировать очевидный для всех факт.

Оказывается, я держался достойно, как подобает настоящему мужчине, а вот их оболтусы, окажись на моём месте, не дай Бог, конечно, такой бы хай подняли, такой ой-ой-ой на

всю улицу, аж до продуктового ларька тёти Кати, а то и ещё дальше – до домика тёти Лёли... А шрамы-то что? Сущие пустяки эти шрамы! Нет, врём мы, какие ещё пустяки?! Даже наоборот, они только украшают настоящего мужчину, и это хорошо знают и даже очень высоко ценят все без исключения девушки... Так что не надо переживать. И действительно, не только не надо переживать, но и скромничать тоже не очень-то и надо. Чего уж скромничать-то, тем более перед самым собой: ведь мне «в этом плане в какой-то даже непредставимо очень большой степени несказанно повезло». И вскоре, когда мигом пролетят всего-то несколько лет, я на своей, как говорится, почти молочной шкуре с благоговением испытаю свои явные преимущества над остальными пацанами. Так что, все девушки (и даже с посыпанным рассыпчатками-веснушками лицом красавица и умница Тата Анисимова – дочка дяди Бориса-восьмёрки, которая кроме русского, мимоходом, буквально на стремительном ходу «присвоила» – именно так моя мама дословно переводила с армянского слово «усвоить» – армянский, абхазский, грузинский, греческий языки, и, кто знает, может быть ещё и английский с немецким и французским вперемешку, и потому моя мама всегда её ставила мне в пример, не уставая повторять, что «столько раз ты человек, сколько языков знаешь») начнут буквально «на глазах сохнуть по мне. И это будет так явно заметно, что я даже пожалею их»!

И понимание этой истины, конечно, очень льстило моему самолюбию.

Скажу, что наши соседки не с пустыми руками приходили к нам, они обязательно что-то приносили, ведь у нас не принято ходить в гости без подарков, даже на традиционное ежедневное кофепитие под названием «кто-то что-то где-то сказал» приходят, «положив что-то в карман». Приносили сладости, игрушки, фрукты и даже цветные карандаши, альбомы для рисования, детские брошюры из серии «Мои первые книжки»... Одно небольшое стихотворение под названием «Тихий океан», которое было опубликовано в широкой цветной книжке, я выучил наизусть, с маминой помощью, конечно, и запомнил на всю жизнь (за абсолютную точность не ручаюсь, привожу так, как сохранилось в моей памяти, а вот автора, к сожалению, не помню и в Интернете не смог найти):

Он бушует, негодует,
Мол, ошибся Магеллан,
Посмотрите, я не Тихий,
Я – Великий океан!

А вот тётя Арнук, хорошо помню, вместе с коробкой шоколадных конфет (приобретённых по большому блату в далёком Армавире) принесла несколько сделанных по подобию человеческого глаза разноцветных бусин, нанизанных на шёлковую нитку. «От сглаза», – сказала она. Нитку с бусинами повесили на мою шею, чтобы, как сообщила шёпотом тётя Арнук, они притягивали к себе направленную на меня коварную силу злых глаз многочисленных завистников. А в том, что они есть и неотступно преследуют меня, она нисколько не сомневалась, иначе я не упал бы так неожиданно и «не продырявил свою довольно-таки плотно набитую мозгами голову». За примером далеко ходить не надо. Скажите, пожалуйста, чего только стоят юркающие туда-сюда глаза Шлёп-ноги Валика, а?! Так вот, она, то есть коварная сила злых глаз преследующих меня завистников, будет рикошетом отскакивать от до блеска гладко полированной поверхности бусин. И ещё, обязательно, так сказать в самом крайнем случае, надо быть готовым и к такому повороту событий, когда бусины будут накапливать отрицательную энергию и лопаться от внутреннего перенапряжения. Поверьте мне на слово, ко всему надо быть готовым в нашей нынешней жизни!

И ещё скажу, что очень приятное это дело, несказанно ласкающее самолюбие – быть в центре всеобщего внимания, когда мама и порой даже папа с готовностью выполняют твой любой каприз. Невероятно, но неопровержимый факт: они даже предугадывают его, по крайней мере, очень стараются предугадать! И ничего, что голова побрита наголо и перебинтована. В этом, по моему глубокому убеждению, есть даже какая-то своя прелесть: в конце концов, в своих представлениях можно рисовать образ храброго бойца, получившего ранение на поле ожесточённого боя, а вокруг тебя суетятся врач и медсестра… Вот лежишь в чистой постели, с удовольствием закрываешь глаза и «смотришь» очередную серию художественного фильма в собственном исполнении самой главной – героической! – роли: благо, в это время по телевизору показывали многосерийный

художественный фильм «Четыре танкиста и собака», и я легко представлял развитие сюжета собственного «фильма». Вот ещё бы пару таких самоотверженных и смекалистых бойцов, как я, и мы бы вмиг справились с ненавистным врагом. Ну да ладно, я и сам справлюсь с ним, правда, придётся туговато, но ничего, проявлю недюжинную находчивость, облапошу коварного неприятеля. А пока…

А пока праздно лежишь, и рядом, на мини-столике, стоит глубокая тарелка с высокой белоснежной горой из румяных пышек: это «ушки» с сахаром! Ешь и запивай компотом – на выбор, каким душа пожелает: ежевичным, яблочным, кизиловым, сливовым, даже умело комбинированным – ягоды вперемешку с фруктами!.. «Ушки» тоже бывают разными-многообразными – «собачьими», «кошачьими», «заячьими», «ишачьими»: смотря какой они длины и формы. Понятно, что особой популярностью пользовались «ишачьи ушки», хотя правильнее будет называть их «ушищами».

Так врезалось в мою память стройно-ветвистое грушевое дерево с красивым названием «Мадам Франс». Именно так, а не иначе: не «Франц-Мадам», а «Мадам Франс», потому что, как мы были уверены, этот сорт груш вывела очень умная тётя – в этом не было никакого сомнения, а дальше у нас появлялись «кое-какие сомнения, лежащие в совершенно другой плоскости» – то ли по фамилии Франс, то ли где-то в далёкой Франции. А мадам – потому что она имела мужа, который помогал ей в выведении этого сорта.

Так вот, на эту грушу «Мадам Франс» наш старший товарищ Стёпа почему-то поднял новогоднюю ёлку, которую украсил дядя Борис в своём дворе для дочери Таты. В моих воспоминаниях так и грустит осиротело на густо переплетённых ветках груши пушистая зелёная ёлка, украшенная игрушками, впоследствии безжалостно разбитыми меткими «выстрелами» из наших рогаток.

Так врезался в мою память дрожащий от страха белоснежный кролик, когда его бросили к удаву в зоопарке. Это случилось именно в тот момент, когда мы всем классом пришли сюда по заранее купленным в школе билетам. Билеты «согласно плану» распространялись по строгой рекомендации, «спущенной из гороно» – то есть по доб-ровольно-принудительному прин-

ципу… Кролик закричал один раз, и его дрожащее тельце потянулось в раскрытую пасть – на заглатывание...

Может быть, мне показалось, что он закричал человеческим голосом и пошёл на пронзительную красоту?

Может, и показалось. А может, это моя душа закричала? Не знаю.

Но тот крик я слышу до сих пор…

И вот так порой манит смертельная красота, на которую ты идёшь без оглядки, хотя дрожит твоё истекающее холодным потом тело и кричит-кричит душа.

А ты идёшь и идёшь. Идёшь и дрожишь.

Идёшь...

Я до сих пор чувствую страшную, пронизывающую дрожь в своей душе и хочу забыть её.

Очень хочу забыть дрожь крохотного тельца, – и не могу, никак не могу.

I

…Давно, задолго до моего рождения, дед Лалазар на гладко обтёсанных каштановых сваях-подпорках, установленных строго в метре друг от друга в форме прямоугольника и соединённых балками, соорудил четырёхскатную шатровую крышу с квадратным отверстием посередине и покрыл светлой кровельной дранью, как бы горизонтально срезав её макушку. Затем само отверстие покрыл такой же, но уже небольшой крышей с двадцатисантиметровым выступом, образовав между ними зазор для вытяжки дыма от очага, расположенного ровно в середине строения.

После этого между сваями вбил колья и сплёл стены из ореховых прутьев – благо, он имел довольно-таки богатые ореховые насаждения по всему периметру своего обширного земельного надела.

Получилась добротная летняя кухня-плетёнка – апацха. К ней впоследствии дед Лалазар пристроил аж на всю её ширину козырёк-навес. Под ним (идеальное место для этого!) висели радующие глаз и ласкающие душу красные и зелёные связки перца и сушек хурмы…

О, сушки хурмы! Они постепенно покрывались белым налётом, как будто чья-то волшебная рука ночами, чтобы не видел

никто, незаметно, через тоненькое сито посыпала их мельчайшей сахарной пудрой (замечу, что были и не совсем чистоплотные руки, которые посыпали сушки просто белой мукой, бессовестным образом обманывая покупателей). И как же эта пудра нежно таяла во рту, и какими словами можно описать это удовольствие! А рядом красовались плотные разноцветные нитки армянского шароца. Это – грецкие орехи, нанизанные на бечёвку, несколько раз окунутые в густую массу, приготовленную из ароматного виноградного сока вперемешку с пшеничной мукой и сахаром. Вот они, я вижу, в стремительном падении застыли фейерверками разрывающихся салютов. Усердные хозяйки накрывают марлей всё это сказочное лакомство, чтобы изолировать – защитить от насекомых. Рядом «бились на сквозняке» веточки лаврового листа. И чем больше их «бьёт ветерок», тем больше насыщается аромат… И казалось, что под козырьком-навесом спрессованы все вкусы, все краски и запахи нашей южной причерноморской осени. Хотя почему казалось? Они как раз и были собраны здесь. И как говорил дядя Язвитель Андраник, «так оно было, когда ещё не было нас, так оно есть, когда пока мы есть, и так оно будет всегда, когда нас, к сожалению, уже совсем-совсем не будет».

Здесь, в апацхе, баба Цахик (Цветок), жена деда Лалазара, обрабатывала овощи и фрукты для приготовления разнообразных компотов, варений, джемов и солений, здесь же закатывала банки. Всё у неё получалось пронзительно вкусно, потому что, как она сама говорила: «Всё это из своего приусадебного участка, всё это выращено вот этими руками, выращено без селитры и ядохимикатов». И для убедительности она показывала свои нежные руки, щедро усыпанные веснушками; они, веснушки то есть, по народному поверью – к грядущему очень большому счастью. И все мы верили, что это действительно так, и тайно надеялись, что веснушки появятся и на руках наших мам, а там уже «большое грядущее счастье, считай, полностью в нашем кармане». Правда, наши карманы были не совсем большими и чаще с дырками, но счастье-то будет настолько огромным, что «ни за что не сможет выпасть из кармана». Я же пошёл ещё дальше и твёрдо решил, что когда вырасту, женюсь только на девушке с веснушками и, на всякий случай, «положил глаз» на нашу уже известную моему читателю соседку Тату – всю густо усыпанную веснушками!

Кстати, этот животрепещущий вопрос обсуждался у костра в апацхе. Вопрос назвал животрепещущим сам дядя Язвитель Андраник. Он внимательно выслушал меня и посоветовал ни в коем случае не фраернуться, не откладывать это «животрепещущее дело в длинный и глубокий ящик» и жениться, ну в крайнем случае, накануне учебного года: «Чтобы твоя жена носила твой портфель».

Но здесь возникла серьёзная проблема. Дело в том, что Тата уже училась в русской школе на Краснофлотской, а я должен был ходить в армянскую в центре города. «Ну что же ты, на самом деле, так раскис? – взялся сочувственно утешать меня дядя Язвитель Андраник, увидев моё испортившееся настроение. – Ничего страшного, хоть до остановки будет носить портфель. И то не плохо! А там на общественном транспорте как-нибудь сам справишься. Понимаю, тяжело придётся, но, согласись, это не самое страшное».

Сегодня я точно знаю, сегодня я уверен, что баба Цахик под лукавой улыбкой очень умело скрывала, а может быть, и нет, скорее – просто не подозревала, в чём самый главный секрет высоких вкусовых качеств её блюд – и веснушки в этом тонком деле не играли никакой роли.

А самый главный секрет заключался именно в том, что ей в приготовлении блюд помогали внуки и внучки! Этакие карапузики: они без устали крутились вокруг своей бабушки и с готовностью, даже наперегонки, выполняли её кулинарные поручения, пухленькими ручонками колдуя над продуктами и всякими петрушками, киндзами, сладкими перцами, реханами, цицматами и укропами – одним словом: ингредиентами

(Я ещё с тех детских пор хорошо запомнил это замысловатое слово, которое произносил с некоторыми искажениями: индригент. Кстати, я очень трудно привыкал к правильному произношению и многих других слов. Например, помню, как же был удивлён, когда вдруг выяснилось, что нет такого слова – акубат, есть адвокат; что любимый нами фильм «Ну, погоди!» не мултикационный, а мультипликационный; что видавший виды «Урал» дяди Вагана вовсе не мацаклет, а всё же мотоциклет.)

Именно детские ручонки придают особый вкус любому блюду. Это я начал понимать намного позже, когда сам стал

отцом, и окончательно убедился, став счастливым дедом прекрасных внуков.

Ну кто бы попытался опровергнуть моё открытие!

Сам же дед Лалазар – и это святое дело он никому не доверял – на очаге коптил своими руками выбранное и мастерски обработанное мясо и янтарные головешки сыра. Всё это он подвешивал на специальные крючки. Дед Лалазар по своему особому рецепту «гнал» чачу из виноградного жмыха, да такой крепости, что от одной выплеснутой из стакана капельки весело вспыхивал умеренный огонь, свернувшийся калачиком под котлом. Точно так хозяйский пёс Джульбарс, дремавший у костра, с места «прыжковал» на брошенную в её сторону кость с огрызками копчёного мяса. Кстати, во время «гонки» чачи, когда взрослые периодически смаковали льющуюся тонкой струйкой из трубы через ватный и угольный фильтры «огненную воду», мы тоже «груши не околачивали». До сих пор помню, как со знанием дела жарили на озорных углях куски полукопчёного мяса, початки молочной кукурузы и картошку. Что же может быть вкуснее еле заметно подгоревших кусков копчёного мяса, слегка помазанного аджикой с пропущенными через мясорубку грецкими орехами и зеленью, молочной кукурузы и свежей картошки, жареных в детстве на трескающихся оранжевых углях?! А запах, какой гениальный запах распространялся вокруг! – Он сохраняется на всю жизнь, и его уже невозможно повторить.

Я неоднократно пробовал опровергнуть эту истину и, к сожалению, должен констатировать, что из этой моей затеи ничего не вышло: получается всего лишь «дубликат» – как будто всё делаешь так, как в детстве, но что-то всё же получается не совсем так, как в детстве.

Воспользуюсь возможностью и сообщу, что в апацхе огонь, как символ продолжения очага – рода, никогда не гас, горел постоянно.

И этой традиции, имеющей глубокие смысловые корни, до сих пор верны многие семьи, в которых народному укладу жизни по праву придают особое значение.

Дед Лалазар в совершенстве владел, как шутя говорил, «секретами успешного апацховедения», справедливо сравнивая его с научными изысканиями. Он считал, что вся народная му-

дрость берёт своё начало, нет, вытекает именно из самых глубин души очага, весело играющего с животворящим огнём. И как подтверждение, он приводил слова своего многолетнего друга, классика абхазской литературы Баграта Шинкуба, который часто гостил у него:

Горит очаг, и пламя вьётся,
Подбросить дров – не проворонь!
Из рода в род передаётся
Неугасающий огонь.
Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лёг на колыбели
И на седины стариков.

– Великие слова, – говорил дед Лалазар и подчеркивал завершающие строки стихотворения, – в этих словах заключена мудрость народа! Всего несколько простых слов, а какая глубина мысли, какая концентрация положительной эмоции! Общечеловеческая глубина, имеющая власть над людскими судьбами. Обратите внимание: свет очага, колыбель и седины стариков! Это же Святая Троица!

Остаётся добавить, что когда через много лет я начал писать стихи и делать первые переводческие шаги, публиковаться в периодической печати, престарелый дед Лалазар, сохранивший бодрость духа, попросил перевести это стихотворение на армянский язык. Я с ответственностью отнёсся к его просьбе. Перевод одобрил сам классик армянской литературы Беник Сейранян и опубликовал в газете «Советакан Врастан» и альманахе «Камурч», председателем редколлегии которого был.

За широким и длинным вдоль стены столом из каштановых досок, накрытым традиционными амшенскими и другими кавказскими блюдами, дед Лалазар, гостеприимный и радушный хозяин, очень часто проводил с друзьями и соседями нескучные вечера в сопровождении песен, танцев, анекдотов и народных сказаний, тонким знатоком которых он был.

Сегодня я эти вечера называю школой, самой настоящей школой жизни. Мне повезло, что я сидел на этих «уроках» под руководством мудрых наставников.

Дед Лалазар замечательно владел смычковым инструментом под названием кяманча (её иногда называют и кямани), на

которой амшенские армяне и понтийские греки исполняли свои неповторимые азартные танцы в сопровождении задорных песенок – мани:

Надела красивое платье,
Далёко уходишь ты с мамой,
Меня оставляешь с проклятьем,
Совсем горемыкой я стану,
Совсем горемыкой я стану, –

пел дед Лалазар в сопровождении чарующих звуков кяманчи, нисколько не стесняясь своего не совсем высокого вокального умения.

Ему порой подпевали друзья – но это в большей степени зависело от количества и крепости выпитой чачи:

Как песня бывает красивой
Та девушка с чистой душой…
Хочу увести свою милую –
Но мамы боюсь её злой,
Но мамы боюсь её злой.

К слову сказать, о своих вокальных способностях дед Лалазар имел особое, более того, оригинальное мнение: он шутя говорил, что если преподаватели в школе учат как надо петь, то ему Сам Всевышный велел учить как не надо петь. «Это звучит странно только на первый взгляд. На самом деле почти одно и тоже: учить, как надо петь, и учить, как не надо петь», – лукаво смеялся дед Лалазар.

В Абхазии и даже далеко за её пределами он был известен как искусный народный целитель: лекарь и костоправ, к помощи которого часто обращались попавшие в беду люди, в основном дети и подростки. Он знал когда и где собирать лекарственные травы и как их обрабатывать, знал как собирать раздробленные кости – по крупицам, крупицам... Он был добросовестным народным целителем, и главной оценкой своего труда считал выздоровление больного человека. До сих пор многие, поправившие здоровье с помощью деда Лалазара люди, в том числе и моя жена, с благодарностью вспоминают этого достойнейшего и добрейшего человека.

К сожалению, никто из его многочисленных детей и внуков не стал продолжателем очень нужного дела этого великого целителя.

Дед Лалазар по частям продавал свой земельный участок. Дядя Вардан, старший брат моего отца, купил здесь землю, начал строительство дома, но через год вернулся в деревню, продав своё хозяйство Рауфу Джегунатовичу Гицба. Мой отец, Айк Сарецян, к этому времени отслужив положенный военный срок, за год до возвращения старшего брата в деревню обосновался рядом с его участком. До сих пор сохранился протокол общего собрания колхозников, на котором было принято решение о выделении участка на территории второй бригады.

Отец построил две комнатки и вскоре женился на красавице Гегануш Демирчян из села Псырцха. Так было положено начало нашей семьи, в которой в 1957 году родился я, через два года – моя сестра Кнарик, а через пять лет – наша младшая сестра Гоарик. Потихонечку мои родители ещё на две комнаты расширили дом, потом построили второй этаж, строительство которого я хорошо помню. (Кладку стен из самодельного шлачного блока производил дядя Амаяк – отец нашей крёстной Нанегюль.) В течение этих лет они обзавелись неплохим хозяйством.

В этом доме сейчас мы – я и моя жена Гоарик – живём с сыновьями и внуками.

Когда дед Лалазар решил продать дальнюю часть своего участка, на которой находилась апацха, он отштукатурил её стены глиной, смешанной с речным песком. Небольшая апацха превратилась в довольно-таки приличную и пригодную для жилья времянку с тремя комнатками: «В первое время людям будет где не только передохнуть, спрятаться от дождя или летнего палящего солнца, но и пожить», – говорил он. Со временем времянку очень даже справедливо стали называть домиком. Конечно же домик, и никак иначе! Он находился в самом конце переулка, почти на краю пологого склона, который умело приспособил под смотровую «яму» для ремонта автомашин дядя Эдмон.

«Яму» называли ещё и «мойкой». Чтобы усилить её конструкцию и выровнять платформы для заезда машин, дядя Эдмон связал опалубку и залил добротным бетоном. Тогда на нашей улице были три машины: тёмно-синий сталинский «Москвич» дяди Руфета, уже известный читателю двухдверный «Виллис» дяди Левона и принадлежащая дяде Эдмону свет-

ло-голубая «Волга», на капоте которой застыла в стремительном беге ослепительно блестящая фигурка оленя.

Мне казалось, что это тот самый добрый олень, который прискакал из бабушкиных сказок. Прискакал и навсегда остался в наших краях, потому что ему здесь очень понравилось. И я почему-то верю, что он до сих пор ночами бродит в нашем районе. И пока мы спим сладким сном, он проходит по нашему переулку и раздаёт слитки счастья: кладёт их в подковы, висящие на калитках или заборах.

Оказывается, вот почему их называют подковами счастья!

Кстати, хочу поделиться с читателем своим небольшим секретом. Непременно воспользуйтесь моим советом, если хотите быть счастливыми: обязательно плотно прикреплённая к основанию подкова должна висеть строго вверх рожками, чтобы, мало ли, ненароком счастье не выпало из неё!

Вот так, вверх рожками, до сих пор висит на нашем заборе, правда, уже железном, наша подкова. Та самая, которую подарил мне дедушка Епрем.

И я сегодня хочу с благодарностью сказать: она честно, добросовестно выполняет свои судьбоносные обязанности. По крайней мере, нам грех жаловаться. Надеюсь, она и дальше будет в поте лица трудиться на благо наших внуков.

На нашу улицу, которая на краю оврага «обрубалась» смотровой «ямой» (её ещё называли мойкой), часто заезжали машины разных марок: сталинские «Москвичи» и «Победы», американские «Виллисы», даже грузовики и самосвалы… Появлялись и двухдверные «Запорожцы». Дядя Язвитель Андраник их шутя называл «кривоножками горбатыми»…

Тётя Арнук шутку дяди Язвителя Андраника «плотно намотала на свой полусуществующий ус» и при виде «Запорожца» сразу же забегала в первый ближайший двор или, на худой конец, демонстративно поворачивалась к машине спиной, когда невозможно было «сигануть», и для избежания «невезухи» чесала «одно мягкое место», ну, так, чтобы никто не заметил. Это обязательно: никто не должен видеть такие «важные действия». При этом она шептала молитву собственного сочинения о сохранении добра от зла, ибо с подозрением относилась «к горбато-кривоногому», как и к людям с такими же изъянами, полагая, что «они приносят только несчастье».

«Да разве это машина? – возмущалась она. – Всё здесь наоборот: спина горбатая, ноги кривые, мотор сзади, багажник – впереди, как голова без мозгов, двери открываются не туда, как растопыренно вывернутые карманы брюк, деликатно не будем говорить кого… Даже у Шлёп-ноги Валика кое-что поприличнее».

Легковые авто, особенно «Запорожцы», без проблем проезжали нашу довольно-таки узкую от поворота до «ямы» улицу. А вот грузовики и самосвалы часто цепляли заборы из деревянного штакетника. Особенно доставалось забору дяди Бориса, участок которого был «с небольшим «животиком как у бабы на пятом месяце беременности». Такие наезды сопровождались разнокалиберными скандалами, но дело никогда не доходило до серьёзного разбирательства. Всё завершалось, как правило, лёгким ремонтом повреждений.

У «Запорожца» была одна «специфическая проблемка», связанная с шириной «ямы». Дело в том, что маленькое расстояние между колёсами машины не позволяло ей заезжать сразу на «яму». Водители просили нас «подсобить плотной доской», которую укрепляли по удобной левой стороне «ямы» и аккуратно заезжали на неё. Нам часто приходилось подсказывать водителям, куда «крутить баранку», чтобы машина не провалилась между платформами.

На «яме» производились разные ремонтные или профилактические работы – кто-то что-то подтягивал, кто-то молотком стучал по глушителю… Но в основном заменяли моторное масло. Для этого специальным ключом откручивали сливную пробку на картере двигателя и отработанное масло сливали прямо на пол «ямы». При этом они ловким прыжком отскакивали в сторону от чёрных масляных фонтанчиков, чтобы не запачкать модные в ту пору брюки «чарльстон», шитые из лавсана; эти брюки отличались очень широкими внизу штанинами, часто закантованными железными змейками. Этот акробатический трюк «исполнялся» без прикосновения к стенам «ямы», обильно измазанными тавотом. Некоторым это удавалось. «Нерасторопники» же традиционным, правда, «не совсем представимым в нашей ситуации» словосочетанием реагировали на свою «случайную оплошность» (о том, что «это не совсем представимо в нашей ситуации», говорил Стёпа). Редко кто под

льющееся масло подставлял тару. После слива масла пробку закручивали на место. Кто-то из нетерпеливых сразу заливал новое масло в мотор, а кто-то сперва основательно промывал масляную систему, сливал промывочное масло до последних капель, а потом уже заправлял свежим маслом, доводя его до нужного уровня по измерительной палочке. Как правило, водители здесь же оставляли пустые ёмкости из-под масла, промасленную ветошь, иногда забывали гаечные ключи и даже сигареты, что, не буду скрывать, радовало уличную пацанву – нас. Вот и приходилось пацанве курить папиросы «Беломор-канал» и «Казбек», знаменитые «Столичные» и «Родопи» с ватным фильтром, также «Плиску» с фильтром, но уже с бумажным, аккуратно сложенным в гармошку. Попадались, правда, очень редко, сногсшибательные «Philip Morris» и «Marlboro», армянские «Арин-Берд», «Салют», «Севан», однажды кто-то оставил даже кубинскую сигару… Весь этот «трофей» доставался в основном Стёпе, хотя, как он учил, «надо курить не что попало, а одни и те же сигареты: чтобы не кашлять по утрам, как дядя Варо».

Несколько раз обнаружив «вопиющий беспорядок и безобразие» на «яме», дядя Эдмон рассердился «до состояния частичного разбушевания», как речка Радуга после проливного дождя, и поклялся «наглухо закрыть доступ посторонним мордам на наш объект». Придав своему лицу суровое выражение, он так и сказал: «Я клянусь собственной мамой, что больше никогда в жизни ни одного драндулета на нашем объекте не будет. И ни один акубат (адвокат) им не поможет». И дядя Эдмон с честью сдержал свою клятву: перед «ямой» установил калитку из трёх широких досок с увесистым амбарным замком – что-то вроде заграждения, которое назвал понравившимся нам словом: шлагбаум. На верхней доске на всю её длину он красной краской широкими буквами вывел строжайшее предупреждение, отдельно каждое слово для пущей убедительности усилив ещё и восклицательными знаками, предварительно согласовав «текст предупреждения» с Дамбеем Гицба – студентом английского отделения пединститута, чтобы избежать, как тонко заметил дядя Язвитель Андраник, «вполне возможных грубейших филологических – грамматических, орфографических, пунктуационных и прочих ошибок»:

«Посторонним!!! Вход!!! Строго!!! Воспрещён!!!»

– Вот так, – самодовольно сказал дядя Эдмон и добавил, чуть ли не запевая в ритме марша:

Настоящий вот сейчас порядок,

Здесь не будет больше грязных тряпок…

– Талант! – помню, сказал дядя Язвитель Андраник. – Поцелованный богом самородок! И почему он, к глубокому нашему сожалению, до сих пор не оценён по заслуженному достоинству?! Чем же он хуже бедного Бедного Демьяна? Правда, насчёт Маяковского Вовки и Есенина Серёги не совсем уверен! Эй-вах-вах, эй-вах!

Именно так: бедный Бедный Демьян.

Я до сих пор не знаю: почему великого пролетарского поэта Демьяна Бедного дядя Язвитель Андраник называл бедным Бедным Демьяном. Что же он имел в виду: его произведения? А может быть не совсем сладкую, скорее горькую судьбу? Хотя я довольно-таки основательно сом-неваюсь: дядя Язвитель Андраник вообще читал ли стихи, тем более биографию Демьяна Бедного? Скорее всего, орденоносный поэт совершенно случайно занял свою нишу в шеренге героев его устного творчества, справедливо претендовавшего на звание народного. Это давало ему законное право быть достойным иметь своё заслуженное место в сокровищнице фонда амшеноармянского фольклора.

Дядя Эдмон один ключ от замка вдел в кольцо с несколькими другими ключами от дома и гаража и положил в карман, а ещё два ключа, напильником заранее отметив соответственно одной и двумя полосками, вручил мне и наказал передать дяде Руфету и дяде Левону:

– Однополосатый – только Руфету, двухполосатый – только Левону, – по-военному чётко и строго наказал он, – только им, больше никому и ни за что в жизни! И смотри, вдруг не перепутай: однополосатый – Руфету, двухполосатый – Левону! Ни за что на свете не перепутай, понял?! Так и скажи Руфету и Левону, чтобы никому!.. По полоскам легко разоблачу предателя и навсегда конфискую ключ!

Затем дядя Эдмон громогласно обратился к «посторонним вопиющим беспорядникам и безобразникам», как будто они могли его услышать:

– Если вам нравится, сливайте ваши масляные, пивные и прочие отработки прямо перед вашим домом во дворе или на вашей улице перед вашим домом и сколько хотите и можете спотыкайтесь «на пожалуйста и на самое крепкое здоровье», там же бросайте свои окурки и грязные тряпки.

Прошли годы, и этот тёмный конец нашего переулка, некогда остроумно названный дядей Язвителем Андраником «аппендицитом», требующим срочного «хирургического вмешательства», стал излюбленным местом для разного рода «планакашов», которые собирались здесь для «удовлетворения своих несолидных, а вернее будет сказать – низменных потребностей». Наши местные армяне курильщиков «травки» – «планакешов» называют «планакашами», переиначив на армянский лад (от слова «кашел» – тянуть, получалось: тянущий план).

Приезжали «планакаши» небольшими группами, в основном под поздний вечер. Конечно, они могли при всех «кашел», но если это делали под покровом темноты, значит, выказывали своё «особое уважение» к жителям переулка, и этим «особым уважением» они снискали «соответствующее отношение» и к самим себе: «А что, вполне хорошие ребята! Вежливые, внимательные!» Почти как житейская философия от Аркадия Райкина: «Ты меня уважаешь, я тебя уважаю, мы с тобой – уважаемые люди!»

Хочу успокоить моего читателя: сегодня наша улица освещена светильниками, нет пустующих домов, и в конце переулка, где до сих пор сохранилась «яма», живут цыганские семьи, очень хорошие люди.

К сожалению, даже открытое употребление наркотических веществ сегодня никого не удивляет. Не удивляет и то, что мы научились лишь на словах чтить традиции предков, а в своём повседневном поведении как-то незаметно, шаг за шагом, всё больше и дальше отходим от традиций, выдержавших вековые испытания.

Хорошо помню: мой дядя Аршавир, младший брат отца, не курил сигареты перед своими старшими братьями.

Что же касается меня, то я начал курить, а курил сухумский «Космос», очень поздно, не считая детской «окурочно-бычковой поры», когда, по словам Стёпы, я «бездарно проходил курс молодого бойца», как в армии проходят призывники начальный

подготовительный период. Кстати, я даже в армии не курил, и что бывает редко – «пристрастился» к курению через несколько лет после демобилизации. И это удивляло многих: «Как же так, в армии не курил, и начал курить уже после службы?! Это же ни в какие ворота не попадает». А вот и нет, оказывается, иногда «попадает», особенно когда под конец рабочего дня на винзаводе, где я работал некоторое время, наш неофициальный бригадир Васико Квашилава, названный «Бугром на ровном месте», вразвалочку шёл к двадцатипятитонной цистерне № 12, залитой «до чипа» замечательным белым сухим вином «Шуамта», приглашал нас «отметить удачный во всех отношениях день».

Да, это действительно так: я курил только на работе и очень мало; строго до и после обеда по две сигареты, и ещё одну во время обеденного перерыва. Затем, когда начал работать в центре города, местом для табакокурения за чашкой кофе и рюмочкой водки стало знаменитое кафе под названием «У Фени», где собирались писатели, журналисты и художники.

Здесь не было чужих, здесь все были свои, все понимали друг друга с полуслова. И ещё, что немаловажно, здесь цены были сравнительно низкими, а блюда – по-домашнему вкусными.

Дома я никогда не курил, родители даже не подозревали, что курю.

Утверждаю это с полной уверенностью, ибо меня они часто ставили в пример, говорили: «Мы очень довольны, что наш сын не курит и не пьёт».

К счастью, особой тяги к курению я никогда не испытывал. Иной раз одну пачку «Космоса» растягивал почти на неделю, и это при том, что у меня ещё и «стреляли дайдайшики». А когда после сигареты они традиционно говорили «Сагол, брат, не ожидал» и просили ещё и «дать прикурить», можно было до безразличия ехидненько пошутить, протягивая спички: «Прикурить» не пианино, можно и в кармане иметь».

От вредной привычки курения я окончательно отказался летом 2008 года, когда был госпитализирован с сердечным приступом.

Бросил довольно-таки легко. Правда, ночью, «перед тем как бросить», во сне «выкурил» целую пачку в прямом смыс-

ле сногсшибательной «Астры», «курил» одну за другой, лёжа на своей больничной койке, «установленной» на перекрёстке проспекта Мира и улицы Леона под часами – напротив аптеки.

Я очень удивляюсь, когда говорят, что не могут бросить курить.

Конечно, можно, слегка возразив, сказать, что я курил очень мало и не требовалось практически никаких усилий для отказа от курения. Да, это так, но, тем не менее, я остаюсь при своём твёрдом мнении: если захотеть бросить это не то что бесполезное, но и вредное занятие, – обязательно можно бросить.

…Здесь, в этом домике, когда-то жила тихая, трудолюбивая тётя Вардишах с сыновьями Сержиком, Аршавиром и дочкой Аршалуйс. Старшим был Сержик, младшим – Аршавир, между ними была Аршалуйс – наша всеобщая любимица.

Тётя Вардишах с трудом содержала семью. И хотя она еле-еле сводила концы с концами, но на детях это никак не отражалось – делала всё возможное, чтобы они ни в чём не нуждались: ни в еде, ни в одежде. И, действительно, дети всегда были сыты, чисто и аккуратно одеты, и совсем не беда, что носили заштопанную одежду. Говорят же в народе: «Стыдно ходить не в старой одежде, стыдно ходить в неопрятной».

Весь день, с раннего утра до позднего вечера, не пок-ладая рук, тётя Вардишах трудилась в огороде, выращивала, как наши говорили, «всякую овощь»: зелень, фрукты, рассаду для продажи... Утром, когда соседи просыпались и с ленивым ворчанием подтягиваясь вставали с постели, она уже возвращалась из сада-огорода, чтобы накормить проснувшихся детей, а заодно и передохнуть немного; потом она снова уходила в огород и брала с собой детей, которые резвились в тени высокого алычового дерева. Домой возвращалась, когда «руки свисали как плети, спина невыносимо ломалась».

На сочных, загоревших под солнцем руках тёти Вардишах бугрились тёмно-голубые вены, как алычовое дерево с ответвлениями, а ладони и пальцы, наоборот, были сухими и грубыми, натёртыми до кровавых мозолей. Они никак не гармонировали с нежностью её лица и светом доброго взгляда. А может быть и совсем наоборот: очень даже гармонировали, ведь люди,

имеющие такие – огрубевшие от труда руки – как раз и бывают нежными, ласковыми и светлыми, одним словом: добрыми.

«…Распахнутое окно разбудит меня свежей лаской солнца. И я почувствую вечность как прикосновение нежности огрубевших от труда ладоней мамы…»

Через много лет именно так напишу я в своём выпускном школьном сочинении по родному языку и литературе, посвящённом образу матери по произведениям Ованеса Шираза, имея в виду и руки тёти Вардишах. Тема так и называлась: «Образ матери в произведениях Ованеса Шираза». «Фишка» темы, по моему убеждению, состояла в том, что все поэты, как один, воспевали любовь детей к матери, а Шираз, наоборот, воспевал любовь матери к детям.

Вот такая разница, на первый взгляд – не очень-то существенная.

«Если протянуть электропроводку в огород и повесить на алычу пару «лампочек Ильича», Вардишах безвылазно будет там работать, круглосуточно будет работать», – то ли шутил дядя Язвитель Андраник, то ли говорил всерьёз.

Сегодня, когда я намного старше самого дяди Язвителя Андраника, в то время казавшегося мне глубоким стариком, думаю о том, что в его шутках очень мало было шуток, совсем мало. И вообще, были ли они шутками? Даже наоборот, в них было очень много боли и горечи.

Вот небольшой участок тёти Вардишах, очищенный от камней и кустарников: насаждения стоят ровнёхонько в нитку, ряд в ряд, как солдатские шеренги на утреннем разводе: мандарины, мушмула, фейхоа, яблони, груши, черешни и вишни, кустарники розовой малины вдоль забора. По обе стороны участка зеленеет лавр благородный, высушенные на чердаке душистые листья которого принимал специальный заготпункт. А вот и несколько разновидностей фасоли: фасоль вигна с круглыми длинными, до метра, стручками; фасоль, вьющаяся на колышках и кукурузных стеблях; фасоль наземная, незаменимая для приготовления гениально вкусного соленья – турши. Далее с двух сторон «бьют» буйными зелёными фонтанами ореховые деревья, посаженные ещё дедом Лалазаром… И деревянные парники с тяжёлыми откидными «закрывалами» из оконных рам со стёклами – для выращивания разнообразной рассады.

И, конечно же, зелень, много-много зелени: рехан, петрушка, киндза, укроп, лук, чеснок, мята и ещё другая, и ещё… Словом, возможности огорода использовались «максимально полно по сторонам, ещё вниз и наверх». Именно так охарактеризовал работу тёти Вардишах дядя Язвитель Андраник.

Дорогой читатель, если сейчас перед твоими глазами выстроились деревья с побеленными стволами, я должен разочаровать тебя: стволы деревьев тётя Вардишах никогда не белила известью, как это делали мы ранней весной. Она считала, что побелка вредит здоровому развитию дерева, а вот очень аккуратно очищать его от мёртвой коры, мха и лишайника – дело даже святое.

Глинистая земля плохо поддавалась обработке, и её обильно удобряли навозом и птичьим помётом, а привозили удобрение в основном из деревень – одна полная машина, помню, стоила по тем временам довольно-таки дорого: десять рублей. Тётя Вардишах собирала навоз на Лечкопском плато, где в те годы регулярно проводились всесоюзные соревнования по мотогонкам. А между этими соревнованиями жители ближайших сёл Лечкопа и Ачадары здесь пасли коров.

Все наши соседи поддерживали огороды в образцовом порядке. И чтобы сказанное было достаточно понятным и полным, отметим, что этот образцовый порядок приходилось защищать от ночных «нашествователей», которые периодически «наведывались» к нам – проникали на наши участки через Ущелье Цуцхы. Их мы называли ещё и «навестителями». Мало того, что они собирали чужой урожай, да ещё и в спешке растаптывали грядки.

Однажды они украли у тёти Вардишах поросёнка, да так аккуратно, что даже собаки не отреагировали. Ничего не скажешь: виртуозы своего дела!

Мой отец, как и остальные соседи, несколько раз за ночь спускался в огород, особенно в мандариновый сезон. Но эта мера оказалась не совсем достаточной для сохранения урожая, потому что «хозяин за вором не уследит, а вот вор за хозяином уследит всегда».

Испытав эту народную мудрость на своём горьком опыте, наш сосед, дядя Олег, в конце своего участка на четырёх железных столбах соорудил что-то вроде смотровой вышки –

«смотровки» – для несения ночного дежурства. Кстати, один из столбов до сих пор стоит, вернее – висит на протянутых вдоль забора металлических проводах, предназначенных для виноградной лозы. Иногда здесь дежурил и я вместе с Федей – сыном дяди Олега.

Он был старше меня года на два. В детстве такая разница в возрасте считается существенным и заметным преимуществом. Дядя Олег вооружал Федю самым настоящим военным биноклем и охотничьим ружьём, правда, заряженным холостыми патронами. На вышку мы поднимались по приставочной лестнице, искусно изготовленной из бамбука, с прочными перекладинами из алюминия. Затем мы лестницу горизонтально подвешивали на специальные крючки, прикреплённые к «смотровке» с боку. Вот такие нехитрые предосторожности. А как же иначе? Ведь «нашествователи» могли незаметно подкрасться и застав нас врасплох – взять в заложники. Дальше вырисовывались страшные картины: мы, закованные в кандалы, издевательства, допросы, пытки… Понятно, что мы стойко выдержали бы все эти испытания, молчали бы до самого нашего героического конца... Но зачем идти на такие невосполнимые жертвы, если можно избежать их?! Тем более, для этого требуется сущий пустяк – поднять довольно-таки лёгкую лестницу на несколько метров.

Перед тем, как приступить к несению дежурства, мы проходили достаточно подробный инструктаж от дяди Олега, по-военному вытянувшись перед ним по команде «смирно».

Главный пункт инструктажа строго гласил, что «в случае обнаружения чего-то подозрительного, следует незамедлительно производить предупредительный выстрел в воздух». Это, по мнению дяди Олега, «отпугнёт «навестителей» и разбудит жителей». Стоит ли говорить о том, что дежурство мы несли с полным пониманием не только всей важности и ответственности за порученное дело, но и серьёзности ситуации. И вот «от делать нечего» мы с Федей «ныряли в глубокий океан наших фантазий и плавали в нём почти до изнеможения». Вот мы отбиваемся от атакующих нас вооружённых до зубов «нашествователей»… Вот мы держим самоотверженную оборону… Вот мы сходимся с ними в рукопашном бою…

Неисчерпаемы детские фантазии! И наши героические поступки происходили в лучших традициях детективного жанра.

Не сомневаюсь, что режиссёры военных фильмов позавидовали бы нашей изобретательности...

Но на самом деле, к нашему глубокому сожалению, во время наших дежурств никаких «нашествователей» не было, никто не атаковал наши «оборонительные позиции»...

Как я помню, мы сами несколько раз имитировали «штурм» и стреляли в воздух, а прибежавшим на помощь нашим старшим объясняли, что под заборами мелькали какие-то чёрные силуэты, которые после наших выстрелов в страхе разбегались в разные стороны, куда-то вниз, через Ущелье Цуцхы в сторону локомотивного депо.

Не буду говорить о том, что вскоре дядя Олег, в сталинское время «оперничавший» в НКВД Армении, до обидного легко «раскусил» нас и, к нашему огорчению, освободил от ночных дежурств в связи с утратой доверия.

Мы, конечно, были очень разочарованы таким неожиданным развитием событий.

Муж тёти Вардишах, дядя Варужан, или, как мы называли его, дядя Варо, – плотник и каменщик, штукатур и маляр, одним словом, широкопрофильный строитель, тем более золоторукий, – в составе когда-то наспех сколоченной бригады, на удивление оказавшейся очень прочной и мобильной, работал по найму на частных стройках. Понятно, что он и его товарищи по бригаде, тоже золоторукие, обязательно «числились «мёртвыми душами» где-то на «государке» для накопления трудового стажа», расписывались в ведомости для выдачи зарплаты, которую затем совали «застенчивым» начальникам в карманы.

«Ну что вы, ну зачем же так?» «Не позорьте нас, всё очень честно: вам – зарплата, нам – трудовой стаж».

Как и почти все мастеровые, дядя Варо пил. Правда, он пил не то что очень много, но зато стабильно, пил почти каждый день.

Он пил до такого благодушного состояния кайфа, когда первому же встречному знакомому, как «самому близкому, дорогому и доверенному человеку», начинал нудно и долго объяснять уважительную причину своего состояния. «Нет, я должен тебе сказать…», – начинал он. И говорил, говорил. Как правило, говорил бессвязно-непонятно о чём-то только себе самому

хорошо известном, и очень удивлялся, что его «специально и принципиально не хочут понимать». И при этом он, худощавый и высокий, постепенно настолько приближался к безнадёжно отступающему собеседнику, наклоняясь к нему и «засовывая свою голову под его нос», глядя снизу вверх, что тот буквально задыхался от штормящей смеси перегара и табачного запаха. Конечно, кто-то не останавливаясь пролетал мимо, как бы не замечая дядю Варо, кто-то ограничивался коротким приветствием, на ходу сообщая, что очень спешит и «делал ноги». Но подавляющее большинство вынужденно выносило это испытание, боясь невниманием обидеть дядю Варо, хотя, как говорил дядя Язвитель Андраник, «с удовольствием согласилось бы отсидеть пятнадцать суток в следственном изоляторе напротив Сухумского ботанического сада, чем удостоиться чести «быть самым близким, дорогим и доверенным человеком дяди Варо».

Великий западноармянский сатирик Акоп Паронян назвал бы этих бедолаг скромными жертвами воспитанности и деликатности.

Иногда дядя Варо приходил домой с «ребятами из бригады» (он их называл однобригадниками).

Как правило, приходили они уже навеселе, приносили выпивку с закуской и во дворе устраивали настоящий «пир с горой». Шумное застолье, к которому часто присое-динялись и некоторые наши соседи – любители весёлого времяпрепровождения, продолжалось долго, почти до первых петухов, когда однобригадники от усталости и выпитого спиртного валились с ног. Валились-то они или на карпет (ковёр без ворса) в домике, или на лавку во дворе, или засыпали тут же – за столом, положив голову на руки, как это делают ученики на уроках, когда вдруг начинает «болеть» голова, – в общем, приземлялись где попало, но, в любом случае, обязательно «дубасили бедную тётю Вардишах по голове». Она должна была, должна была, должна... Она должна была уложить их спать, привести двор в порядок, помыть посуду… И ещё она должна была, как говорил дядя Варо, «создать такие условия, чтобы через пару часов проснувшись, его друзья могли пожелать друг другу доброго утра, такого же здоровья и обязательной удачи». Звучит легко и просто: «создать такие условия…» А это значило, что, кроме выполнения вышеперечисленных обязанностей, тётя Вардишах

должна была ещё вечером тщательно обработать говяжьи ноги и требуху и к утру приготовить наваристое блюдо под названием хаш. Варила его тётя Вардишах во дворе в небольшом котле на открытом огне под полупрогнившим деревянным навесом. Варила долго – до отслаивания мяса от костей.

Хаш – это блюдо, которое «без водки ну никак не лезет». Его едят руками, захватывая тонким лавашом-«портянкой». Старожилы говорят, что сухумские гаишники строго наказывали водителей, которые ели хаш «без сопровождения водки». Они рано утром, а хаш едят именно рано утром, приступали к дежурству в непосредственной близости от хашной под облюбованным ими могучим эвкалиптом. По преданию (которое наверняка придумал дядя Язвитель Андраник), это дерево собственноручно посадил сам Лаврентий (Берия), и когда посещал родные края, обязательно находил несколько минут, чтобы посидеть в тени своего любимого дерева.

Так вот, гаишники под этим деревом останавливали всех без исключения водителей. И не дай бог, если бы от них не несло «уксусно-чесночным запахом вперемешку с сногсшибательным»! Кстати, в круглогодично работающем на сухумской набережной летнем кафе «У Акопа», ныне более известном как «Брехаловка», упорно муссировались слухи о том, что гаишники, понимая, что действуют «юридически не совсем законно, хотя и стопроцентно правильно», и могут «погореть» (нет, мы и врагу такого не пожелаем, говорим на всякий случай, чисто гипотетически), готовят железно аргументированное предложение включить соответствующий хашно-водочный пункт (об «обязательном тандеме хаша и водки») в Правила дорожного движения. И обязательно включили бы, не сомневайтесь точно так же, как не сомневаюсь я! Но совсем некстати развалился Советский Союз из-за предательства Горбачёва. Об этом обречённо сожалел дядя Язвитель Андраник: «А мы-то верили! Ах, как же мы наивно верили в перестройку, ускорение и другие хорошие слова из «Словаря русского языка» Сергея Ивановича Ожегова!»

О, «Брехаловка!» Ты помнишь великих артистов, писателей, спортсменов, помнишь президентов, помнишь «Свободу» и «Марадону», помнишь футбольного арбитра Гриню Погосяна и маляра Ашота… Я буду счастлив, если запомнишь и меня!

«Брехаловка» всегда била и до сих пор продолжает мощно бить фонтанами разнопрофильных идей. Вот одна из финансово-экономических. Для пополнения бюджета страны и увеличения пенсионных выплат и зарплаты бюджетникам завсегдатаи «Брехаловки» единогласно предлагают (предложение они оформили в форме двухпунктного указа президента):

1. Всех многочисленных сотрудников, занимающих комфортабельные кабинеты в корпусах администрации президента, народного собрания и кабинета министров, в течение курортного сезона перевести на заочную форму работы (за нелегальный выход на работу освобождать от занимаемой должности);

2. Освобождённые кабинеты сдавать отдыхающим под люкс».

Именно под люкс, потому что все кабинеты технически оборудованы соответствующим образом. Положите правую руку на сердце и скажите: чем же не оригинальная идея, достойная внимательного изучения?!

Сухумская «Брехаловка» имеет своего легитимного президента (его ещё называют кофейным президентом). Первым её главой на безальтернативной основе был избран Сергей Зардания, после смерти которого завсегдатаи обязанности «главы государства» доверили авторитетному в Сухуме человеку – Лениду Джения: известному в молодости артисту Государственного ансамбля народной песни и танца Абхазии. Этому знаменательному событию посвятили свои репортажи почти все местные средства массовой информации – как телевизионные и бумажные, так и модные электронные.

Как и любое уважающее себя государство, «Брехаловка» имеет свою, правда, пока не оформленную в письменном виде, «конституцию». Единственная статья Основного закона недвусмысленно гласит, что «никто не имеет право нарушать или не соблюдать традиции «Брехаловки»: тут пьют только кофе, и никогда никаких спиртных напитков; играют в шашки, нарды, шахматы и никаких карт, тем более на деньги; тут не ругаются». Да, чуть было не забыл: пока ещё остаётся открытым вопрос официальной символики «Брехаловки» – гимна и герба. Но говорят, что над этой проблемой уже работают «самые светлые головы».

Здесь все знают всё: что было, что есть и, самое главное, что будет в грядущем будущем.

Здесь у всех своя правда, все в своих правах равны.

Мы имеем серьёзные основания полагать, что не совсем случайно рядом с «Брехаловкой» находятся администрация президента страны, кабинет министров, парламент, мэрия и собрание городских депутатов. Для принятия правильного решения, можно даже во время заседания кабмина или сессии парламента за одну минуту прибежать сюда, посоветоваться с завсегдатаями «Брехаловки» и на любой вопрос получить исчерпывающе аргументированные рекомендации в нескольких вариантах, порой взаимоисключающих, но, как вы догадываетесь, «стопроцентно верных». И в процессе консультаций можно попить чашечку кофе.

Но вернёмся к нашему повествованию.

В такие «нашественные» дни тётя Вардишах детей (чтобы «не путались под ногами гостей как футбольные мячи с шишками») оставляла у своей первой соседки – очень тёплой и отзывчивой тёти Манушак (Фиалка), чьи дети, Ваан (Щит) и Ахавни (Голубь), учились в средних классах гумистинской армянской школы. Они охотно присматривали за детьми тёти Вардишах.

Чтобы «поймать удачу за пушистый хвост» однобригадники во главе с дядей Варо отправлялись на свою «биржу», то есть на Сухумский центральный рынок.

Рано утром они собирались в открытой забегаловке, расположенной недалеко от мясных рядов, и в ожидании нанимателей, пили кофе, небольшими глотками запивая его холодной водой и крепкой чачей: глоток кофе, глоток холодной воды, глоток крепкой чачи, а между ними – анекдоты, шутки, подколы...

Иногда, когда ожидание затягивалось, порции чачи повторялись, но уже с закуской – сочными горячими чебуреками.

Кофевары, хорошо зная однобригадников и их вкусовые предпочтения, готовили этот ароматный напиток по-сухумски: на раскалённом песке.

Наниматели с солидными возможностями приходили к «биржующим» строителям высокого класса, имеющим уже не одного воспитанника.

Это было важным моментом, достойным уважения – быть наставником и иметь учеников высокого класса. В народе их называли просто: уста! Строители дорожили этим званием:

точно так тренер спортсменов дорожит своим званием и гордится удачами подопечных. Это признание – результат многолетнего кропотливого труда. Естественно, труд усты ценился дороже, чем простого рабочего.

Кстати, в городе было несколько «бирж».

Так, простые рабочие, в свою очередь, собирались на набережной перед хинкальной у «Черноморца».

Была ещё и другая группа – разнорабочие: они «кучковались на своей бирже» напротив Главпочтамта и зимнего кинотеатра «Сухум» у памятника Серго Орджоникидзе (ныне – парк имени Тараса Шамба). Они соглашались на любые предложенные работы.

Естественно, каждая из этих групп пользовалась спросом и имела своих нанимателей «по рангам».

Дядя Варо воспитал немало учеников, которые сами, в свою очередь, стали наставниками молодых строителей. Без ложной скромности он считал себя уста-строителем с золотыми руками.

Но однажды он сказал, что никогда не станет варпетом, то есть избранным, великим мастером.

Тогда на эти слова никто не обратил внимания.

…Как и все наши соседи, свой земельный участок с домиком дядя Варо почти за бесценок купил у деда Лалазара с благой целью: построить свой собственный дом. На это строительство «наличествовало добро» от исполкома горсовета. Нотариально заверенная копия этого документа, на котором под настоящей круглой печатью фиолетового цвета стояла подпись очень важного начальника, хранилась у дяди Варо под матрасом с остальными документами: свидетельствами о рождениях, бракосочетании, паспортами, справками и квитанциями об уплате за потреблённую электроэнергию и воду... Но, как говорит народная мудрость, сам сапожник бывает без сапог… Вот и дядя Варо, уста-строитель, всю жизнь воздвигавший дома для других, сам не имел своего очага. Надо сказать, что сразу же после приобретения земельного участка дядя Варо с помощью своих друзей заложил фундамент будущего дома. Они даже заготовили необходимое количество шлакоблоков. Замешивали раствор во дворе и засыпали в специальную форму, и через несколько дней,

когда блоки схватывались, складывали их за домиком под наспех сколоченным навесом. А вот строительство дома дядя Варо почему-то отложил до каких-то, только ему известных, лучших времён. Но они, то есть эти «какие-то, только ему известные лучшие времена», к сожалению, так и не наступили. Точно так сапожник откладывает в сторону заготовки своей обуви: они постоянно рядом, где-то под самой рукой, даже мешают работать, чёрт бы их побрал, но руки до них ну никак не доходят.

Вот и стоял под открытым небом уже покрытый мхом фундамент будущего дома с торчащими вверх, как антенны, арматурами; между ними тётя Вардишах протянула верёвки, на которых сушила одежду и бельё.

Рано умер дядя Варо. Подвыпивший на соседской свадьбе, которую играл дядя Айрапет (он женил сына), дядя Варо в очередной раз принялся «объяснять кое-что» своему двоюродному племяннику, известному своим не совсем кротким нравом. Тот тоже находился «на парах» и, в конце концов, не выдержав «переходящего критическую точку» натиска дяди Варо, встал из-за стола и начал из тактических соображений планомерно отступать, увлекая его за брезентовую палатку, под которой свадьба продолжала «разгарно петь и плясать». В тёмном углу, в стороне от лишних глаз, он избил дядю Варо, как говорится, «слегка, но от души», расслабив свои натянутые до «вот-вот должны лопнуть» нервы, одновременно погасив наступательный пыл дорогого дядюшки.

Гости под палаткой были навеселе. Произносились очередные дорогие тосты, так что, никто не заметил временного отсутствия дяди Варо и его племянника. Но и даже заметив, конечно же, не придал бы их отсутствию никакого значения, потому что после солидного количества принятого спиртного многие, за исключением абхазов, отлучались на несколько минут «по неотложному делу». Возвращались практически все и продолжали веселиться дальше.

Абхазы же держались до последнего: по традиции, абхаз, вставший из-за стола по какой-либо причине, без разницы – какой, не возвращается за стол. Уходить можно, а вот возвращаться... считается позорным проявлением слабости.

Двоюродный племянник дяди Варо был сотрудником вневедомственной охраны райотдела милиции.

Он строго-настрого предупредил дядю Варо, что если вдруг, не дай Господь, посмеет даже пискнуть, а не то что пожаловаться, сам же загремит на пару лет в исправительно-трудовую колонию самого-самого строгого режима. Именно самого-самого строгого, потому что «загремит» за нападение в нетрезвом состоянии на сотрудника милиции, который, возможно, находился при исполнении своего нелёгкого служебного долга, а может быть и выполнял особо важное секретное задание по задержанию опасного вооружённого преступника. А это, сам знаешь, очень серьёзное преступление – нападение на сотрудника милиции, тем более, когда он при исполнении.

– И ещё, хочу тебе как близкому родственнику сказать, дальнему родственнику и тем более чужому человеку ни за что бы не сказал: у нас всё везде схвачено, полностью схвачено от самого низа до самого верха, – доверительным тоном сообщил племянник, массажируя пудовые кулаки, – так что, не смей рыпаться, лучше будет, если подумаешь о себе. А ещё лучше будет, если подумаешь о детях. И о красавице жене тоже стоило бы не совсем забывать.

И родственники, как ушли вдвоём, так и вдвоём, как ни в чём не бывало, почти в обнимку, вернулись за свадебный стол и продолжили веселиться.

Со свадьбы дядя Варо ушёл с ближайшими соседями: Рафиком, Эдмоном и Карапетом, как и он сам слегка пошатывающимися. Они ушли, когда гости уже начинали прощаться с хозяевами и потихоньку, вернее, совсем нехотя расходиться.

Скажем, что это была, возможно, одной из последних свадеб, проведённых «в традиционном формате».

Потом в стране будет объявлен всесоюзный сухой закон, и советский народ вступит в непримиримую борьбу за здоровый образ жизни, объявив нешуточный бой алкоголизму.

Помню, в то время начал выходить даже специальный журнал под названием «Трезвость и культура». Кстати, я с удовольствием читал это довольно-таки интересное издание.

И ещё, это я говорю с большой болью, повсеместно варварски уничтожались уникальные виноградные насаждения.

Словом, борьба за трезвый образ жизни и культуру быта была в самом неистовом разгаре.

Как раз в этот период борьбы против алкоголизма состоялась и моя свадьба.

Конечно, были предприняты, как говорил дядя Язвитель Андраник, всевозможные «предосторожностные шаги в виде маскировки», качеству которой позавидовали бы даже военные контрразведчики.

И одним из главных «предосторожностных шагов» было использование целлофанового покрытия для палатки – вместо брезента.

Ещё один «предосторожностный шаг» состоял в том, что спиртные напитки разливались в лимонадные бутылки.

Конечно, все прекрасно знали, что под целлофаном растут не помидоры и огурцы, за которыми ухаживают в поте лица, а поют и танцуют, из лимонадных бутылок пьют вино и водку, а вовсе не фруктовые напитки. Это было чистейшей воды очковтирательством, которое процветало во всех отраслях нашей жизни и сгубило наше великое советское государство. Именно очковтирательство и сгубило! Будь карикатуристом, очковтирательство я изобразил бы в виде неутомимой и очень предприимчивой крысы, роющей под зданием, которое в конце концов рушится. О разрушительных способностях крыс я хорошо знал, достаточно основательно изучил их биографию, работая над статьёй «Страна без папы и мамы», посвящённой парламентским выборам. Помню, обиделись на меня некоторые депутаты, очень обиделись, в том числе и уважаемый мной человек, будущий народный избранник Альберт Овсепян.

Пользуясь возможностью, моим читателям рекомендую одну из прочитанных мной в ту пору книг – «Причуды природы» Игоря Акимушкина.

Слава богу, наша свадьба прошла почти без пьяных разборок и мордобоев, к сожалению, привычных в ту пору. Привычным был и такой вопрос: «Свадьба прошла без драки?» На утвердительный ответ облегчённо вздыхали: «Ну и слава богу!» Пишу «почти», потому что небольшую потасовку в нашем огороде всё же устроили «чангалисты», но об этом мне стало известно уже после свадьбы.

«Чангалистами» у нас называют тех, кто приходит на свадьбу без приглашения. Они по своим «каналам» узнают, у кого

и где будет свадьба, и заранее готовятся к ней. И хотя «чангализм» считается постыдным явлением, но он довольно-таки широко распространён, и с ним вынуждены «по-серьёзному» считаться. Для «чангалистов» накрывают отдельные столы, к ним относятся с особым почтением – лишь бы те не разбушевались и не испортили праздник. А такие случаи, к сожалению, иногда и трагические, бывают часто. Сердце кровью обливается, когда думаешь о том, что этот долгожданный, счастливейший день свадьбы может обернуться трагедией из-за каких-то потерявших совесть людей.

Так вот, вернувшись домой, дядя Варо лёг на тахту под картой Великой Армении, висевшей на стене.

На карте границы Армении простирались от моря до моря и ещё раз до моря: от Каспийского моря до Чёрного и Средиземного морей. Иногда дяде Варо казалось, что он слышит величественный, глубокий и широкий морской шум, под колыбельную которого он засыпал. А может быть, точно так под такой же шум некогда засыпал сам Царь Царей Тигран Великий, за день уставший от державных дел?

И ещё дяде Варо снился один и тот же сон, в котором с висевшей на стене карты на него обрушивались воды Каспийского, Чёрного и Средиземного морей со страшной силы грохотом и вековым упрёком, увы, до сих пор безответным: «Почему вы бросили нас?»

И проснувшийся в страхе дядя Варо, в одиночку державший суровый ответ за всех армян, рассеянных по миру, никак не мог понять: он мокр от обрушившейся на него морской стихии, или же от солёного пота, обильно пробившего его тело, а может и насквозь – душу?

Много лет назад, чтобы получить эту карту, дядя Варо бесплатно отремонтировал большую комнату у одного знакомого. Карту он принёс домой бережно, как святыню-флаг прижав к груди. И чтобы ненароком не потерять её – мало ли что может приключиться на не совсем трезвую голову – категорически отказался даже от традиционной вечерней выпивки в привокзальном ресторане, известном под названием «Пятачок». К слову, этот «демарш» дяди Варо не совсем понравился его друзьям, но они с уважением и пониманием, даже с некоторым сочувствием, отнеслись к его решению.

Старая и безжалостно оборванная вглубь по краям карта напоминала трагическую судьбу некогда Великой Армении. Придя домой, дядя Варо, не теряя ни минуты, развёл на воде пшеничную муку, вскипятил её в кастрюле и этой липкой жидкостью аккуратно наклеил на обороте карты медицинскую марлю, как бы исправляя грубейшие исторические ошибки, некогда допущенные нашими предками. И когда карта высохла, с четырёх сторон по краям ровнёхонько, очень старательно обрезал острыми ножницами. «Вот так, – сказал дядя Варо, – вот так надо».

С чувством исполненного долга, удобно устроившись на тахте и положив одну ногу на другую, дядя Варо попытался продолжить чтение любимой книги – исторического романа Серо Ханзадяна «Мхитар Спарапет», на плотной обложке которого чернел прожжённый круг от горячей сковороды. Нет, не дядя Варо подложил книгу в твёрдой обложке под раскалённую сковороду с жареной на сале картошкой, использовав объёмистый том как подставку. Как раз наоборот: дядя Варо берёг эту книгу как зеницу ока! И вообще, он был уверен, что, нет, не от раскалённой сковороды обгорела обложка книги: так горели армянские города и сёла, так горела душа Мхитара Спарапета, горела душа Давида Бека, и огонь, заключённый в страницах книги, вырвался наружу…

Так же, как и карту Великой Армении, эту книгу уже с обгоревшей обложкой дядя Варо получил за свой труд: увидев на кухне, где работал, подставленную под хромую ножку шкафа книгу, дядя Варо попросил хозяина за проделанную работу расплатиться… «этой книгой, которая, вижу, тебе не совсем нужна, ну, нужна, конечно, но не по прямому назначению».

Конечно, хозяин несказанно обрадовался (хотя и не подал виду) такому несколько неожиданному, но и одновременно замечательному для него предложению – он ещё со школьных лет подозрительно относился к книгам, считая чтение пустым времяпрепровождением. Я уверен, что он обязательно подумал: «Во даёт, а, совсем чудак-человек!»

По поводу «книжной слабости» дяди Варо некоторые соседи незлобно подшучивали над ним:

– Варо, а за полное собрание сочинений Владимира Ильича Ленина сколько комнат отремонтируешь? Там же, шутка ли, как никак целых пятьдесят пять увесистых томов!

– А за толстую «Историю КПСС» тоже можно, ну хотя бы коридор?

– А за «Капитал» Маркса? Это же не просто книга: это же капитал. Ка-пи-тал!

– За книги отремонтирую, но только за исторические книги и ещё за карты, – не оставался «под словом» дядя Варо, – например, можно романы «Царь Пап» Стефана Зорьяна, «Самвел» Раффи, «Орёл Васпуракана» Зарзанда Дарьяна, «Сорок дней Муса-дага» Франца Верфеля, «Геворг Марзпетуни» Мурацана, «Последний из ушедших» Баграта Шинкуба. Очень хочу иметь книгу Богдана Вердяна «Мои цветы остались вдали». Можно другие интересные книги тоже.

Однажды он принёс домой довольно-таки тяжёлую стопку книг, перевязанную бечёвкой: воистину неоценимый клад под названием «Русско-армянский словарь» в четырёх томах! А сейчас вы ещё больше удивитесь, потому что я уже сообщаю вам, что это уникальное издание находится у меня. Её подарила мне тётя Вардишах, когда мои стихи начали печататься в газетах. «Возьми, – сказала она, – они будут тебе нужны. Варо к ним относился нежнее, чем к своим детям».

На внутренней стороне обложки первого тома рукой дяди Варо светло-синим карандашом красивым почерком выведена фамилия «В. Григорян» и размашисто подчёрк-нута. Четыре тёмно-коричневых тома, в моей уже довольно-таки богатой библиотеке.

…Дядя Варо начал читать книгу. Читал тяжело, потому что буквы, слова, целые предложения и даже абзацы с главными и второстепенными членами, знаками препинания проваливались скошенными рядами, – как падали янычары Кёпурлу Абдулла-паши, сражённые стрелами воинов Давида Бека и Мхитара Спарапета под защитными стенами неприступной высокогорной крепости Алидзора в историческом Сюнике.

Несколько дней дядя Варо не вставал. Казалось, что он забыл обо всём на свете, вернее, забыл весь свет. И как он мог встать, если его не было здесь, если он находился там?!

Между здесь и там пролегла целая историческая эпоха, которой исполнилось ровно двести пятьдесят лет!

Вот так дядя Варо был поглощён чтением любимой книги.

Был только он, и была только книга.

Иногда одно и то же предложение, а порой одну и ту же страницу он внимательно перечитывал несколько раз, вновь и вновь возвращаясь к колдовству слов, пытаясь не только дойти до их сути, но и без остатка раствориться в их глубине, стать их частью:

«Куст шиповника пышно цвел на могиле Мхитара, – в который раз перечитывал дядя Варо. – На рассвете его увидел идущий в поле крестьянин. Он видел цветы и в другие дни. Это были цветы гор. Каждый день, еще затемно, их приносила сюда Гоар. Она осыпала цветами и слезами своими могилу Мхитара».

Ну вот и дочитаны последние предложения романа: «Новые враги топтали землю армян, и новые храбрецы изгоняли их со своей земли. Одно поколение сменялось другим… Так мы жили века», после которых для дяди Варо наступила 250-летняя пустота – такая же чистая, как и пугающая недописанностью последняя страница романа.

Но пустота ли? Надо осмыслить пустоту. Будь физиком, я бы вывел формулу пустоты. Неужели жизнь дяди Варо завершилась вместе с жизнью Мхитара Спарапета? Или что-то очень большое их объединяло?

Дядя Варо в Мхитаре Спарапете чувствовал родственную душу. Да, они оба были строителями, хотя между ними была существенная разница. И эту разницу отчётливо почувствовал дядя Варо: Мхитар Спарапет строил государство для всего армянства, а он строил дома, правда, строил для других. Но утешала слабая мысль о том, что строил… Хотя и строил для других, но строил же, созидал… Я написал «для других» и…

И вдруг чётко, явственно услышал слова дяди Варо, сказанные им очень много лет назад, о том, что он никогда не станет варпетом, хотя он, и это чистейшая правда, был устой с золотыми руками. Конечно же: чтобы стать варпетом, ему не хватало самого главного: построенного своими же руками собственного дома.

Сегодня я уверен: варпет должен строить собственный дом так, как составляет свою избранную книгу великий писатель.

Так вот, дочитав последние предложения романа и по-своему осмыслив их, дядя Варо встал, помылся, аккуратно, как ни-

когда, побрился опасной бритвой, предварительно заточив её на кожаном ремне с тонким слоем специальной пасты, ножницами поправил коротко подстриженные бакенбарды и закрученные кверху усы, как это, возможно, делал сам Мхитар Спарапет. Потом он переоделся во всё чистое и лёг на тахту под картой Великой Армении, на которой склеенные обрывки бугрились как незаживающие раны.

Он всей грудью широко вдохнул до самых глубин души свежесть трёх морей, зажмурился от всплеска солнечных лучей, играющих на волнах, и вновь взял в руки объёмистый, двухтомный роман, объединённый в одну книгу, раскрыл посередине. Раскрыл так, как бы поделил жизнь на две равные части.

Нет, он действительно поделил жизнь на добро и зло, на свет и тьму, на преданность и предательство. Раскрытую книгу положил на лицо, закрыв её двумя частями, как ладонями, свои глаза. Затем он сложил руки на груди и под могущественный шум морской стихии, который всё больше и больше усиливался в его душе, умер.

Я точно знаю, что перед тем, как навсегда закрыть глаза, он стонал, стонал глубоко и тяжело, как глубоко и тяжело вздыхали воды трёх морей: «Вот так, – стонал он, – вот так предали Мхитара Спарапета, предали жалкие и низкие людишки, ничтожества».

И мучительно вопрошал дядя Варо: «Ну почему, почему Давида Сасунци убила своя же собственная дочь? Почему, Господи? Какая страшная и трагическая тайна заключена в этом отцеубийстве? А может быть, это та единственная, исключительная тайна, которая судьбоносная?»

И ещё, я точно знаю, дядя Варо просил прощения у тёти Вардишах (возможно именно так, этими же словами, просил прощения Мхитар Спарапет у своей возлюбленной Гоар?): «Прости меня, Варди-шааах, прости, если можешь!» Обязательно просил, ибо не мог не представить, как его Вардишах каждый день ещё затемно будет приносить цветы гор и слезами своими осыпать его могилу…

Вот так – с раскрытой книгой Серо Ханзадяна «Мхитар Спарапет» на лице и сложенными на груди руками, с застывшим на губах немым армянским вопросом «Почему?» – лежал дядя Варо на тахте под картой Великой Армении, когда поздно

вечером тётя Вардишах пришла домой с ноющей болью в спине и свисающими как плети руками.

И соседи, побросав все неотложные дела, сбежались на её пронзительный крик.

Осталась тётя Вардишах с малолетними Сержиком, Аршавиром и Аршалуйс.

«После смерти «кормильца семьи» им будет легче жить», – злые языки с лёгким сарказмом намекали на то, что, по их мнению, от дяди Варо никакой пользы не было. А вот вред, считали они, был «как факт налицо». Например, в виде безжалостного крушения посуды, оконных стёкол, интернациональной нецензурщины, периодических «нашествий однобригадников», которых называли одногадниками.

Естественно, в число злых языков не входили те, кто был не прочь посидеть с однобригадниками на халяву.

Если от дяди Варо детям доставалось в основном, скажем так, чисто символически, то с тётей Вардишах дело обстояло гораздо сложнее. И хотя она безропотно выносила побои и никому никогда «не плакалась», но о побоях знали все соседи по «фактам налицо, которые синячились на веснушчато-лучезарном личике тёти Вардишах».

И ещё те же злые языки говорили, что у дяди Варо были «перелётные птицы». Не зря же нарекли его Варужаном (самец – ощипыватель птиц). И намекающе добавляли, что он «для этих перелётных свил гнёздышко, где-то там, на какой-то стороне». Но именно где и на какой стороне, злые языки двусмысленно и многозначительно не уточняли: то ли знали, но не говорили, то ли не знали, но серьёзно, почти до уверенности, подозревали.

Для полноты описываемой ситуации я обязательно должен сказать, что дядя Варо почти никогда ни копейки не приносил домой. Правда, иногда для детишек покупал в ларьке у тёти Кати большой кулёк самых дешёвых конфет с фруктовым повидлом, их называли ещё и «подушечками». Да, денег домой он не приносил, но, к своей чести, никогда «потребительски косым взглядом, – как говорил дядя Язвитель Андраник, – не смотрел на мелочи, заработанные тётей Вардишах».

Заработанные тётей Вардишах мелочи, по словам того же дяди Язвителя Андраника, «были пропитаны солёными каплями пота, которые были очень высокой концентрации, очень тяжёлыми, настолько очень тяжёлыми, что никакие руки, даже ручищи чемпиона мира по тяжёлой атлетике Леонида Жаботинского, а он ведь самый сильный человек планеты, не смогли бы поднять их. Если взять и высушить под солнцем пот, пролитый тётей Вардишах, получилась бы целая гора соли!» Так вот, и руки дяди Варо «не могли поднять их», если он даже «умирал и воскресал» от желания опохмелиться, что бывало, правда, крайне редко, а в кармане, как назло, «в эти моменты серые мыши гуляли парами».

А я никак не мог понять: как же мелочи могут быть такими тяжёлыми, что даже сам чемпион «не может их поднять?!»

В те моменты, когда умирал и воскресал дядя Варо, он, обращаясь к жене, делил её имя, как потом поделил роман «Мхитар Спарапет» перед смертью, на две части: Варди шах. На зависть поэтам, получалось очень красиво и оригинально: Розовая роса.

«Варди шааах, ай Варди шааах, – со стоном звал он жену, вздохом выделяя последний слог, как бы окутывая его своим внутренним туманом, – Варди шааах!.. Горит, горит моя душа… Кипииит...»

Звал голосом, исходящим из самых потайных глубин души, как будто розовая роса могла каким-то чудом утолить его душевную жажду.

И ещё, он, должно быть, очень удивлялся. И не потому удивлялся, что у него такая глубокая душа, а удивлялся потому, что он совершенно не подозревал, что у него может быть такая глубокая душа.

И это, наверняка, было самым большим удивлением, вернее, открытием, потому что истинная глубина души определяется временем последнего падения – познаётся в тот самый миг, когда уже, к сожалению, ничего нельзя изменить, поправить.

…Румяные щёки тёти Вардишах действительно походили на распустившиеся лепестки утренней розы, а слёзы, катящиеся по ним, казались кристальными капельками росы, фокусирующими солнечные лучи и отражающими многоцветье радуги.

II

После скромных похорон дяди Варо и семи дней со дня смерти, когда его душа окончательно распрощалась с земной жизнью, предварительно побывав во всех для себя значимых местах, посетив самых близких людей, и навсегда обосновалась в небесах, – к тёте Вардишах, находившейся в глубоком трауре, стала каждый день приходить соседка – тётя Арнук. Старая дева, известная своим непредсказуемым поведением. Общаться спокойно с тётей Арнук удавалось далеко не всем – скорее, единицам и то на совсем небольшой промежуток времени.

Все знали, что она с «приветом с шевелящимся хвостиком»! Никто не знал, какой «фундиклёж» она может выкинуть в следующую секунду. Вот и все соседи остерегались её. Только «привет» и «прощай» – это если не удавалось незамеченным прошмыгнуть мимо. А незамеченным почти никогда не получалось на узкой, в три метра шириной улице, ещё и окаймлённой канавой с правой стороны – вдоль забора дяди Левона.

Тётя Арнук могла неожиданно подружиться с одной из соседок – с любой; а всех остальных она считала своими, мягко говоря, потенциальными недоброжелателями. Соседей, вообще всех знакомых, она делила на тяжелоногих и легкоруких.

Всё у неё было относительно: и друзья были относительными, относительными были и враги. В любую минуту можно было оказаться в том или другом статусе, даже не подозревая об этом.

Тётя Вардишах ставила на стол самое лучшее, что имела: отборные яблоки и груши, малину, когда тётя Арнук приходила на кофе; не с пустыми руками приходила она, обязательно приносила очень вкусные конфеты: «Мишка косолапый», «Монпансье» в металлической коробке, «Птичье молоко»… Ну словом, пальчики оближешь!

«У нашей Арнук начался очередной медовый месяц, – констатировал дядя Язвитель Андраник, – интересно, сколько дней этот месяц будет длиться? Ничего не поделаешь, не было же у неё настоящего, единственного медового месяца. Эй-вах... Вот и она навёрстывает упущенное».

Тётя Арнук занималась перепродажей одежды, в основном детской, которую привозила сперва из Ростова, а потом и из Армавира, где жила с семьёй её единственная родственница – сестра.

Уезжала она на неделю с двумя сумками, набитыми разнообразными подарками, а оттуда возвращалась с такими же сумками – с детской одеждой, после реализации которой опять уезжала.

В свой последний приезд она для тёти Вардишах привезла тёмно-синюю, почти чёрную водолазку.

«Это не простая водолазка, – сказала тётя Арнук, – эта водолазка классическая! Через очень больших людей, только по крупному блату моей сестры и её мужа удалось достать, – откровенничала она. – Видишь, какая высокая горловина? Она подворачивается аж в три раза! Такие водолазки носят только водолазы! А ты думала что, просто так её назвали водолазкой? Её носят ещё и артисты! Ты тоже носи на счастье и здоровье. Здоровье у тебя есть, и счастье тоже будет обязательно. Носи, не дожидаясь окончания траурных дней. Водолазка настолько тёмно-синяя, что кажется совсем чёрной. Так что, ты никак не нарушишь свой траур. И никто ничего не скажет. Ва-а-ай! Все же знают, что траур ты держишь в своей первозданно чистой душе. А чёрная одежда – это так, это больше для чужих глаз».

Надо сказать, что из синтетической ткани водолазка в то время была всеобщей мечтой. Только счастливые единицы носили её. Носили с особым достоинством, даже из-под шарфа, который был обязательным дополнением к водолазке, как бы невзначай, как бы небрежно, но обязательно показывали её горловину. Носили на зависть всем не имеющим её! И как же можно было не завидовать, ведь тонкая упругая ткань так плотно облегала фигуру, подчёркивая все нюансы утончённой женской красоты. Ради справедливости надо сказать, что и мужчины не отказывались от водолазки и носили её с явным удовольствием.

– Королева! – с восторгом воскликнула тётя Арнук, оценивающим взглядом с ног до головы измерив тётю Вардишах, когда та по её настоятельному требованию надела водолазку. – Ну вылитая королева красоты! Очень подходит тебе песня Арно Бабаджаняна, ну та, что поёт Муслим! Вот если бы тебя увидел Муслим, хоть одним глазом! Он точно сошёл бы с ума! Ва-а-ай, Муслим, Муслим! Ну где же ты, а, где?!

Говорила тётя Арнук так просто и уверенно, как будто не только знала Муслима Магомаева, но и была с ним на «ты».

Зарделась тётя Вардишах, зарделась как дикая роза на самом-самом опасном краю обрыва; нет, не сорвёшь её никак, не дотянешься! – сам же сорвешься в пропасть и разобьёшься на мельчайшие кусочки – вдребезги.

– Как-то не так себя чувствую, – сказала тётя Вардишах, – как будто душит.

– Да ты что, Вардиша, – от удивления тётя Арнук чуть было не уронила кофейную чашку, – как же она может душить?! Это же классическая водолазка, ты понимаешь, самая настоящая, самая классическая, ва-а-ай?! Если бы она душила, водолазы не опускались бы на самое-самое дно океана как глубоководные рыбы. И певцы не пели бы свои песни как дрозды.

– Наверно с непривычки, или мне просто показалось, – попыталась сгладить неловкость ситуации тётя Вардишах, совершенно не подозревая, что в их добрососедские отношения только что заложила бомбу замедленного действия, и уже пошёл обратный отсчёт времени.

И чтобы не обидеть тётю Арнук (конечно, когда она находилась дома), тётя Вардишах надевала водолазку даже тогда, когда работала в огороде, обливаясь потом на солнцепёке.

III

Через несколько дней тётя Арнук уехала в Армавир. Перед отъездом, соблюдая адат (традицию), она на минутку присела на краешек скамейки, сколоченной во дворе под хурмой и прикреплённой к её стволу: этот обычай «присесть на дорожку» тётя Арнук свято чтила, чтобы дорога «не пылила».

Так вот, села тётя Арнук на скамейку и как бы между прочим разговаривая сама с собой, но так, чтобы слышала соседка напротив – тётя Карзук, которая с утра копошилась в огороде, сказала: «Сколько раз давала себе слово, что не буду помогать никому… Нет, моя доброта когда-нибудь погубит меня. Точно погубит. Надо же, не оценила мой подарок, видите ли, водолазка душит её! Вай-вай-ва-а-ай...»

Наша улица на всякий случай опустошалась, когда тётя Арнук выходила из своей хибарки (так она называла свой домик). Все знали, что «вес» ноги человека, оказавшегося на пути тёти Арнук (и не дай бог, если ещё и с пустыми руками), напрямую зависел от её коммерческой удачи, или, наоборот, неудачи.

Если дела у тёти Арнук вдруг пошли бы не «лав» (хорошо), а «тарс» (неудачно), она объявляла этого невезунчика человеком с очень тяжёлой ногой со всеми вытекающими последствиями. А если «фортуна, говоря словами дяди Язвителя Андраника, повернулась бы к ней с широтой своей души и высотой благосклонности», то этот счастливчик объявлялся человеком очень лёгконогим и щедроруким. И любая из этих новостей распространялась с молниеносной быстротой, всё больше и больше обрастая подробностями и неопровержимыми доказательствами: кто, когда и как «пострадал», или же, наоборот, кому сопутствовали удача и везение.

Но акцент, конечно, делался на «тяжёлую» ногу.

«Помните, как перебежала, нет, даже не перебежала, а как острейшим ножом деда Лалазара, что для тончайшей нарезки табака, перерезала мою дорогу тощая, как вобла, тяжелоногая Ленка? Сама-то кожа да кости, а нога – тяжеленная!.. Да вы что, как же можете не помнить, ва-а-ай?! Я как сейчас помню, вижу и даже слышу шорох её платья как на огородном пугале. Она же сидела во дворе, коварно притаилась как львица на охоте перед прыжком, терпеливо ждала, когда я выйду за калитку. И когда увидела меня, молниеносно выбежала со двора с метлой, видите ли, хы-ым, подметать улицу. Аж кости захрустели на весь переулок! Тоже мне, Баба Яга, ва-а-ай! Лучше бы села на свою реактивную метлу и улетела куда-нибудь подальше. Я сразу поняла, что удачи уже не будет, спинным мозгом почувствовала. И точно! Отовариться-то отоварилась, а вещи, вон, сколько месяцев лежат неподвижным мёртвым грузом в моей хибарке. Не хибарка уже, а целый товарный склад… Проклятая баба!»

«А Валик? Мало того, что у него голубые, юркающие туда-сюда глаза, да он ещё и рыжий, как Тамаркин кот, и к тому же, как кровожадный Ленк (Хромой) Тимур, прихрамывает на левую ногу. Шлёп-нога, шлёп-шлёп-шлёп, – здесь тётя Арнук для убедительности наглядно показывала, как именно прихрамывал дядя Валик. – Ох и тяжёлая у него нога! Чтобы намертво забить его «тарс», как учит народная примета, я задолбалась гвозди заколачивать в порог хибарки. Специально для этого ящик гвоздей прикупила на базаре. Уже некуда забивать, ва-а-ай… Во-он, видите, как эти гвозди обцарапали мои ноги – аж

до крови?! Что, может быть ещё и второй порог открыть специально для забывания гвоздей? Кобель неугомонный!»

Вот так сокрушалась тётя Арнук, постепенно расширяя границы своей фантазии. Дядя Варо обязательно уточнил бы: «Точно так Тигран Великий расширял территории своего могущественного царства». «Господи, – крестилась тётя Арнук и глубоко вздыхала, – если бы эти тяжелоногие и скупорукие перерезали дорогу Жану, он наверняка потерял бы свой божественный голос. Вай-вай-вай!»

О, нет, и ещё раз нет, только не это! Всё что хотите, только не это! Вот сейчас немедленно надо три раза плюнуть через левое плечо, нет, даже три раза по три, чтобы «тарс» наверняка прошёл, а вернее, пролетел мимо: тьфу, тьфу, тьфу. И ещё раз: тьфу, тьфу, тьфу. И, не поленитесь, пожалуйста, ещё один раз и все вместе: тьфу, тьфу, тьфу...

Жан Татлян! Певец-легенда, кумир миллионов и миллионов любителей эстрадной песни! Он же учился в нашей сухумской армянской школе с моим дядей, но аттестат об окончании получил в Гумистинской сельской школе, где учителя, как саркастически говорили некоторые языки, на выпускных экзаменах «плотно зажмурили глаза на его образовательные «успехи».

Жан Татлян был всеобщим любимцем не только жителей Сухума и Сухумского района, но и всего населения республики. И можете представить, что могло случиться, если вдруг... ну, это?!. Даже страшно представить! А ведь «ну, это» действительно могло случиться, когда тётя Лена и дядя Валик иногда появлялись в школе на родительских или общих собраниях: в коридорах трёхэтажного здания они наверняка могли «перерезать» дорогу Жану Татляну. Но к всеобщему счастью, не случилось непоправимое, Бог миловал, и наверняка из-за того, что Татлян часто линял с уроков (намного чаще, чем «эти тяжелоногие и скупорукие» появлялись в школе), таким своеобразным образом сведя к минимальному риску возможность встречи с ними в коридорах школы. Он целыми днями, с гитарой, переки-нутой через плечо, околачивался вокруг Сухумской филармонии, что ниже Ботанического сада, перед Государственным музеем, напротив пушкинской школы, сгоревшей во время грузино-абхазской войны и восстановленной через много лет,

в 2008 году, за счёт финансовой помощи России, о чём гласит табличка на стене учебного заведения.

Кстати, тётя Арнук говорила, что Татлян безуспешно пытался продать свою гитару за десять рублей, но «никто её не покупал. Потому что люди знали (конечно, кроме самого Жана), что его великое будущее связано именно с гитарой. Если бы вдруг, – продолжала свои размышления тётя Арнук, – на несчастье человечества тяжелоногие Лена и Валик перешли его дорогу, а это значит, что кто-то просто по незнанию или же из вредности купил бы гитару, Жан никогда не стал бы Татляном!»

Потом тётя Арнук многозначительно заключала, что иногда личная сиюминутная удача – здесь ещё три раза тьфу-тьфу-тьфу – может обернуться трагедией для всего человечества!

Не дай бог, конечно, вай-вай-ва-а-ай!

Все знали, что всё это – плоды бурной фантазии тёти Арнук, и между собой незло посмеивались над ней, но всё же, в душе каждого оседало сомнение – как лёгкая, почти незаметная опалесцирующая тень в стакане с вином: кто ж его знает, всё же может быть в нашей непредсказуемой жизни? И люди, сами того не замечая, начинали остерегаться друг друга; всё чаще и чаще ловили себя на том, что прежде чем выйти на улицу, особенно когда по важным делам, со своего двора незаметно осматривают улицу через щели в деревянном заборе: нет ли на горизонте кого из тяжелоногих и скупоруких?

Конечно, не все были тяжелоногими или скупорукими. Дети, кому до шестнадцати лет безуспешно «запрещалось смотреть в кинотеатрах кое-какие, тьфу, гадкие фильмы», не входили ни в одну из категорий тёти Арнук.

В одном жители нашего переулка были солидарны: «Будет лучше, если никто не перейдёт дорогу уходящей на дело Арнук, даже дети». Это означало бы, что при возможном неудачном стечении «деловых обстоятельств» некого будет винить, подозревать, и что очень важно, терзать себя сомнениями.

Среди взрослого населения не просто «легконогим и щедроруким», несмотря на свои внушительные, почти двухметровые габариты, пудовые кулаки и мускулистые ноги, считался дядя Руфет – бывший футболист динамовского клуба; он считался обязательно приносящим удачу.

Дело в том, что дядя Руфет, покинув по возрасту большой спорт и сыграв на чемпионате республики несколько игр за любительскую футбольную команду винзавода, устроился на работу водителем рейсового автобуса.

Он на своём тёмно-синем сталинском «Москвиче» каждое утро в половине пятого по очень удобному для тёти Арнук маршруту, мимо железнодорожного вокзала, уезжал на работу в автопарк, который находился рядом с рынком.

Тётя Арнук почти всегда успевала до отъезда дяди Руфета как бы случайно выйти на улицу и «не совсем спеша поспешала» к автобусной остановке. Каждый раз, услышав шум мотора, она, не оборачиваясь, обязательно отходила к заросшей травой канаве вдоль обочины, как бы освобождая дорогу для машины, и приятно удивлялась от неожиданности, когда «Москвич» останавливался, поравнявшись с ней.

– Удачного тебе утра, Арнук! – здоровался дядя Руфет, – давай, ныряй в машину, с утра прокатимся с ветерком.

– Ой, родненький ты мой, Руфетчик, это ты? – как бы «неожиданничалась» тётя Арнук, – и тебе удачного дня, милый человек! А нам разве по пути? – ради приличия интересовалась она, хотя точно знала, что по пути.

Конечно, тётя Арнук знала, что и Руфет знает, что она поджидает именно его.

Знали, но ведь прежде всего – дипломатия, неписаные тонкости которой пока никто не отменял. Тем более, что у нас от неё никуда и не денешься, даже при очень большом желании.

– Конечно, нам по пути, Арнук, нам всегда по пути! Если даже мы едем в противоположных направлениях, скажем, если тебе на Ачадарский мост, а мне на Келасурский, всё равно, нам опять по пути! Лишь бы человек хороший был! Не оставлю же тебя, всеми многоуважаемую, на дороге! Давай, давай, садись! – в свою очередь неплохие дипспособности проявлял и дядя Руфет.

– Ва-а-а-ай, – как будто удивлялась тётя Арнук, – как хорошо, что ты встретился, тем более, что нам, оказывается, по пути! Как хорошо, что есть такие добрые люди на белом свете, как ты! Дай Бог тебе здоровья! Да превратится твой один «хеир» (добро) в тысячу и даже больше! И мой Парук тоже человека никогда не оставил бы на дороге, если бы сам навсегда не остался в Сталинградской земле.

Вот так триумфально ставила жирную дипточку тётя Арнук, вытирая накатившиеся на глаза слёзы.

IV

После отъезда тёти Арнук все облегчённо вздыхали в предвкушении «благодатной недели». Вы только представьте: целую неделю без оглядки выходить на улицу, ходить друг к другу в гости, не боясь ненароком перебежать дорогу Арнук и нарваться на почти стопроцентный скандал с непредсказуемыми последствиями!

Но уже через пару дней, в середине «благодатки», люди начинали скучать по тёте Арнук. Нет, не то что скучать, просто её очень не хватало. Она давно стала органичной частью, можно сказать, культуры нашей повседневной жизни, была одним из тех, кто придавал нашему городу особый колорит, особую привлекательность, особую ауру.

Её называли сухумчанкой. А это – уже призвание, это статус. Можно родиться в Сухуме, прожить здесь всю жизнь как сухумец, но … не стать сухумчанином: ведь им не рождаются, им становятся.

Настоящей сухумчанкой была тётя Арнук, хотя родилась и выросла в далёком Ростове. Многие знали её. Знали и те, кто не был с ней знаком. И несмотря на её «фундиклёжный» характер, её уважали, ценили и любили, потому что везде она оставляла частичку тепла своей души. Во время хороших дней («Дай бог нам их побольше»), а плохих тем более («Дай бог нам их поменьше, хотя без них, к сожалению, не обходится наша жизнь»), тётя Арнук сразу же приходила на помощь. Даже не приходила – прибегала без зова и до последнего дня «аж решетом носила воду». Нет, не бездельничала она, как может подумать читатель, исходя из общепринятого смысла фразеологизма: переливать из пустого в порожнее. Всё происходило с точностью до наоборот – она работала не покладая рук, очень быстро, так быстро, что вода не успевала уходить сквозь решето, пока она носила её.

Именно так, по-своему, я понимаю эту народную мудрость.

Ну вот и прошла неделя. Вернулась тётя Арнук.

«Арнук вернулась!» – сообщали люди друг другу самую главную новость переулка.

«Арнук вернулась!» – сообщали как долгожданную весть, почти как благую.

Как о полёте Юрия Гагарина в Космос и счастливого возвращения на Землю. Как о чемпионстве мира по шахматам Тиграна Петросяна, как о победе футболистов ереванского «Арарата» над мюнхенской «Баварией»...

И дяде Язвителю Андранику ничего не оставалось делать, кроме как в очередной раз обречённо зафиксировать очевиднейший факт: «Арнук вернулась, и паровоз нашей жизни сразу же встал то ли на свои родные рельсы, то ли сошёл с родных рельс и покатился…»

И покатился наш паровоз – то ли под управлением тёти Арнук, то ли под её неуправлением.

Хотя какая разница? Ведь главное – раздался стук колёс и прозвучал паровой гудок!

Возможно, на этот раз в «командировке» что-то пошло не совсем так, как планировала тётя Арнук, потому что от природы темнокожая, она ходила «гуще осенней холодной тучи», которая часто, как бабушкино тесто, поднималась садилась на верхнеэшерскую гору, что напротив наших домов, и возвещала о скорой ненастной погоде.

Пусть никто не сомневается, это не единожды проверено: когда осенняя туча, окутывая город, поднимается на верхнеэшерскую гору, значит, скоро обязательно нагрянет дождь с косым ветром. А это не всегда к добру, ах, не всегда.

Как пока ещё дальние раскаты надвигающейся грозы, поползли слухи о том, что у тёти Арнук «случилась какая-то серьёзная неприятность». Потом появилась жиденькая информация о том, что эта «неприятность каким-то боком имеет близкое отношение к участковому капитану». Чуть позже шёпотом поступило скудное дополнение и к этой информации: капитан «пальцем пригрозил привлечь тётю Арнук за спекуляцию», а следом уже полушёпотом сногсшибательное: «…если она не будет давать ему на лапу. Но об этом никому, совсем-совсем никому… ни… ни...» И, напоследок, как красноречивое дополнение к полушёпоту, прилагался указательный палец к губам: «Ну вы же сами понимаете – совсем!»

Возмущалась тётя Арнук во дворе, ох как возмущалась, никак не могла успокоиться: «Проклятый! Тоже мне шишка

на роп-ровном футбольном поле. Всего лишь какой-то капитанишка, а хочет показать себя важным человеком. Как целый старший лейтенант! Ещё наручниками угрожает! Как бы самого не скрутили в самый настоящий бараний рог».

Здесь надо пояснить, что для тёти Арнук старший лейтенант был более значимым званием, чем капитан, майор, подполковник или даже полковник. Дело в том, что её старший брат Паруйр, перспективный молодой учёный-физик, погибший в Сталинградской битве в конце декабря 1942 года, был старшим лейтенантом. Тётя Арнук была уверена, что старше старшего лейтенанта может быть только генерал: «Если бы фашисты не убили Парука, он обязательно стал бы генерал-старшим лейтенантом с широкими красными полосками на брюках, как у самого маршала бронетанковых войск Амазаспа Бабаджаняна!»

Вы хотите спросить, почему Бабаджанян? Да потому что он неоднократно приезжал в Сухум, а 29 сентября 1969 года с ним состоялась встреча в армянской школе, на которой была и тётя Арнук. Она даже перекинулась несколькими коротенькими предложениями с прославленным полководцем, когда тот спускался по лестнице в сопровождении завуча Оника Гаспаряна. Правда, со временем эти коротенькие предложения обросли подробностями и превратились в продолжительную беседу.

Тётя Арнук во всех неожиданных неприятностях, свалившихся на её голову, косвенно винила именно тётю Вардишах. Если даже не винила, то намекала точно: «Она не от всей души, не от всего сердца приняла мой подарок. Мало того, что не оценила, да ещё и сказала, что водолазка душит, – никак не могла успокоиться тётя Арнук. – Но как же может водолазка душить, скажите, как?! Если даже сам Жан Татлян носит такую же тёмную водолазку! Как талисман носит! Неужели Вардиша специально так сказала, чтобы фортуна отвернулась от меня? И это вместо того, чтобы радоваться и быть мне благодарной за то, что у неё есть такая подруга, как я! Вай, Вардиша, вай-вай-вай...»

V

…Мы имели корову, тёмно-жёлтую, всю в белых звёздочках, которые ярко украшали её. Одна звезда, самая большая, двумя вытянутыми концами, как виноградными усиками, за-

цепившись за рога, вниз головой висела на лбу коровы. Другими концами она приближалась к её глазам: как бы указывая их своими стрелками. Пятый, самый длинный конец, спускался вниз по лбу до ноздрей. Эта неправильной формы пятиконечная звезда напоминала забитую стрелками оперативную военную карту, склонившись над которой, советские генералы обсуждали направления ударов войск. Я хорошо помню: такие карты были опубликованы в толстой книге «История Великой Отечественной войны советского народа», их показывали и в моих любимых военных фильмах. Единственной разницей между военными стрелками и стрелками на лбу коровы был их цвет: на военных картах стрелки были красного цвета, а на лбу коровы – белого. Звали нашу корову Ехник, что с армянского означает «олень». Её подарил мне мой дед Епрем, потому что я мечтал иметь корову. Я очень любил парное молоко, любил домашнее масло, взбитое в хноци – маслобойке. Вот сидишь на висящем с потолка хноци и вместе с бьющемся в нём молоком, как на самых настоящих качелях, качаешься взад-вперёд, взад-вперёд.

И ещё я мечтал иметь охотничье ружьё, не меньше, чем корову, а может быть и больше. Не просто какое-нибудь охотничье ружьё, а именно дедушкино охотничье ружьё, которое висело на стене в его комнате. Дед обещал подарить его мне, когда вырасту. Он так и сказал: «Ружьё – твоё, но пока пусть будет у меня. Когда вырастешь и получишь разрешение, возьмёшь себе». Мы с дедом шомполом чистили его, смазывали, из плотного картона специальной высечкой штамповали пыжи, плавили свинец в банке из-под сгущёнки или тушёнки, дно которой дырявили гвоздями, превращая его в сплошную сетку, то есть готовили дроболейку. От диаметра отверстий дроболейки зависело, какая будет дробь – мелкая, крупная или картечь. Дроболейку с двух сторон надевали на железные прутья и ставили её на ведро, в которое до половины наливали воду, а сверху ещё и солидный слой керосина, который поджигали. Расплавленный свинец через сито, как мелкие бусинки дождя, капал в ведро. Я до сих пор не могу передать словами чувство счастья, которое охватывало меня, когда мы с дедушкой колдовали над дроболейкой.

Я нетерпеливо ждал, когда же вырасту, получу разрешение и, наконец, стану обладателем двустволки, которую привёз мамин

двоюродный брат, дядя Ованес, из Германии после окончания войны и подарил своему дяде – моему деду. Но случилось горе: деда убили скотокрады в горах. Я тогда учился в третьем классе и хорошо помню разыгравшуюся в нашей семье трагедию.

После похорон я увидел ружьё у моего дяди. Конечно, я не посмел даже заикнуться о том, что дед обещал подарить ружьё мне. Я хорошо понимал, что в этом не было никакого смысла. Но сердце-то обливалось кровью, ой как обливалось!

Ехник в сутки давала двенадцать-тринадцать литров молока и полностью обеспечивала нашу семью. Мама квасила мацун, готовила очень вкусный сыр сулугуни и когда нарезала его, толстые ломтики покрывались желтоватыми капельками жира. Я любил чуть-чуть пережаренный на сковороде сыр с помидорами сорта «Анаит» и домашними яйцами. Мы заправляли молочными сливками подвешенный к потолку на двух верёвках хноци и взбивали до появления масла. Излишек молока мама продавала. Один литр и немного масла она оставляла для тёти Вардишах. Мама была очень довольна, что хотя бы так может поддержать её. «Возьми себе часть боли человека, – говорила она, – а своей радостью он сам поделится с тобой. Сообща легче переносить и боль, и радость».

Так жила моя мама, до конца своих дней верная этому жизненному принципу.

Помню, однажды она сказала тёте Манушак: «Кусок хлеба в горло не лезет, когда вспоминаю детишек Вардишах». Тётя Манушак в ответ согласно кивнула головой.

В первое время тётя Вардишах как-то робко отказывалась от нашей помощи, но мамина настойчивость в конце концов «взяла верх». Да и сама тётя Вардишах, отличавшаяся кротостью характера, как я понимаю сейчас, не могла обидеть мою маму отказом. Есть такие люди: безотказные; они никогда не могут сказать «нет», даже в ущерб самим себе.

Рано утром, пока она находилась в огороде, я приносил парное молоко и оставлял во дворе под небольшим навесом перед домом.

В свою очередь, тётя Вардишах никогда не оставалась в долгу перед нами и приносила разную рассаду: крупносортных помидоров «Бычье сердце», «Анаит», перца «Цицак», огурцов, обыкновенной и чесночной прасы…

– Эта рассада пикированная, хорошего сорта, – говорила она, – из своих семян.

(Я уже тогда хорошо знал, что пикированная рассада – пересаженные ростки с укороченным главным корнем – более выносливые и жизнестойкие.)

И хотя всё это было и у нас, но моя мама, в свою очередь, чтобы не обидеть тётю Вардишах, принимала с благодарностью и в первую очередь сажала её рассаду.

Однажды на мой вопрос, почему поступает так, она рассказала притчу о двух верблюдах, которые паслись рядом: колючки было много, но верблюды угощали друг друга. «Ведь дело не в колючке, – заключила мама, – главное: внимание друг к другу и почесть».

Я тогда не понял смысла притчи, но запомнил её. И сейчас думаю о том, что сегодня нам как раз таки не хватает взаимного внимания и почести.

Несколько лет мы полностью «держались молоком» нашей коровы. Не зря же говорят, что корова «дом держит».

Наша корова «держала» не только наш дом, но и несколько других домов. «Держала» до тех пор, пока наше село было просто селом, а вот когда оно вдруг, нежданно-негаданно, стало частью курортного города, постепенно расширявшегося за счёт территорий близлежащих сёл, всем, имевшим домашних животных, строго-настрого обязали в кратчайшие сроки избавиться от них. Так требовали какие-то новые правила, которые предписывали ещё и «отрезать земельные участки до шести соток – в нашем случае – уменьшить почти наполовину» за счёт земли, уходящей вниз, в Ущелье Цуцхы.

Некоторое время все соседи дружно проклинали тех, кто придумал эти новые правила, старались каким-то образом сохранить не только свою, адским трудом очищенную от камней земельную площадь, но и домашних животных. Они очень надеялись, что меры будут временными. Но увы и ах, их надежды не оправдались. «Ничего не поделаешь, – обречённо говорили они и добавляли с горечью, – против лома нет приёма». Под ломом, конечно же, подразумевалось государство, олицетворённое в образе участкового капитана, у которого везде были «свои локаторы и прожекторы».

Конечно, следовали и другие, более ёмкие и живописные сравнения с соответствующими уточнениями.

Участковый капитан, высокий мужчина крепкого телосложения, очень строго предупредил и мою маму: «Решите вопрос вашей коровы: или забейте, или продайте. Это ваше дело. Как говорится, дело вашего добровольного выбора. Но чтобы её не было в нашей городской черте. Иначе корова будет конфискована в пользу государства и сдана на мясокомбинат. Подумайте сами, советские люди почти целый год, точнее одиннадцать месяцев, работают в поте лица, копят деньги и со всех концов нашей необъятной родины приезжают к нам отдыхать, любоваться нашей сказочной природой, а вы здесь вонь невыносимую разводите и антисанитарию. Безобразие! Забудьте о том, что вы когда-то были сельскими жителями. И запомните: вы уже не просто горожане, вы жители столицы автономной республики! Надо гордиться этой честью! И ваш долг и прямая обязанность: не увеличивать и не укрупнять навозные кучи, а как раз таки наоборот – разгребать их до полного, бесследного исчезновения».

Мой дядя Каро, муж маминой младшей сестры, работал на мясокомбинате водителем трёхколёсного мотороллера для перевозки мяса. Он как-то рассказывал моему отцу о том, как забивают коров на комбинате.

Это был жутко страшный рассказ, который поразил меня своей жестокостью. «Люди, имеющие сердце и нормальную психику, не смогут выдержать», – я хорошо запомнил завершающие слова дяди Каро.

И ещё я запомнил, с каким ужасом я представлял, как будут забивать мою корову Ехник, если вдруг конфискуют её и сдадут на мясокомбинат…

Я видел её крупные светлые глаза, из которых текли слёзы. Текли и образовывали огромное озеро, в котором я тонул, судорожно размахивая руками... И вдруг, как в страшном сне, вместо своей коровы я представил себя…

На меня обратили внимание, когда я задрожал всем телом, застонал глубоко и чуть было не упал в обморок…

У меня поднялась температура, я несколько дней пролежал в постели. Потом мама рассказывала, что я постоянно звал свою корову...

Кстати, через несколько десятилетий мне попалась пронзительная новелла Станислава Лакоба «Буйвол». Я был поражён схожестью описанного в ней убоя буйволов с моими детскими представлениями по рассказам дяди Каро, «…когда из больших глаз выкатывались огромные капли виноградных слёз. И слышался лишь шёпот плача…» С содроганием сердца я перевёл этот рассказ на армянский язык. Переводил и вместо буйвола представлял свою корову Ехник.

Я не смогу описать разыгравшуюся в нашей семье трагедию, главным действующим лицом которой был я. Не смогу, потому что никакими словами невозможно описать человеческую грусть, которую я, только я видел в глазах коровы. А в том, что она чувствовала наше скорое расставание, я даже не сомневался. Я обнимал корову, прижимался к ней и меня не могли оторвать от неё.

В этот период во мне появилось новое, незнакомое чувство – чувство страха. Я начал бояться не только нашего участкового, но и людей в милицейской форме. И это чувство сохранилось до тех пор, пока у нас не появился новый участковый, который угощал пацанов конфетами.

В конце концов мои родители приняли более-менее приемлемое решение: они подарили корову нашему родственнику, который жил в деревне недалеко от города; к ним мы иногда ходили в гости. Подарили с обязательным условием, что тот не забьёт корову, будет ухаживать за ней так, как это делали мы.

Наш родственник дал слово и сдержал его, он оказался на редкость аккуратным и заботливым хозяином, часто приходил к нам в гости. Не с пустыми руками приходил, приносил несколько крупных голов сыра, мацун (кислое молоко), разнообразные фрукты. А мы, в свою очередь, часто навещали их, и эти дни были для меня очень радостными, тем более тётя отца и её дети (они были моими троюродными дядями), очень полюбили меня.

…Прошло несколько десятилетий. Как-то мой двоюродный брат Размик сказал, что из Воронежа приехал наш родственник Аршак – музыкант, редкий знаток амшеноармянского народного творчества. Я хорошо помнил его: невысокого, голубоглазого, мягкого, с доброй улыбкой человека.

Через несколько дней мы с женой Гоарик и детьми Сусанной и Айком поднялись в село Известковая яма, где находился отцовский дом Аршака. Читатель уже догадывается, что это та самая семья, которой мы подарили нашу корову Ехник.

Дядя Аршак встретил нас у калитки, потом повернулся к пожилой женщине, сидящей перед домом под навесом – спиной к нам: «Мама, к нам в гости приехал Артавазд с семьёй». Она ловко перебирала тёмно-красные, почти чёрные грушевидные плоды кизила, из которого получаются очень вкусные начинки для пирогов, компот и варенье.

«Кто такой Артавазд?» – не отрываясь от работы, спросила мать Аршака.

«Артавазд – сын нашего Айка», – пояснил Аршак.

«У нашего Айка не было сына Артавазда. У Айка сын – Ваганик. Так он назван именем нашего несчастного Вагана, погибшего на фронте».

Я был очень удивлён. Надо же, она помнила такие подробности. А ведь ей было уже более ста пяти лет, и она меня не видела лет пятьдесят, не меньше.

«Хорошая у вас была корова, – вдруг сказала мать Аршака, тётя моего отца, и тихо продолжила, повернувшись ко мне, – звали её Ехник, с такими грустными глазами корова. Оторвали её от тебя, вернее, заставили оторвать бессовестные люди, вот и страдала она без тебя, всё на дорогу смотрела, ждала».

Заметив моё удивление, она улыбнулась: «Плохая у меня память, очень плохая и безжалостная: помнит всё проклятая, ничего не хочет забывать».

Тема животных, особенно нашей коровы, на какое-то время отодвинула на второй план все коммерческие «проекты» тёти Арнук, приглушила её повседневную суету.

«Чем же этому проклятому помешало несчастное животное на той части территории города, куда силой не загонишь курортников?» – сокрушалась она, имея в виду участкового капитана. При этом, словосочетание «на той части территории города» тётя Арнук произносила с лёгкой иронией, переходящей в усмешку, намекая на то, что наш район никакой не город, а самая обыкновенная деревня.

«Кормила семью, соседи за бесценок покупали свежее молоко для своих детишек. Всем было хорошо, все были доволь-

ны. А сейчас как быть? Каждое утро бегать в магазин и покупать разбавленную молоком воду?» – продолжала переживать тётя Арнук за соседей.

Конечно, все знали, что участковый капитан выполнял решение горсовета столицы.

Сухум, как один из самых чистых городов Советского Союза, в 1950 году указом самого Сталина был награждён башенными часами от имени Мосгорисполкома. Эти часы, – им очень подходят слова знаменитой песни: «Старинные часы ещё идут», – до сих пор являются одним из легендарных достопримечательностей не только столицы, но и всей республики.

Тётя Арнук была уверена, что капитан мог, нет, «он был обязан просто-напросто крепко зажмурить глаза и проходить мимо мелкожитейских, с натяжкой так называемых нарушений».

Именно так поступил бы её брат Парук: «Он защитил бы интересы простых людей от проклятых бюрократов, которые, даже стыдно сказать, туалеты имеют в своих просторных кабинетах, не говоря о холодильниках с разными деликатесами и напитками, которые бедному рабочему классу даже не снятся!»

Скажу, что тётя Арнук отчасти была права: некоторые наши соседи, в отличие от нас, сохранили свою живность. Эта «вопиющая несправедливость» буквально вывела из равновесия тётю Арнук: «Конечно, очень хорошо, что эти люди, умеющие выкручиваться из любой ситуации, сохранили коров, свиней, индюшек... А в чём провинились остальные, которые не умеют выкручиваться? Или они живут в другом государстве? Я это дело так не оставлю. Иначе кости моего Парука перевернутся там, в многострадальной сталинградской земле, частицей которой он стал вместе с другими бессмертными героями Великой Отечественной войны».

Тётя Арнук должна была в таких экстремальных случаях «опорожниться», выплеснуть лишнюю энергию, которая накапливалась в её душе, «выстрелить» как бродящий в дубовой бочке сумасшедший мачар.

«Она должна полностью, до самого дна опустошить душу, освободить место для накапливания новой порции энергии», – говорил дядя Язвитель Андраник.

VI

Участковый капитан появлялся на нашем переулке совсем некстати. Некстати – для жителей.

Для себя же он приходил всегда кстати: именно тогда, когда кто-то к своему земельному участку присоединял пару метров за счёт своего же бывшего участка, или же пустыря, где мальчишки когда-то пасли коров, собирали ежевику и экалу; когда кто-то с тыльной стороны дома пристраивал комнатку, начинал строить гараж для авто... Правда, таковых было очень мало, на пальцах одной руки можно было их сосчитать…

«Осведомлённость капитана наводит на определённые мысли, кстати, не совсем приятные», – говорила тётя Арнук. Но именно на какие «определённые и не совсем приятные мысли наводила осведомлённость капитана», я, конечно же, не понимал.

Потом, когда меня приняли в комсомол, я обнаружил, что слово «определённые» очень любили комсомольцы и, подражая своим старшим партийным товарищам, употребляли его к месту, и не совсем к месту тоже употребляли. Например, из очень распространённых: «мы провели определённую работу», «мы перед нашей организацией поставили определённые цели», «наряду с достижениями в нашей работе есть определённые недостатки»…

Я ещё тогда понял, что очень часто с неопределёнными оттенками звучит это важное комсомольское слово – определённое.

Кстати сказать, я хорошо запомнил тот день, когда меня принимали в комсомол: это было 6 мая 1972 года. Запомнил совсем не потому, что, как сказал секретарь горкома, обращаясь к вступающим в комсомол, «этот день должен стать знаменательным, можно сказать даже праздничным на всю вашу жизнь».

Запомнил совсем по другому – траурному случаю: накануне умер великий художник Мартирос Сарьян. И во время приёма в кабинете секретаря горкома комсомола один из членов приёмной комиссии спросил, когда я ответил на несколько дежурных вопросов по Уставу ВЛКСМ о правах и обязанностях комсомольца: «Какой знаменитый человек умер вчера?»

Я, конечно, знал, «какой знаменитый человек умер вчера», потому что об этом сказала заплаканная мама: «По новостям

сообщили, что умер Варпет – Мартирос Сарьян». (Армянский народ Варпетами называет поэта Аветика Исаакяна и народного художника Мартироса Сарьяна, воздавая должное их великому таланту.)

Так вот, приходил капитан, держа под мышкой потёртую кожаную папку.

Он проходил по улице неспеша, вразвалочку. Так сухумчане коротают вечер во время традиционной прогулки по набережной…

Капитан внимательно оглядывался по сторонам, чтобы никого не пропустить – не обидеть кого-нибудь невниманием: он обязательно со всеми здоровался, интересовался делами, здоровьем.

– Доброго вечера, Киракос, как твоё здоровье?!

– Вечер действительно добрый, раз привёл такого уважаемого человека на нашу улицу! – почти двусмысленно отвечал дядя Киракос. – А здоровье ничего. Скажем хорошо, чтобы было всё хорошо.

– Бог в помощь, дядя Лалазар! – капитан снимал фуражку и с лёгким поклоном обращался к многоуважаемому деду, занятому огородными делами.

– Так ты же мой бог и есть, вот ты и помоги! – все знали, что дед Лалазар не привык лезть за словом в карман.

Капитан иногда приезжал на машине: это значило, что надо положить в багажник «кой-какую съедобную мелочь»: фрукты, овощи, вино, чачу...

«Сборщик дани, – горько шутил дядя Язвитель Андраник. – Как монголо-татарский баскак».

Да, кстати, именно с его лёгкой руки прозвище Бас-как закрепилось за участковым, а его настоящего имени, уверен, многие не знали.

До сих пор для меня остаётся глубокой загадкой, откуда у дяди Язвителя Андраника были такие исторические познания. Слово «баскак», допустим, он запомнил по фамилии известного футбольного арбитра Баскакова, а вот остальное про монголо-татарскую дань?

Капитана, конечно, «встречали с особой радостью, как дорогого гостя»:

– Что-то давно вас не видели, мы уже заволновались было, не забыли ли нас?

– Да как-то всё не получалось. Видите ли, я очень занят, всё дела да дела, государственная служба, понимаете? Сегодня вот выкроил наконец-то немного времени, дай-ка, думаю, пройдусь, посмотрю, как живут мои друзья, что делают? Может, помощь какая нужна?

– Заходи, дорогой, заходи, посидим, поговорим.

За ломящимся от яств столом можно было решить любой вопрос, да так быстро решить, что участковому не приходилось даже для солидности открывать кожаную папку, чтобы «составить соответствующий протокол по административному правонарушению действующего законодательства СССР».

Потом капитан уходил с довольной улыбкой, тепло попрощавшись с гостеприимным хозяином.

Хозяин же начинал вспоминать «в подробностях то, на чём стоит весь белый свет...» Но это потом – когда убеждался, что «лом государства» находится уже за поворотом перед домом дяди Ладико и не слышит, на чём же в конце концов стоит весь белый свет.

О, дядя Ладико, добрейшей души человек! Отчётливо вижу его – низкорослого, с огромным животом, называемым в то время «авторитетом», на котором покоились его беленькие ручки с короткими, пухленькими пальчиками, скрещенными как плетёнки амцвыша – корзины для сбора винограда.

В отличие от дяди Ладико, его жена, тётя Катя, работавшая продавщицей в нашем продуктовом ларьке, где дядя Варо иногда покупал фруктово-ягодные конфеты – «подушечки», была крупногабаритной женщиной, на две головы выше мужа.

Тётя Катя, светлая русская женщина, часто угощала нас «подушечками», разными лимонадами и даже мороженым в вафельных стаканчиках. Дядя Ладико и тётя Катя не уступали друг другу в любви к детям, хотя своих детей у них не было.

Так вот, после ухода «монголо-татарского баскака» проклятья бурным потоком лились как из рога изобилия:

– Чтоб твою дорогу перешёл Шлёп-нога Валик!

– Чтоб бесследно смела тебя метла Бабы Яги Лены!

– Чтоб ты перешёл дорогу Арнук и удостоился её «крещения»!

В данном случае под святым словом «крещение» подразумевались эксклюзивные проклятия от тёти Арнук.

Проклятия обязательно доходили до капитана, потому что, как утверждала тётя Арнук, «у него везде были свои локаторы и прожекторы». И это меня очень смущало: значит, он видел и слышал, что его проклинают жители «вверенного ему участка»! И что бы вы подумали: зная всё это, он как-то не совсем ловко, не совсем дальновидно, действительно попытался «перерезать» дорогу тёти Арнук... И как впоследствии выяснилось, «перерезал» на свою голову.

Молва упорно глаголила, что тётя Арнук очень постаралась, чтобы на руки капитану надели, как наши говорили, научники – в смысле наручники. И надели, прямо в его небольшом кабинете, когда она ему «давала на лапу», а следом зашли ОБХССшники и накрыли участкового с поличным. Так и говорили соседи: «Скрутила-таки Арнук несгибаемого капитана в самый настоящий бараний рог, ой как скрутила! Кто бы мог подумать, а?»

Говорили и многозначительно качали головой.

А дядя Язвитель Андраник говорил, что капитан всё-таки успел напоследок шепнуть сквозь стиснутые белоснежные зубы тёте Арнук пару традиционно необходимых в таких случаях слов, когда его выводили из «тёплого места». Он не совсем плохо для милиционера зарифмовал последние строки:

Ну и тяжёлая у тебя нога,
Старая карга!
Потерял я ни за что
Место тёплое своё!

Проявив некоторые поэтические способности, он дал повод дяде Язвителю Андранику с небольшой долей то ли сожаления, то ли удовлетворения констатировать: «Всё же правду говорят, что нет худа без добра, вот сейчас наш участковый сможет вплотную заняться писаниной стихов. Сколько лет зря потерял. А ведь мог пропасть его поэтический дар, совсем не проявившись, если не наша Арнук. Дай Бог ей здоровья!»

На капитанскую поэзию тётя Арнук якобы сперва ответила сногсшибательной прозой: «Отныне там, где будешь говорить своё слово, там моё слово тоже не забывай», а затем продемонстрировала своё умение и в поэтической прозе, что дало право дяде Язвителю Андранику заявить, что тётя Арнук открыла новое направление в художественной литературе:

«Запомни, паразит, тёплое место всегда очень даже быстро горит!»

По мнению жителей нашей улицы, новый литературный жанр, придуманный тётей Арнук – пронзительная проза вперемешку с рифмованным всплеском эмоций – своим критическим реализмом одержал сокрушительную победу над «соплемазкой» участкового капитана.

От всей этой в общем-то не совсем приятной истории остались долго употреблявшиеся к месту и не совсем к месту двустишия в виде манинер – частушек, которые иногда мурлыкал себе под нос дядя Язвитель Андраник, ковыряясь в огороде:

Не совсем большая шишка
Наш капитанишка!

Или:

Тяжела твоя нога,
Старая карга!

И ещё:

Придёт тётушка Арнук,
И наступит вам каюк.

Сама же тётя Арнук многозначительно не подтверждала и, тоже многозначительно, не опровергала слухи, которые обрастали всё большими и интересными подробностями. Только однажды вырвалось у неё как отчаянный крик обнажённой души: «Не для таких, как этот капитанишка, геройски погиб вместе со своими друзьями мой Парук, не успев стать генерал-старшим лейтенантом! Он мог стать и депутатом Верховного Совета СССР, как… как… ну, ва-а-ай, даже как сам Анастас!» Конечно, тётя Арнук имела в виду Анастаса Ивановича Микояна, чья жена много лет назад работала в нашей сухумской школе.

И когда дядя Язвитель Андраник, прервав очередное «подносное» (от слова нос) мурлыканье частушек, попытался сказать ей, что ещё никто в истории не становился генерал-старшим лейтенантом, потому что... Тут тётя Арнук бесцеремонно и даже с некоторой долей обиды перебила его на полуслове: «Вот именно, никто никогда не становился, и уже никто никогда не станет! А мой Парук обязательно стал бы! Потому что он был другим. Совсем другим человеком был мой Парук! Да что вам говорить, что вы вообще понимаете?! Ва-а-ай!»

VII

Со временем интерес «к истории с участковым» стал угасать и плавно сошёл на нет.

Вскоре вместо «скрученного в самый настоящий бараний рог» капитана-баскака назначили нового участкового – молоденького лейтенантика Сергея Цатуряна, добродушного балагура. Он очень редко появлялся в нашем районе, но, обязательно скажем, приходил с большим кульком, наполненным конфетами для пацанов. (Через много лет я встретил Сергея в корпусе № 3 Кабинета министров Абхазии, где он работал комендантом, а я в редакции газеты «Республика Абхазия».) И жители нашего переулка начали поднимать снесённые заборы, восстанавливать свои участки в прежних пределах, а некоторые даже увеличили их на пару соток. Так и стоят до сих пор эти заросшие колючими кустарниками дикой ежевики заборы на загнивших столбах, а участки используются уже детьми и внуками тех, кто их очистил и превратил в цветущие сады.

Но неожиданно, как из глубин позднеосеннего штормящего Чёрного моря, внутренние водовороты нашей непредсказуемой действительности выбросили на колышущуюся поверхность повседневности тему водолазки, подаренной тётей Арнук тёте Вардишах.

«Я совершила непростительную ошибку, просто так подарив водолазку, – сокрушалась тётя Арнук. – Как же я так оплошала, а?! Пожалела её, минутная слабость одолела меня – старую дуру, взяла верх над моим холодным разумом! Моя доброта меня и сгубила!»

По её мнению, надо было срочно исправить роковую ошибку, допущенную в минуту душевной слабости, так некстати посетившей её в связи с безвременной кончиной «бедного нашего Варо». Но как исправить? К решению этого вопроса подключились практически все соседки.

И каждая из них, как принято у нас, имела минимум два мнения и столько же способов решения проблемы, не говоря уже о том, что считала только свои «рецепты» единственно верными и приемлемыми. В одной точке все мнения фокусировались: не для себя старается Арнук, и никакая она не спекулянтка, как бессовестно кляузничал бывший капитан. А сам-то оказался подлым вымогателем-взяточником! Одно слово: баскак! У-у-

у-х!.. Безусловно, «тётя Арнук – самая настоящая благотворительница! Можно даже без зазрения совести сказать, что она святая! Это видно и невооружённым глазом!» Но вернёмся к решению внезапно возникшей проблемы. Так, тётя Седа была глубоко, до самой души, убеждена, что «Арнук, надо воздать ей должное, проявила величайший гуманизм, подарив водолазку нуждающейся Вардишах. А вот Вардишах, в свою очередь, просто была обязана отблагодарить Арнук. И для этого она должна была дать ей, ну, сколько, ну, хотя бы несколько, ну, скажем, три, пять, десять, да совсем не важно – сколько, рублей. Таким образом, она оценила бы величайший гуманизм, проявленный Арнук во исполнение библейской заповеди, которая ни много ни мало говорит, что «да не оскудеет рука дающего». Факты же упорно констатируют об обратном, – продолжала тётя Седа. – Вардишах, к сожалению, не оценила душевный порыв Арнук, и тем самым этот порыв не достиг своей высокой цели. И что в итоге у нас получается? А в итоге у нас получается, что не по-христиански оскудеет рука дающего! Вот что получается!

– Я никак не могу понять, а что мешает Вардишах отблагодарить Арнук за её величайший гуманизм сейчас? – попыталась решить проблему тётя Люся, одним махом рубанув с плеча. – Пусть даст пару рублей и всё, дело, как говорится, айда с концом в воды Радуги-реки!

Тётя Седа посмотрела на неё как на…, словом, с луны свалившуюся и головой об асфальт ударившуюся:

– Да ты что?! Поезд-то уже тью-тью, тью-тью… ушёл… Как постоянно опаздывающий «Ростов-Ереван». Поздно, солнышко! Если мы поступим так, как предлагает Люся, то мы можем ещё больше обидеть щепетильную фортуну, которая, вполне возможно, внимательно следит за нами и наше желание исправить положение задним числом воспримет как попытку подкупа или же, что ещё хуже, обмана. Мало ли что она может подумать?! Она же с нами не советуется! Она вообще совсем-совсем ни с кем никогда не советуется, потому что она очень капризная б...

Вдруг тётя Седа испуганно закрыла рот руками. Потом тихим голосом шепнула сквозь пальцы, что совсем не то хотела сказать: «Если услышала, прости меня, фортуна! Не сердись, пожалуйста, просто вылетело».

Похоже, что фортуна то ли не расслышала слова тёти Седы, то ли действительно простила её, потому что гром не грянул и земля не пошатнулась – значит, не рассердилась. Осмелевшая тётя Седа обрела былую уверенность: «Мы должны поступить..., наша попытка...» Она особо подчеркивала слова «Мы... Наша...» Тем самым она давала понять, что проблема тёти Арнук уже стала всеобщей и от её решения будет зависеть дальнейшее благополучие если не всех жителей улицы, то хотя бы обязательно нашего переулка, и поэтому к вопросу, «стоящему на повестке дня, мы должны подойти со всей серьёзностью и личной ответственностью».

По мнению тёти Седы, ситуация усугублялась ещё и тем, что Вардишах (нет конечно, не намеренно, а исключительно по своей глупой наивности и ещё в силу того, что находилась в глубочайшем трауре) в определённой степени допустила, очень мягко говоря, бестактность, когда заявила, что водолазка душит её. Тётя Седа считала (она даже поклялась покойной мамой!), что «Вардишах должна пойти босиком – именно: пойти босиком! – к гадалке, живущей где-то в районе села Бармыш (название села она хорошо запомнила, потому что есть даже песня, первая строчка которой, к счастью, навсегда запечатлелась в её отменной с детства памяти: эй гиди года, когда она по рассказу учителя слово в слово запоминала уроки и также слово в слово пересказывала, а вернее повторяла на следующем уроке, получая одни «пятёрки»; так вот, первая строчка песни констатировала: «О-о Бармыш, большой селении-а!»). И когда Вардиша придёт к гадалке, должна чистосердечно рассказать ей о случившемся досадном недоразумении и глубоко раскаяться.

Правда, гадалка уже совсем старая, возможно, даже песок с неё сыплется, и зубов она не имеет, но в своём деле достаточно зубастая, палец в рот не клади, и любому колдуну солидную фору даст. Кстати, если выйти из дома очень рано утром, то к вечеру можно дойти до гадалки. Конечно, это не совсем лёгкое дело, но ради благой цели и не на такое пойдёшь».

«А может стоит воспользоваться старым испытанным способом?» – как-то робко вмешалась в разговор молчаливая тётя Пайлун (Блестящая).

Все, разинув рты от удивления, повернулись в её сторону: неужели у неё «блеснула» идея?

«Ва-а-ай, – удивилась тёта Арнук и, широко открыв задумчивые глаза, поинтересовалась, – какой же старый испытанный способ, если не секрет?»

«Надо рано утром, пока никто не вышел на дорогу, встать перед домом Вардишки и проговаривая заклинания, три раза по три плюнуть на плоский камень, которым дети играют в классики, перенеся на него все невезения Арнук, и наóтмашь швырнуть в Ущелье Цуцхы. И вообще, будет лучше, если камень упадёт в реку, вода унесёт все невезения в море».

Конечно, это громко сказано: ущелье! На самом деле это был небольшой овраг – наше излюбленное место, где протекала гнилушка, гордо именуемая нами Радугой-рекой. Подозреваю, что другой реки под таким названием не существует в природе: наша – единственная в мире! По крайней мере, наша учительница географии, уважаемая Вардануш (Сладкая роза) Календжян, так нам сказала.

«А почему именно Радуга-река», – обязательно спросит читатель. А вот почему. Вода Радуги-реки периодически меняла свой цвет в зависимости от краски, используемой на Сухумской ткацкой фабрике для окрашивания тканей: когда отработанные красильные растворы сливались в эту «реку», она переливалась всеми оттенками радуги. И текла в нашем ущелье то красная река, то синяя, то зелёная... Вот и назвали её Радугой-рекой. И всё это разноцветье вливалось в море, о кристальной чистоте которого поэты слагали и продолжают слагать легенды.

«А я-то – дура, подумала, что твоё предложение будет таким же блестящим, как и твоё имя! Да куда там! Какая ещё гадалка-шмадалка?! Какой ещё плоский классиковый камень?! – возмутилась не на шутку тётя Лусабер (Приносящая свет). – Да в каком же веке, в конце концов, вы живёте? Вы что, уже совсем свихнулись, что ли? Вы и вправду хотите какими-то змеиными шипениями и неприличными, да простит меня Господь, вдохами-выдохами, размахивая тупым как... (здесь тётя Лусабер, проявив великую силу воли и тактичность, а может быть и мудрость, пропустила настойчиво просящееся уточняющее словосочетание, тем самым предотвратив возможный нешуточный скандал)... ножом с безнадёжно падающим... (ещё один пропуск напрашивающегося уточнения)... лезвием напугать невезуху и задобрить фортуну?! А камень-то ваш что, это что

вообще? Манна небесная, что ли? Вы забыли, что наши дети весь день пропадают в Ущелье Цуцхы и ловят головастиков в Радуге-реке или гоняют футбольный мяч?»

«Так мы же очень рано утром, пока дети спят и головастики не проснулись», – попыталась внести какую-то ясность в своё предложение тётя Пайлун.

Это ещё больше разозлило и почти вывело из себя тётю Лусабер: «Пока дети спя-ят… Пока головастики не просну-улись… Да я же не о том, что можно попасть в играющих детей! Я же говорю о том, что дети могут найти этот заговорённый камень, он ведь классиковый, ты понимаешь?, классиковый! Это именно тот камень, который нужен им для игры! И когда найдут, они же не оставят его там, а принесут на нашу улицу, и все несчастья мигом свалятся на их бедные головы! Несчастья свалятся на их головы, вы понимаете? Несчастья, а не камень может угодить в них! Вы вообще чувствуете разницу? Не надо кукурузной мукой пудрить людям мозги, просто надо встать и пойти в церковь, тем более, что она находится совсем рядом, зажечь свечу, помолиться и смиренно попросить прощения».

Конечно, были и другие, не менее оригинальные предложения.

Тётя Арнук, как говорил дядя Язвитель Андраник, «находилась в мучительном поиске выхода из сложившейся непростой ситуации». Она очень внимательно выслушивала всех, то кивала, то одобрительно качала головой, то укоризненно щурила глаза, и попутно, как опытный следователь, задавала наводящие вопросы. Она аккуратно записывала «рецепты» с указанием автора и точной до минуты даты заполнения в специально для этого заведённую общую школьную тетрадь по арифметике. На обложке тетради крупными буквами было выведено и жирно подчёркнуто карандашом: «Рецепты», ниже, уже более мелким почерком, в две строки: «по классической водолазке, подаренной Вардишах Григорян». Она хорошо понимала, что проблему водолазки надо решить так, чтобы ненароком не оскорбить фортуну не совсем до конца обдуманными шагами и тем самым, ещё больше усугубить ситуацию, собственным опытом подтверждая справедливость поговорки, гласящей, что «вместо того, чтобы починить бровь, выбили ещё и глаз».

Она очень медленно, с большими сомнениями и так же мучительно склонялась к тому варианту решения проблемы, по условиям которого тётя Вардишах должна была вернуть водолазку. И тогда отвернувшаяся на сто восемьдесят градусов от неё, от Арнук, фортуна сделала бы такой же крутой поворот, но уже в обратную сторону, и вновь повернулась бы к ней своим лучезарным личиком. И, наконец, «все вещи приняли бы своё естественное положение».

Но она не знала, как об этом правильно сказать тёте Вардишах, чтобы невзначай не обидеть её. Как сказать, чтобы она вернула водолазку? Как, какими словами сформулировать своё предложение?

Но здесь возникала ещё одна, как подчеркнула тётя Седа, деликатная тонкость.

«Ну, пока всего лишь на минуту допустим, что сказала, всего лишь на одну минуту допустим, что она не обиделась, поняла меня правильно и вошла в мою практически безвыходную ситуацию, а также с готовностью вернула, – рассуждала тётя Арнук. – В таком случае все будет хорошо. Но а если она вдруг возьмёт и обидится, хотя это маловероятно, но тем не менее, всего лишь на одну минуту допустим, что Вардиша обиделась. Как же быть тогда? Я же должна просчитать все варианты дальнейшего развития ситуации, все плюсы и даже, к сожалению, реально возможные минусы», – продолжала глубокими раздумьями терзать свою душу тётя Арнук.

Она старалась успокоить себя. Иногда это ей удавалось.

Потом, к сожалению, сомнения опять начинали проникать в её душу: «Если даже обидится, всё равно, водолазку вернёт обязательно. Хотя бы из обиды, в сердцах, но возьмёт да вернёт! Вернуть-то вернёт, но она должна это сделать не с обидой, а с огромной радостью, чтобы всё было естественно. Но если и вернёт с огромной радостью, добровольно, то есть, естественно, всё равно, и в этом случае ничего в смысловом содержании ситуации не изменится, ведь она – водолазка – уже потеряла свою непорочность!»

А по мнению тёти Арнук, водолазку надо было вернуть обязательно «в девственном, так сказать, состоянии!» Кстати, я думаю, что ей очень понравилось словосочетание «смысловое содержание ситуации», потому что и в дальнейшем она часто употребляла его. Но это так, к слову сказать.

Появилось серьёзное подозрение, что вместо того, чтобы решить проблему тёти Арнук, её, то есть проблему, общими усилиями всё больше и больше загоняли в тупик. И, в конце концов, подозрения подтвердились: так благополучно перестарались, что она застряла в тупике и начала полным ходом буксовать, всё ниже и ниже погружаясь в трясину.

«Загнали в болото, а надо было в ловушку», – по этому поводу сокрушался дядя Язвитель Андраник.

Точно так однажды американский «Виллис» дяди Вагана, двоюродного брата моего отца, застрял в тупике перед домом дяди Геворга – другого двоюродного брата.

«Виллис» с ржавым воем срывающе скрипел зубчиками коробки передач, буксовал взад-вперёд, обдавая людей брызгами жидкой грязи, летящими из-под колёс. Машина так резво вспахивала дорогу, что снесла к «чёртовой бабушке» соседские заборы.

Разразился нешуточный скандал, который втянул в свой круговорот и женщин из соседних переулков.

Женщины в результате атакующих действий под руководством бабы Шуры, неожиданно проявившей незаурядные полководческие способности, разбили левый, кстати, очень тускло мигающий «поворотник» и одну фару «Виллиса», а также поставили, как потом выяснилось, довольно-таки заметную другую «фару», называемую фингалом, под правым глазом дяди Вагана.

«Восстановили пошатнувийся баланс», – резюмировал дядя Язвитель Андраник.

По этому, понятно, не совсем приятному поводу, дядя Язвитель Андраник ради торжества справедливости констатировал, что он, то есть «дядя Ваган, в общем-то очень даже легко отделался, с незначительными, можно сказать, даже поразительно минимальными потерями, могущими быть более чем чувствительными».

VIII

…Как-то к нам в гости «навестилась» тётя Манушак: так, как обычно, просто посудачить на традиционном мероприятии под названием «асац-масац» (дословно: «сказал-мазал») за чашкой кофе с конфетами, а иногда и сногсшибательно прият-

ной на вкус тёмно-розовой настойкой. Мама приготовила ароматный сурч (кофе) «по-сухумски», и они удобно сели за столик под яблоней, плотно увитой виноградными лозами. В это время пришла почтальонка тётя Галя с огромной сумкой на плече, набитой журналами, газетами, телеграммами и письмами.

Наша тётя Галя! Светлая, широкой души русская женщина. Самый желанный человек в домах, где ждали писем от дальних родственников, тем более военнослужащих, а таковых тогда было немало: Юрий Анисимов, Владимир Давидян, Бичико Бенделиани...

Где только не служили наши родственники и соседи: по их письмам можно было выучить физическую географию не только Советского Союза, но и некоторых европейских стран, входящих в Варшавский договор.

Какое счастье: получать письма, согретые трепетным дыханием, одухотворённые сердцебиением! Прижимать и прижимать их к лицу, вдыхать и вдыхать бесконечно родной аромат, тянувшийся из детства...

Все письма начинались одним словом: «Каротагир», что дословно переводится как «Ностальгическое письмо». Далее следовали традиционные слова: «Прежде чем перейти к основному смыслу письма, разрешите спросить о вашем здоровье, а также о здоровье...» и перечислялись имена родных и близких, друзей. Потом обязательно следовало: «Если вас интересует моё здоровье, сообщаю, что я жив-здоров...» и так далее.

Так что, очень многие из нас «аж четырьмя глазами освещали дорогу тёти Гали».

Она всегда останавливалась у нас, чтобы немного передохнуть и продолжить свой путь. Через несколько лет я тоже стал «аж четырьмя глазами освещать» дорогу тёти Гали в ожидании нового номера газеты «Пионер-канч», в которой с некоторых пор начали публиковаться мои первые рифмованные опыты.

Вот и сейчас тётя Галя присоединилась к кофепьющим. Она положила на стол газеты и листок бумаги с приклеенными узкими ленточками:

– Телеграмма от Нвард, – сказала она.

Тётя Нвард – старшая сестра моей мамы. Нет, не самая старшая, самая старшая – тётя Варсеник.

Тётя Нвард проживала в Армавире с тех пор, как вышла замуж за дядю Азата (Вольный, Свободный) и работала на мебельной фабрике. Дядя Азат имел небольшой сапожный цех и уже тогда занимался полулегальным изготовлением добротной обуви, лет на тридцать опередив горбачёвское перестроечное время. Заготовки он приобретал в Ереване по только ему известным каналам, связанным с фирмой «Масис». Он, в полной гармонии со своим именем, вёл «вольный, свободный» образ жизни, часто гостил у нас, потому что свой товар оптом реализовывал по вполне приемлемой цене и в нашем городе: здесь у него были свои постоянные покупатели, которые «клялись его именем». Ещё бы не клясться: на перепродаже, без лишних хлопот, они «наваривали» намного больше, чем зарабатывал сам дядя Азат!

«Буду с мальчиками 21 апреля. Вагон № 8. Нвард», – телеграмма лаконично передавала слова моей тёти. «Приезжают накануне твоего дня рождения, – радостно сообщила мама, повернувшись ко мне, – это через неделю».

Я, конечно, очень обрадовался вести о приезде тёти Нвард с моими двоюродными братьями Сергеем, которого мы называли Серожиком, и Арутиком: это имя полностью звучит так – Арутюн, что означает «Воскресение». Если Серожик не по возрасту был очень серьёзным мальчиком, то егозе Арутику нередко доставалось от взрослых за свой шаловливый характер. Однажды младшая сестра моей мамы, тётя Зварт (Весёлая, Жизнерадостная), которую все мы очень любили, так отшлёпала его по «мягкому месту» веточкой крапивы, буйно растущей в нашем огороде вдоль канавы, что мы с лёгкой руки Арутика начали называть это замечательное во всех отношениях растение «зелёной собакой».

К сожалению, рано ушёл из жизни наш Серожик, очень рано.

– Галя, – сказала моя мама, – если сегодня отправим срочную телеграмму Нвард, когда она получит?

– Сегодня же получит, ну самое позднее – получит завтра утром, – ответила тётя Галя.

– Надо поговорить, – сказала мама тёте Манушак, – надо посоветоваться.

И они втроём склонились над столиком, как это делали красные командиры в военных фильмах, работая над планом секретной операции.

У меня были дела поважнее: я смазывал тавотом подшипники своего самоката, смастерённого моим отцом, и не слышал, о чём они оживлённо говорили. До моего слуха доходили лишь обрывки ничего не значащих отдельных фраз: «…это хороший выход…», «…наконец успокоится…» Да мало ли о чём они могли говорить! Кстати, нас так и воспитывали: не только не вмешиваться, но и слушать разговоры старших мы не имели право.

Они долго шушукались, иногда смеялись. Перед уходом, открывая калитку, тётя Галя сказала:

– Хорошо, договорились, я сегодня же телеграфирую Нвард. И об этом ни с кем не обмолвлюсь ни единым словом.

Я с нетерпением ждал приезда тёти Нвард. Она всегда привозила в лимонадных бутылках цветные сиропы с разными вкусовыми ароматами и готовила вкуснейшие барбарисовые конфеты.

Она ловкими движениями месила конфетное тесто, намазав руки подсолнечным маслом, в горячем виде как резину несколько раз растягивала его до появления светлых линий, «округляла верёвками» и разрезала ножницами, придавая форму батона. У неё батончики получались одинаковыми, как будто штампованными. Мы оборачивали эти батончики в прозрачную, тонкую плёнку, нарезанную квадратиками, и набивали ими свои карманы.

Тётю Нвард любили и мои друзья, потому что им тоже щедро доставались её вкуснейшие угощения. Мы так и говорили: вкусняшки от тёти Нвард.

Она была мастерицей на все руки и пока гостила у нас, наш дом благоухал разными вкусными ароматами, и не только конфетными: аджапсандалами, леччо, маринованными томатами, огурцами, баклажанами, которые готовила она с моей мамой, делясь с ней своим богатым кулинарным опытом.

О том, что приезжает тётя Нвард с Серожиком и Арутиком, я сообщил своим друзьям, которые обрадовались не меньше, чем я.

Тётя Нвард приехала рано утром 21 апреля. Ночью я часто просыпался, чтобы не опоздать на поезд, будил маму, напоминал, что приезжает тётя Нвард.

Ну вот, наконец мы с мамой стоим на перроне Сухумского железнодорожного вокзала перед опорным пунк-том милиции

– по нашим подсчётам, «наш» вагон должен остановиться как раз перед ним.

Вот объявили, что прибывает поезд «Москва-Ереван» на первый путь. Не успел он остановиться, как из вагонов на перрон начали выпрыгивать некоторые нетерпеливые пассажиры, они бежали к будкам, забегаловкам. Мы же поспешили к указанному в телеграмме вагону, который остановился почти там, где мы и рассчитывали. Вот и тётя Нвард, а вот Серожик и Арутик! Они стояли на площадке у открытой двери и махали нам руками. После традиционного приветствия тётя Нвард сказала моей маме, что привезла. Мама одобряюще улыбнулась.

Я тоже обрадовался, хотя совсем не сомневался, что тётя Нвард обязательно привезёт разноцветные и разновкусные сиропы для приготовления конфетных батончиков!

Вечером тётя Нвард занялась приготовлением всяких вкусностей для нас: кроме конфет и румяных, посыпанных сахарной пудрой «ушек», она приготовила торт под названием «Панчо кучерявый». Именно так называется мой любимейший до сих пор торт. Хотя мне больше нравилось, да и сейчас нравится другое его название, более близкое моему сердцу: «Кавказские горы». Торт очень напоминает горы, вершины которых светятся снежной свежестью прямо напротив нашего дедовского дома – за несколькими другими низкогорьями. И хотя это очень и очень далеко, но порой кажется, что они совсем рядом, и так близко, что эту горную свежесть мы чувствуем постоянно.

Так вот, на следующий день тётя Нвард в этот местами покрытый шоколадной глазурью белый торт (как будто на склонах горы здесь и там снег растаял и чернеет влажная земля) воткнула пять свечек – ровно столько, сколько исполнилось мне лет! Торт занесли в комнату с зажжёнными свечами, которые мы с Серожиком, Арутиком и моими товарищами дружно задули в нетерпеливом ожидании аппетитных кусочков. Вскоре мы уже лакомились вкусняшками от тёти Нвард, и нашему счастью не было предела.

Чуть позже я с удивлением узнал, что кроме сиропов, лака для пола и всяких других вещей тётя Нвард привезла ещё и тёмно-синюю, почти чёрную, классическую водолазку в целлофановой упаковке,– точь-в-точь такую, какую подарила тётя Арнук тёте Вардишах.

Я решил, что тётя Нвард водолазку привезла для мо-ей мамы, и с нетерпением ждал, когда же она наденет её. Ведь сегодня день моего рождения! Когда же она наденет, если не сегодня?! И когда я об этом сказал маме, она ответила, что водолазку тётя Нвард привезла не для неё.

«А для кого же?» – я был больше раздосадован, чем удивлён. «Для тёти Вардишах». «Как для тёти Вардишах?! Зачем ей вторая водолазка, если уже имеет одну?! А ты не имеешь ни одной», – воскликнул я. «Чтобы… так надо..., – начала было мама, но потом вдруг строго посмотрела на меня и слегка повысила голос, – и вообще, не твоё это дело – допрашивать старших. Воспитанные дети так не ведут себя». И хотя я это понимал, но тем не менее, мне стало несказанно обидно, что тётя привезла водолазку не моей маме. Но я ничего не сказал ей, ведь это очень некрасиво, так поступают невоспитанные мальчики...

И ещё мама сказала, что накануне вечером она и тётя Манушак были у тёти Вардишах и водолазку передали ей. «Вчера ты была у тёти Вардишах? А я и не заметил, как ты ушла», – сказал я. Конечно, при большом желании можно было осудить мою непростительную беспечность, а может быть и бестактность, а при ещё большем желании простить и даже понять меня. И мама с очень легчайшим укором, можно сказать, почти и неукором посмотрела на меня, потому что я всё же, скажем откровенно, не заметил её отсутствия – так был увлечён своими «вкусными делами»! А должен был заметить. Возможно, мне просто показалось, что она с укором, пусть даже легчайшим, посмотрела на меня.

Не скажу, что мне стало очень стыдно, но какое-то чувство неловкости за свою невнимательность зашевелилось во мне. И несмотря на свой мальчик-с-спальчиковый возраст, я запомнил мамин взгляд на всю жизнь. И даже сегодня, когда в моей памяти вдруг всплывает «тот» взгляд, настораживаюсь: значит, я «что-то не так сделал».

Хочу сказать, что в последнее время часто вспоминаю родителей, их отдельные фразы и слова…

Возможно, это связано с возрастом, но с каждым днём всё больше и больше мне не хватает их.

…Классическая водолазка в торжественной обстановке была возвращена тёте Арнук в непорочном виде – в родной целлофановой упаковке!

(Потом, когда это событие, названное тётей Арнук знаменательным, станет достоянием уличной общественности, дядя Язвитель Андраник его прокомментирует так: «В процессе многоходовки произошла равнозначная подмена невесты после свадьбы». А через некоторое время, когда станут известны почти все нюансы многоходовки, он слегка скорректирует свои комментарии: «В результате которой утвердилось двоеженство». А когда комментарии дойдут до тёти Арнук, она воскликнет «Ва-а-ай» и разразится весёлым смехом: «Чтоб лопнул твой язык, а лучше будет, если покроется сладкими болячками, для исцеления которых у меня есть самодельная мазь на основе зелёнки, винного уксуса и жгучей крапивы».)

Так вот, «это знаменательное событие» тётя Арнук отметила в своей хибарке небольшим застольем с участием «заинтересованных лиц», другими словами – всех женщин нашего переулка, без исключения всех! Конечно, у каждой из них была своя причина «заинтересованности».

«Хочу воздать должное вашей изобретательности, – улыбнулась тётя Арнук, с легким кокетством повернув голову в сторону тёти Манушак и моей мамы. – В результате блестяще проведённой вами операции справедливость восторжествовала в смысловом содержании ситуации, – уже по-военному чётко, наверное, вспомнив брата Паруйра, сообщила тётя Арнук, поднимая рюмку с армянским трёхзвёздочным коньяком. – Но она восстановлена, как бы правильно сказать, в своём самом начале, в зачаточном, что ли, состоянии, ну не совсем полностью, пока ещё в какой-то степени, хотя и степень, возможно, очень большая, даже больше, чем 99 процентов». Это подчёркнутое «в какой-то степени, зачаточном состоянии» насторожило «заинтересованных лиц», которые, в ожидании чего-то нового и оригинального, посмотрели на тётю Арнук, ведь все жители нашей улицы, особенно женщины, на собственном опыте знали, что иногда один процент бывает намного больше, чем все остальные 99 процентов.

«Я хочу, – продолжила тётя Арнук, вытерев платком навернувшиеся на глаза слёзы (нет, в эту секунду она точно вспомнила брата Паруйра), – чтобы справедливость восторжествовала не в какой-то степени, а в полном своём объёме, целиком и полностью, так сказать, вглубь и вширь. Она, эта справедли-

вость, нужна всем нам, но в большей степени она нужна мне и Вардишах, даже больше, чем наш живительный черноморский воздух и наша гумистинская вода – лучшая на Черноморском побережье Кавказа». Она многозначительно посмотрела на собравшихся, которые превратились во всецелое внимание.

«За восстановление справедливости, – продолжила тётя Арнук,– чтобы она восторжествовала хотя бы на нашей отдельно взятой улице. У каждого есть своя справедливость, в том числе и у Вардишах, и у меня тоже. И я хочу, чтобы моя справедливость была высокой и воспринималась вами так, как воспринимаю её я. И ещё я хочу, чтобы моя справедливость стала и вашей справедливостью. И тогда ваша справедливость станет моей тоже».

И ещё много стопроцентно умных вещей говорила тётя Арнук, потому что все внимательно слушали и, почти синхронно, в знак тоже стопроцентной солидарности, кивали головой.

Потом тётя Арнук до последней капельки опорожнила рюмку – она сделала полный глоток, закусила кофейным шоколадом и взяла в руки привезённую тётей Нвард водолазку в целлофановой упаковке, подошла к тёте Вардишах и протянула ей: «Возьми, Вардиша, она твоя».

От неожиданности тётя Вардишах зарделась, она была удивлена и растеряна. Не меньше были удивлены и растеряны и все остальные. Как же так: всё возвращается на круги своя?!

Первой пришла в себя тётя Седа: «Вот это да! – в сердцах воскликнула она так, как будто встряхнула саму себя со всех сторон одновременно, как встряхивают постиранную одежду перед тем, как повесить на бельевую верёвку. – Давай, давай, не стесняйся, Вардишка, бери свою водолазку и оцени великодушие и подарок нашей неподражаемой Арнук».

Наученная горьким опытом тётя Вардишах не стала отнекиваться, приняла подарок без лишних слов. Она несколькими словами поблагодарила тётю Арнук и положила в её карман несколько рублей: «Чтобы не оскудела твоя рука, – пожелала она и добавила, – рука дающего».

Как и принято в таких торжественных случаях, все радостно похлопали – как на профсоюзном собрании.

«За это дело надо выпить», – подала голос тётя Пайлун. «Блестящая идея», – поддержала тётю Пайлун тётя Седа. По

всему было видно, что она взвалила на свои плечи бремя руководителя мероприятия.

Тётя Арнук в очередной раз прослезилась.

Пустить слезу в нужный момент – это, что ни говори, особый дар; если даже на долю секунды раньше, или же на долю секунды позже появится слеза в уголках глаз, обязательно будет видна её некандиционность. Недоспелость и переспелость слезы обязательно приводят к её фальши. Тётя Арнук безошибочно ловила свою долю секунды – всегда и во всём. Так львица ловит свою добычу: без единого лишнего движения.

Мне кажется, нет, я уверен, львица обладает физико-математическим складом ума: каждое её движение рассчитано до мельчайших подробностей и деталей, каждый прыжок отточен до грациозности и изысканности!

Все поняли, что тётя Арнук превзошла саму себя, выкинув очередной неожиданный «фундиклёж».

Несомненно, она обладала незаурядным актёрским даром, и тонкое чутьё никогда не подводило её. Она и сама говорила, что в молодости мечтала обязательно стать актрисой театра и кино, отечественную кинематографию не представляла без себя и собиралась поступить в Государственную киношколу.

Но начавшаяся в 1941 году война перечеркнула все её грандиозные творческие планы. И не только её планы перечеркнула война – она прошлась по судьбам миллионов людей.

Добровольцем ушёл на фронт старший брат тёти Арнук – Паруйр, «хотя как перспективный молодой учёный был освобождён от призыва в действующую армию по брони от службы. Но вместе с ней он имел ещё и совесть, очень-очень большую совесть, как и все его друзья», – говорила тётя Арнук и поднимала руки к небу.

Возможно, тётя Арнук представляла совесть своего брата и его друзей в виде огромного неба – обители Бога. Она так и говорила: «В совести Парука жил Сам Бог». Но с другой стороны, она могла иметь совершенно противоположное мнение. Например, Бог состоит именно из таких людей, как её брат Паруйр и его друзья.

На попечении тёти Арнук остались больные родители и младшая на год сестра Светлана. О ней тётя Арнук говорила: «Вот вы сейчас смотрите на меня, но вы меня не видите, вы

видите Светлану. Потому что она вылитая моя копия. Она точь-в-точь я, – и шутя, а может быть и на полном серьёзе добавляла, – даже больше похожа на меня, чем я сама. Ва-а-ай».

Родителей тёти Арнук немцы расстреляли, когда в первый раз заняли город Ростов. Это случилось 21 ноября 1941 года. «Всего на несколько дней заняли город, – рассказывала тётя Арнук, – и каждый день расстреливали и расстреливали людей, десятками. Эй-вах-вах... Так и слышались выстрелы, одиночные и автоматные очереди – то здесь, то там. Сестрёнку и меня уберег счастливый случай. А вот родителей убили, потому что кто-то донёс немцам, что Парук не только служит в Красной Армии, но он ещё и офицер, командир. Их, больных и слабых, а также несколько еврейских семей, 29 ноября 1941 года немцы – вот гады, «не оплошали» даже в суматохе своего бегства из города – вывели во двор и под стеной нашего дома расстреляли. Расстреляли и тут же «сделали ноги». А квартиры, нашу и еврейские, разграбили мародёры. Их было много, мародёров, я-то хорошо знаю. Немцы не пощадили бы и нас, если бы схватили: но, наверное, к нашему счастью, мы с сестрёнкой находились в доме напротив, у маминой подруги. Не успели фашисты, не было у них времени искать нас, город освободили наши.

Вот и не знаешь, каким считать тот день – радостным или траурным? Как быть: то ли радоваться нашему с сестрой спасению – благословлять Господа Бога, то ли горевать по поводу гибели родителей и проклинать Его? Вот такой день 29 ноября – день боли и радости вперемешку. Вы хотите поинтересоваться, почему бы и нас, детей, расстреляли? – спрашивала тётя Арнук и сама же отвечала на свой вопрос. – Да за то, что наш брат был красным командиром! Я об этом уже говорила. А самой главной причиной, вызывающей у немцев подозрение, было бы то, что я возилась с домашними голубями и, по мнению немцев, вполне могла их использовать для передачи секретных данных нашим войскам!

Между прочим, немцы убивали голубей, просто так убивали, на всякий случай. А вы говорите! Ва-а-ай!»

Перед второй оккупацией Ростова тётя Арнук потеряла сестру. «Вот и думаю я, чья же тяжёлая нога «перешла» дорогу нашей семье? – вслух размышляла тётя Арнук. – Но в то же время не все ведь погибли! Осталась сестрёнка, осталась я!

Значит, одновременно была ещё и чья-то лёгкая рука, которая поддерживала нас. И эта рука вела нас! Вот и с тех пор я верю в приметы. Надо верить, обязательно надо верить в приметы. Они никогда не обманывают и обязательно подсказывают что надо делать и как надо делать. Остаётся только уметь читать приметы и понимать, как читают и понимают хорошую книгу».

Тётя Арнук не вышла замуж, хотя были, по её словам, «настойчивые, очень даже достойные предложения, от которых ни одна дура ни за что бы на свете не отказалась!» Но тётя Арнук безжалостно отвергала любое предложение: «Конечно, я понимала лучше всех, что совершаю глупую ошибку... Как будто бывает умная ошибка, – смеялась тётя Арнук и поправляла себя, –, совершаю самую главную ошибку жизни, ведь время неумолимо идёт вперёд, следы своих крутых дорог в виде глубоких морщин оставляя не только на нашем лице, но и на сердце тоже. Я никогда не думала о замужестве, – говорила она в редкие минуты откровений и перечисляла, загибая пальцы, – убит мой отец, убита моя мать, погиб мой брат Парук, потерялась сестрёнка… Нет, нет, надо говорить правду: не она потерялась, это я потеряла её, я виновата, только я. Это же совершенно разные вещи: она сама потерялась, или же я потеряла её. Хотя, конечно, результат один и тот же. Вот и скажите вы, вообще о каком замужестве могла идти речь, ва-а-ай?! С моей стороны это было бы предательством. Нет, точно, чья-то очень тяжёлая нога когда-то перешла нашу дорогу».

Она чётко определила главную цель своей жизни – найти сестру.

Она обязательно должна была найти её! Но все отчаянные попытки заканчивались безрезультатно.

Её сердце разрывалось от безысходности…

И прошло много лет, когда она, уже почти потерявшая всякую надежду, совершенно случайно нашла сестру в Армавире.

...Я решил, что это – тема для отдельной статьи или рассказа. Но потом, в ходе работы над повестью, засомневался: будет ли отдельный рассказ вообще?

«А эта повесть, – спросит читатель, – чем же она не удобный случай, чтобы двумя словами рассказать не только о долгожданной, но и неожиданной встрече двух сестёр?»

Чтобы не разочаровать читателя, так и быть, расскажу вам эту историю.

Промежуточное отступление

После потери сестры тётя Арнук скиталась по южным регионам страны, в основном в Краснодарском крае, пока волею судьбы не оказалась в Абхазии. Обосновавшись здесь, она несколько раз ездила в Ростовскую область, где потеряла сестру Светлану.

Их родительский дом, как и ближайшие дома, был разрушен до основания. Постояла тётя Арнук над руинами родного очага, зажгла свечу.

С некоторых пор у неё в сумке всегда были свечи. Она их носила с собой, потому что иногда у неё неожиданно появлялось непреодолимое желание зажечь свечу, закрыв её ладонью, чтобы вдруг не задул ветер судьбы. Свеча, закрытая ладонью...

И в такие минуты тётя Арнук бросала всё, находила более или менее подходящее место и, уединившись, зажигала свою свечу.

Свечи отливала сама с добавлением острого перцового порошка… Вместе с мягким горением свеча распространяла съедающий глаза аромат.

И ещё у тёти Арнук была своя молитва, сотканная из глубокого молчания, без единого слова: такая же острая и горькая, как и перцовый аромат свечи. Но эта молитва съедала её душу. Свеча горела, тётя Арнук молилась. И этот горький сплав назывался судьбой.

И её, судьбу, тётя Арнук старалась изменить, отчаянно старалась, из последних сил. И совершенно не понятно, откуда она их черпала, эти силы.

Все её возможности, физические и моральные, были направлены на изменение судьбы, и оно, это изменение, по убеждению тёти Арнук, напрямую зависело от положительного результата поисков сестры Светланы. И чтобы этот «положительный результат», который мог неожиданно наступить в любое время, не застал тётю Арнук врас-плох, она постоянно имела при себе ещё и свечи другого сплава – с порошком ароматической смолы – хунка (ладана), освящённого в Святом Эчмиадзине, куда специально для этого поехала тётя Арнук. На случай «положительного результата» она имела и другую молитву – Молитву Благодарения Всевышнему.

Но будет ли зажжена Эта Свеча?

Но прозвучит ли Эта Молитва?

Ни одного знакомого не смогла найти тётя Арнук в Ростове, очень сильно пострадавшем от артобстрелов и авианалётов. Много людей погибло в этом многострадальном городе, многие жители покинули его, рассеялись по свету, кто как и где сумел – обосновался. Погибла и подруга матери тёти Арнук, у которой находилась она с сестрой, когда немцы расстреливали родителей.

Но однажды случилось то, что не смог бы придумать ни один писатель-фантаст. «Даже Ашот Шайбон или же Карэн А. Симонян?», – удивлённо спросит читатель. «Да, – с уверенностью отвечу я вместо тёти Арнук, – и не только Ашот Шайбон и Карэн А. Симонян, но и даже Юлиан Семёнов, придумавший штандартенфюрера Штирлица, не смог бы додуматься до такого сюжета!»

Так вот, из Ростова тётя Арнук поехала в город Шахты, что почти в двух часах езды на электричке. Прибыла рано утром на Шахтинский железнодорожный вокзал. Затем на трамвае приехала на городской рынок, который, в отличие от Сухумского, работал до обеда. Шла тётя Арнук между рыбными рядами и совсем не спешила: а куда ей спешить, ведь чтобы отовариться, опытный оптовик сперва должен определить «объём наличного товара и приемлемые цены».

Так вот, шла тётя Арнук между рыбными рядами, «глаза разбегались по сторонам, рот обильно слюнями наполнялся»… Она даже не обратила внимание на то, что вдруг какая-то женщина крикнула: «Светлана, Светлана!» Да мало ли кто кого зовёт на рынке?!

Здесь такой приятный шум стоит, такой неторопливый ажиотаж, такие диалоги, тянувшие на классику, сочинителям которых позавидовал бы любой журналист и писатель…

Без такого «аджапсандала» рынок никак не может называться сочным, пропитанным разнообразием запахов и цветов ёмким всеобъемлющим словом: базар…

Шла тётя Арнук и наслаждалась этим удивительным, своеобразным миром…

«Светлана, – продолжал звать женский голос, – да стойте же, не уходите, Светлана!»

Расталкивая людей локтями, продираясь сквозь гус-тую толпу, к тёте Арнук рвалась незнакомая женщина.

Не успела почти растерявшаяся тётя Арнук сообразить «что к чему», как оказалась в её объятиях. Женщина крепко обнимала Арнук и шептала: «Родная вы наша, родная вы наша, – и повторяла, – как мы благодарны вам! Как же мы вам благодарны! Мы никогда не забывали вас!» Горячо шептала женщина и её слёзы обжигали тётю Арнук и горячими каплями стекали по щекам. Так текут расплавленные капли свечи, закрытые доброй ладонью.

Тётя Арнук вдруг подумала о том, что если она не остановит это «возмутительное экспромтное недоразумение», женщина не только будет медленно-медленно истекать слезами, как свеча таять и таять, пока не исчезнет бесследно, но воспламенит и её – тётю Арнук. И будут они гореть вместе, вдвоём, как две скрученные свечи в церковной песочнице, до полного исчезновения.

«Светлана, дорогая Светлана», – шептала женщина.

«Да какая ещё там Светлана?.. Вы совсем уже, что ли… Ва-а-ай!» – чуть было не вырвалось у тёти Арнук. Но она вдруг осеклась, она онемела, она, возможно, даже на долю секунды потеряла сознание, всего лишь на долю, потому что успела не упасть, когда неожиданная догадка насквозь пронзила её сознание… «Как пуля, навылет просверлила», – потом рассказывала тётя Арнук.

А если, если?

Вскоре все тёмные точки «недоразумения» прояснились: Людмила, так звали женщину, которая торговала рыбой, приняла тётю Арнук… за её сестру Светлану. Младшая сестра тёти Арнук – «не дать не взять вылитая копия старшей, ну точь-в-точь она, даже больше похожа на неё, чем она сама» – оказывается, жила в Армавире и работала медсестрой в одной из больниц, куда несколько лет назад попал с острым приступом аппендицита сын Людмилы. Он находился в Армавире на детско-юношеских соревнованиях по боксу «Новогодние огни» в составе сборной команды города Шахты (советское государство уделяло большое внимание развитию детско-юношеского спорта, и это непременно давало свои заметные результаты). Медсестра Светлана ухаживала за мальчиком, как за родным

сыном, и когда в Армавир приехала его мать, по настоянию Светланы остановилась у неё на квартире, пока не выписали мальчика.

Стоит ли говорить о том, что в тот же день тётя Арнук в сопровождении Людмилы выехала в Армавир по маршруту с пересадкой в Ростове.

Долгожданная встреча сестёр состоялась.

Изменила-таки тётя Арнук судьбу. «Я сумела изменить судьбу, вай-вай-ва-а-ай!»– восклицала тётя Арнук и сама же удивлялась, всплёскивая руками.

…И была зажжена свеча с освященным в Святом Эчмиадзине хунком. И прозвучала Молитва Благодарения Всевышнему, сотканная из слов в их первоначальном, истинном значении. И каждое слово находилось на своём месте, и каждое слово произносилось молча.

Чуть выше я уже писал о том, что тётя Арнук не представляла отечественную кинематографию без своей кипучей деятельности. Я тоже считаю, что советский кинематограф в лице тёти Арнук потерял самобытное, очень яркое явление. Она сыграла бы интереснейшую роль … саму себя, и эта роль вошла бы в золотой фонд мировой кинематографии. Тётя Арнук стала бы любимой актрисой советского зрителя. Я уверен, обязательно стала бы, и не только советского.

Читатель наверно убедился, что в жизни тёти Арнук было много чрезвычайного: как говорила она сама, «в ней не только горя хватало с лихвой на несколько жизней, но и радостями тоже Всевышний не обделил».

«Странно, ва-а-ай,– в очередной раз искренне удивлялась она, как бы заново открывая саму себя для самой же себя,– не было бы горя безвозвратных потерь, я бы не испытала счастья большого обретения. Вот как в жизни бывает, всё так плотно взаимосвязано, даже горе и радость. Как нитка и нанизанные на неё бусины: чем выше одно, тем длиннее другое. И не имеет значения, какие они, эти нитки и бусины – дорогие или дешёвые. От этого не меняется их величина, их содержание».

Иногда я думаю о том, что она, может быть, действительно играла свою роль в кино под названием жизнь? Кто знает, может быть и играла. Но если даже и играла, то невозможно было отличить её, настоящую Арнук, от Арнук, играющей себя. По-

тому что всё у неё получалось как-то просто виртуозно и виртуозно просто.

Как говорил дядя Язвитель Андраник, «всё у неё получалось филигранно тонко, даже невзмах ресниц».

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Я верю в жизни чистоту
И доброту её я принимаю.
Артавазд Сарецян

Мой день в детстве был большим и высоким. Он был настолько большим и высоким, что начинался задолго до восхода солнца и ещё долго, очень долго продолжался после его заката. А с другой стороны, может быть, мне просто казалось, что он «настолько большой и высокий», хотя на самом деле за какую-то долю секунды пролетал перед моим носом. Пролетал, как пролетала синица, плавными взмахами крыльев колыхнув мои каштановые кудряшки, «облизанные нашим телёнком». Ведь писал же Геннадий Аламиа, что в детстве «день был меньше клюва синицы…» И как не поверишь известному поэту, если его стихи печатаются даже в московских журналах!

А может быть дни в детстве бывают разными?

В конце концов я успокоил себя тем, что наверняка о какой-то сказочной синице писал Геннадий Аламиа, клюв которой был настолько огромно-преогромным, что мой большой и высокий день (круглый, как футбольный мяч дяди Руфета), набитый разнообразными – весёлыми и грустными, но однозначно: счастливыми (я это понимаю сегодня) – событиями, запросто умещался в нём?!

Но каким бы ни был мой день в детстве, – очень большим и высоким, или меньше клюва синицы, – он не стоял. Он шёл, вернее, катился как футбольный мяч дяди Руфета, иногда спотыкаясь о камни, иногда попадая в канаву, иной раз залетая в соседский огород... И совсем не важно, как он катился – медленно или же совсем медленно, почти незаметно. Ведь всё равно, рано или поздно, он обязательно докатился бы до той последней точки, после которой начинался ещё один день, что-

бы ещё раз повториться с точностью до спотыкания о камни, попадания в канаву...

Вот так, день за днём, текло моё детство – большое и высокое, хоть и было «меньше клюва синицы». И оно тоже, как день, обязательно дошло бы до своей последней точки… До последней, или же, наоборот, до первой точки, но уже совсем другой жизни – взрослой?

И вот однажды как раз против этой самой «совсем другой» – взрослой жизни вдруг взбунтовалась, вернее, не на шутку восстала моя душа. Я решил остановить время. Каким-то чудесным образом лёгким движением ноги нажать на какие-то волшебные тормоза и остановить время. Остановить так же ловко и резко, как останавливали свои машины дяди Эдмон, Левон и Руфет прямо перед «ямой» на обрыве, оставляя на дороге параллельные тормозные пути вдоль заросшей травой канавы и поднимая к небу густые клубы пыли. Или, на худой конец, остановить так, как машинист останавливал в депо грузовой состав, на котором работал дядя Ваган – папин двоюродный брат: электровоз начинал тормозить, лязгнув сцеплениями, и гружённые до предела вагоны как будто по очереди тяжело ударялись друг о друга и, упираясь друг в друга, медленно-медленно останавливались… Эхо ударов доходило до наших домов и замирало на оконных стёклах, которые дребезжали в рамах, как жужжали за домом большие мохнатые шмели в винограднике. Одновременно с вагонами успокаивались и стёкла.

Я на полном серьёзе хотел остановить время, но уже, к своему огорчению, начинал подозревать, что не такое уж и простое это дело. И даже, надо быть реалистом, совершенно безнадёжное. Я мучительно сознавал всю несбыточность своего желания, вернее, мечты.

И, в конце концов, я решился на отчаянный шаг: если невозможно остановить движение времени, то надо любыми мыслимыми и немыслимыми способами добиться бесконечного продолжения детства, чтобы оно, как «ах-лето» в песне Пугачёвой, «никогда не кончалось» – продолжалось и продолжалось, опять и снова продолжалось. Я мечтал постоянно находиться в этом бесконечном продолжении детства. В этом моём наивном желании не было ничего эгоистического. Как говорится, ничего личного – не для себя я так отчаянно старался.

Оно, бесконечное продолжение детства, как воздух и вода, было необходимо мне по нескольким, как мне казалось, очень жизненно важным причинам.

Одной из главных причин было то, что я уже безнадёжно потерял всякий стимул взрослеть. Судите сами: дедовское охотничье ружьё, которое я должен был получить с вступлением в совершеннолетие, как это обещал мой дед Епрем, уже находилось у моего дяди, и как вы понимаете и помните по первой части нашей повести, у меня не было никакой возможности вернуть его обратно. Я даже словом не мог обмолвиться о том, что это ружьё – моё, только моё, оно принадлежит только мне. Я понимал, что никто мне не поверит, а мои притязания будут восприняты как эгоистические капризы самодовольного и избалованного любимчика деда.

Но сердце-то разрывалось. Моё сердце кровоточило и обливалось кровью. И я ничего не мог поделать с этим изводящим меня чувством.

Другая причина, возможно наиглавнейшая и бесконечно болезненная, заключалась в том, что с некоторых пор, точнее, после смерти нашей соседки – матери моей ровесницы Эммы Раганян, меня интересовали «очень серьёзные» вопросы: умирают ли родители, и если да, то каким образом можно избежать, вернее, предотвратить эту трагедию? Я никак не мог представить наш дом, наш двор и огород, нашу улицу, да и весь мир, не говоря уже о своей жизни, без родителей.

На мои настоятельные вопросы мама отвечала: «Родители привыкают жить, но они умирают, когда дети не слушаются их». Мамин ответ на некоторое время успокоил меня, потому что я был очень послушным ребёнком, и наверняка мои родители из-за моего хорошего поведения уже успели «привыкнуть жить».

Затем в мою душу вновь закралось сомнение: очень послушными были и дети тёти Вардишах, но, тем не менее, дядя Варо умер. Неужели он за всю свою жизнь так и не привык жить?! На этот вопрос моя мама ответила, что дядя Варо – самое настоящее исключение из правил. А самые строгие правила обязательно имеют свои исключения, которые как раз и подтверждают эти правила. И это закон природы! Сам посуди: ведь дядя Варо не просто так взял да и умер, потому что захотел

умереть. Он умер не своей смертью, он умер от побоев и, возможно, угрызений совести. А так он жил бы и жил!..

Скажу откровенно: мамин ответ ещё больше запутал и озадачил меня. И я за разъяснениями вынужденно обратился к Стёпе.

Он был на пару лет старше, и в жизни, по моему глубокому убеждению, разбирался гораздо лучше меня. Стёпа во всём опережал нас, во всём он был самым первым. Например, когда в нашем городе появились первые «рогатые», троллейбусы то есть, в количестве пяти штук с соответствующими порядковыми номерами, самым первым Стёпа «распечатывал» их – раньше всех остальных пацанов успевал «маршрутировать» на них. Что и говорить, мы аккуратно записывали в специальную тетрадь номера «распечатанных» нами «рогатых», напротив номеров указывая день и час «маршрутирования», и аккуратно подбивали итоги дня. И когда взахлёб рассказывали ему о своих достижениях, он с безразличным видом нехотя отвечал: «Это что! Вот я на «тройке» уже пять раз «маршрутировал», а на «пятёрке» семь полных кругов сделал!» Сногсшибательный показатель! Мы были уверены, что Стёпа обязательно стал бы олимпийским чемпионом, будь такой вид спорта, как «маршрутирование на троллейбусе»!

Конечно, мы с завистью смотрели на него.

Однажды на спинке заднего сиденья троллейбуса я увидел знакомое имя – «Стёпа», и до сих пор не знаю: то ли сам Стёпа зафиксировал «распечатку» «рогатого» (в чём очень сомневаюсь), то ли кто-то из наших пацанов таким своеобразным способом решил подшутить над Стёпой (хотя это тоже маловероятно – Стёпа был непререкаемым авторитетом и никто не решился бы на такую подлянку). А может быть, постарался совсем другой Стёпа?

Я опять сильно отвлёкся от нашего повествования, давайте вернёмся к нему.

У Стёпы, наверное, был готовый ответ, потому что он сразу же уверенно ответил, что родители умирают, когда взрослеют дети.

«Но они же привыкают жить, – сказал я Стёпе, – а от привычки очень невозможно отказаться, как от курения».

«А вот и совсем нет, – возразил Стёпа, – если я очень захочу, то за одну секунду брошу курить, хотя к курению привык уже сколько лет!»

Его ответ не на шутку встревожил меня. Ситуация усугублялась ещё и тем, что в результате многоходовых логических комбинаций я пришёл к неутешительному для себя умозаключению: я буду взрослым, когда кончится моё детство. А это в свою очередь означает, что…

Нет, нет, я ни за что не хотел верить в эту чудовищно неизбежную несправедливость. Надо было срочно что-то делать.

И я ничего лучшего не смог придумать, кроме как всеми своими силами хотя бы пока задержаться в детстве, упираясь в него ногами, а потом попытаться навсегда ос-таться там.

Я жаждал мёртвой хваткой зацепиться за него, зацепиться руками и зубами и не отпускать, ни за что не отпускать, из последних сил держаться…

Не отпускать и всё!

Мой мозг лихорадочно работал, я обязательно должен был найти решение этой, для меня самой главной в жизни проблемы.

Вот так мои мучительные поиски привели меня к идее бесконечного продолжения детства.

Я хочу сказать читателю, что я в какой-то степени исполнил своё желание (правда, с некоторыми оговорками).

Конечно, читатель понимает, что я никак не мог ос-таться в бесконечно продолжающемся детстве из-за обидно банальной невозможности осуществления своей мечты.

И это, по моему глубокому убеждению, было не совсем правильно, не совсем справедливо.

Но зато оно, моё бесконечно продолжающееся детство, озарённое родительской любовью, как компенсация этой неправильности и несправедливости, навсегда осталось в моей душе, в моём сердце.

…В последнее время мне часто снится один и тот же сон, повторяясь в самых мельчайших подробностях, без малейших расхождений.

Вот сижу я на крыше дедовского дома, что на самой вершине горы. Сверху я смотрю в настоящий военный бинокль, одолженный у моего старшего дяди Вардана (бинокль он после демобилизации из армии в 1945 году привёз с собой как суве-

нир). Там, внизу, на левом берегу реки Мачарки, раскинулась узкая полоска долины, где когда-то зеленели табачные плантации. По правому берегу, мимо лечебной мархаульской воды, петляет одноимённая дорога, на совесть проложенная ещё во времена всемогущего Лаврентия Павловича Берия. Эта дорога ведёт через его родное село Мархаул дальше и выше, вдоль глубокого ущелья, в Цебельду, Лату и ещё дальше – в Кодорское ущелье… (Я до сих пор не знаю: то ли сам Лаврентий Павлович приказал проложить эту дорогу, то ли кто-то проявил инициативу, чтобы понравиться этому коварно-всемогущему человеку, а может быть, она была задолго до его рождения).

Так вот, я внимательно смотрю в бинокль. С головокружительной высоты обозреваю долину. Ничего не проходит мимо моего внимания. И вдруг неожиданно вижу себя: да вон же я стою на почти пятидесятиметровом, с полугнилыми настильными досками мосту! Он висит на тросах (как на высоковольтных электрических проводах, через реку протянутых от одной опоры до другой) над бурными в ненастный период мачарскими водами, которые поднимаются выше берегов и заливают огороды сельчан. Странно, но это же факт: я вижу себя!

Я очень внимательно с крыши дедовского дома смотрю на себя!

«Осторожно, сынок, осторожно, – откуда-то доносится предупреждение моей бабушки – нене, хотя я её не вижу, – не смотри вниз, – просит нене, вернее, требует, чтобы я не смотрел вниз, – закружится голова, один неверный шаг – и ты сорвёшься в бурлящую стихию! Ты слышишь: осторожно!»

«Ты что, не слышишь, что говорит нене?!» – кричу я с крыши дедовского дома.

С крыши дедовского дома я кричу самому себе – себе, стоящему на мосту.

Да, один неверный шаг – и я сорвусь в бурлящую стихию, застывшую в неистовом порыве…

Нет, мне не кажется, что стихия застыла. Река действительно застыла в бушующем порыве, с бушующими брызгами, с тянувшими вниз водоворотами – она остановилась, она замерла.

И замерли водовороты с тёмными воронками. Замерли, как замирает между тёплыми ладонями мастера глина с вытянутыми на гончарном круге стенками.

Нет, точно, это какой-то невидимый скульптор своими волшебными руками изваял стихию в живой окаменелости.

А вот мост на железных сваях, наоборот, поднимается. Поднимается вместе с берегами, с прибрежными деревьями и кустами ежевики, вместе с сушилками и квадратными «вагонами» (которые ряд в ряд затянуты нитками, нанизанными табачными листьями) на «деревянных рельсах», которые обильно смазаны тавотом.

Всё это движется и движется стремительно, всё вверх и вверх идёт, всё выше и выше поднимается…

Вот я на Мархаульском повороте, вот я скрываюсь за ним, вот опять появляюсь – уже напротив домов наших друзей Ходжикянов… Скоро доберусь до Цебельды…

Я не знаю, какую тайну хранит этот сон, но я знаю точно: наверняка хранит. И ещё я уверен, что от разгадки именно этой тайны зависит: сделаю ли я неосторожный шаг или же не сделаю.

А пока – моя нене предупреждает: «Осторожно, сынок, осторожно, один неверный шаг – и ты сорвёшься в бурлящую стихию!»

А пока – я кричу с крыши дедовского дома, кричу самому себе – себе, стоящему внизу, на опасно качающемся мосту: «Ты что, не слышишь, что говорит нене?! Осторожно-оо-о!..»

О том времени, времени бесконечного продолжения детства, я написал несколько рассказов: «Кофейная чашечка моей нене», «Расцветают деревья. Зима», «Там, где звезду можно рукой достать», «Учитель, перед именем твоим...», «Фирс» и другие, которые собраны под одной обложкой в книге «Однажды в человеке родится Бог».

И если они в душе моего читателя сумеют пробудить тёплые и светлые чувства, я буду себя считать в бесконечно продолжающемся счастье.

…По-разному сложились судьбы героев моей повести, у некоторых, к сожалению, трагически.

Не всем нашим соседям, видать, достались кусочки счастья, которые по ночам на нашей улице раздавал олень из бабушкиных сказок. Нет, не выборочно раздавал он счастье: возможно не на всех заборах были прибиты подковы счастья, и олень с

сожалением, а может быть и со слезами на глазах, проходил мимо (и утренняя роса – это вовсе не роса, а слёзы оленя, не сумевшего одарить всех слитками счастья?).

Хотя, как я помню, разные по форме, величине и качеству подковы счастья висели на всех заборах. Но, к сожалению, некоторые подковы были прибиты не совсем плотно, а некоторые – неосмотрительно рожками вниз… Вот и вываливалось из них счастье, разбиваясь на мелкие кусочки. И подбирали эти осколки незнакомые прохожие, которые в одночасье, нежданно-негаданно, становились счастливыми?

Конечно, не совсем достойное это дело – «присваи-вать» предназначенное другому человеку счастье, тем более, его острые осколки, которыми можно и пораниться.

Но с другой стороны, было бы не совсем хорошо, если принесённое добрым оленем счастье, никому не доставшись, потерялось бы под ногами или, ещё хуже, в болотной жиже канавы.

И тем не менее, как говорится, дай бог счастья счастливыми делать других. Пусть даже за счёт своего счастья.

I

…Сержик, старший сын тёти Вардишах, очень редко появлялся в школе. Ещё реже он приходил на занятия. Легче было его и таких же как он «пропускников» – прогуливающих уроки – из других городских и ближайших сельских школ найти в кинотеатрах «Сухум» и «Комсомолец» возле Ботанического сада, рядом с горотделом милиции, а чаще всего в парке имени Орджоникидзе – напротив армянской и грузинской школ, через небольшой сквер и дорогу – проспект Мира.

К слову сказать, постоянное пребывание в парке не проходило даром: ребята здесь приобретали определённые военно-спортивные навыки, учились, периодически сменяя друг друга, «заступать в наряд» и нести что-то вроде «дежурства по парку». Они только им понятными условными знаками сообщали друг другу о надвигающейся угрозе в виде «замаячивших на горизонте» учителей, чтобы успеть спрятаться от них в заранее предусмотренных для этого надёжных местах. Учителя (в основном это были завуч Оник Гаспарян, преподаватели истории Григор Депелян, Арам Цугурян и Алик Закарян, армянского и немецкого языков Саша Мкртчян и Евстафий Бумбуриди, фи-

зики Томас Терзян и Мигран Карагозян, физкультуры Седрак Текнеджян) заходили в парк «на чашку кофе с 50-граммовым прицепом» в открытой забегаловке под высокими деревьями.

Сразу за забегаловкой были установлены теннисные столы.

Конечно, не все вместе приходили учителя. Приходили по два-три человека в разное время – в зависимости от «окон» в урочном расписании. Иногда к ним присоединялись учителя соседней грузинской школы – по тому же принципу. Здесь они в неспешной беседе «закрывали ставни своих «окон», расположение которых в схеме расписания уроков «пропускники» хорошо знали. И тем не менее, «угрозу» почти всегда первой замечала и предупредительным «атас!» объявляла повышенную бдительность тётя Женя – «хозяйка» кафе, родная тётя Ванчика Погосяна – одноклассника Сержика.

Тётя Женя работала вместе с мужем, через много лет «по недоразумению» убитого во дворе своего дома во время грузино-абхазского конфликта. Наверно, действительно по недоразумению – иначе чья бы рука поднялась на этого доброго и щедрого человека?

Именно здесь, в тени больших деревьев, совершенствовали своё мастерство по настольному теннису Сержик и его друзья. Они на достойном уровне поддерживали спортивный престиж своих школ на республиканских спартакиадах, занимая призовые места по разным видам спорта, а по пинг-понгу им не было равных. И они соперничали разве что друг с другом.

Говоря словами знаменитого спортивного комментатора Льва Николаевича Озерова, они были друзьями-соперниками.

Ежегодные переводные экзамены по нескольким предметам Сержик «успешно сдавал» исключительно из жалости учителей к его матери; правда, итоги учебного года он подводил не с одноклассниками, а отдельно в виде переэкзаменовок, которые проводились в конце августа, в последнюю неделю летних каникул, но почему-то они назывались осенними испытаниями.

В ту пору, кроме настольного тенниса, ещё одним, почти фанатичным, увлечением Сержика был старый радиоприёмник «Рекорд-59». К нему он подключал шипящий динамик, называемый у нас «ящиком», который висел под жестяным козырьком почти на самой макушке хурмы перед домом.

Каждый день Сержик на всю мощь «шуровал» песню Жана Татляна «Белый медвежонок», потому что других пластинок у него не было. Соседи от мала до велика знали эту замечательную песню наизусть. Но её постоянное «шурование» с постоянным перескакиванием иглы с дорожки стало для них настоящей пыткой, которую они стойко переносили только из глубокого уважения и безграничной любви к Жану Татляну; кстати, с ним многие были лично знакомы по школе и Сухумской филармонии, где будущая знаменитость «вроде бы старалась что-то делать».

– Вот если бы знал Жаник, какой сумасшедшей популярностью пользуется на нашей улице, он бы очень обрадовался и обязательно сочинил бы песню не хуже той, в которой «а я иду, шагаю по Москве», – с сожалением говорила тётя Арнук.

Её собеседницы солидарно кивали головой, стараясь воочию представить, какого шедевра лишилось советское эстрадное искусство.

И только у Хацони пап Ованеса периодически якобы не выдерживали нервы, натянутые до предела, как натёртые канифолью струны и смычок кяманчи моего дяди Ваграма (он замечательно играл на кяманче, которую, как говорили знающие в этом непростом деле толк, «буквально заставлял смеяться и плакать одновременно»).

«Ай Вардишах, – громко звал Хацони пап Ованес соседку, высовывая седую голову через сетчатый забор, и ещё громче, чтобы каким-то образом заглушить мутный звуковой аджапсандал, сообщал с суровым предупреждением, – нам уже постоянно, как белому медвежонку-медвежьему ребёнку, снится дикий лес. Скоро мы все убежим туда, далеко-далеко, возможно в сторону высокогорного села Каваклуг, где у своего друга-армянина Аршака Затикяна более трёх месяцев скрывался от меньшевиков абхазский государственный деятель Нестор Лакоба – кунак Сталина и будущая его, и Берия тоже, жертва, – почти как на научной конференции провозглашал Хацони пап Ованес. – А может быть даже через Цебельду и Азанту поднимемся в Сванетию. Совсем не исключено, что ещё дальше убежим, возможно и выше, зароемся головой в какой-нибудь заброшенной медвежьей берлоге и никогда не вернёмся назад. Ты слышишь, Вардишах, мы уже никогда не вернёмся?!»

«Ящик» тут же умолкал. Буквально на несколько минут, но наступала блаженная тишина. Это тот самый момент, когда всем сердцем и душой, всей сущностью своей начинаешь с удивлением понимать и верить, что рай вовсе не выдумка каких-то фантазёров не из мира сего. Понимаешь и веришь, что он действительно существует, он есть, и ни один атеист не переубедит тебя. И он, этот рай – о чудо из всех остальных чудес! – находится не где-нибудь, не в каком-нибудь сказочном тридевятом царстве, а именно на твоей улице, и ты не только явственно чувствуешь его, но и, как любил говорить дядя Николай Арчуадзе, «аж даже прямо своими печёнками дышишь им», потому что находишься в самом его центре.

Но рай не был бы раем, если бы продолжался бесконечно. И вскоре «ящик» вновь начинал храпеть, потом шипеть, играя своей иглой – раздвоенным языком, как готовящаяся к смертельному прыжку змея, а потом уже, к ужасу соседей, «шуроваться» на всю мощь, райское нас-лаждение превращая в обыкновенный обман восприятия суровой действительности:

Белый медвежонок, медвежий ребенок
В зоопарке жил.
Очень он без мамы, без ласковой мамы
В городе тужил.
Если мама далеко, это очень нелегко,
Это нелегко…

– Не-ет, – говорил Хацони пап Ованес, – если поймаю я тебя, Сержик, ох если поймаю я тебя, а я тебя обязательно поймаю, никуда ты от меня не денешься, та-ак покусаю твои аломолочные щёчки, та-ак покусаю, что только ацукнер (огородики) с кругленькими ровненькими забориками останутся на них, на всю твою жизнь они останутся! И всю свою жизнь ты будешь помнить меня, Хацони папа, а я буду помнить белого медвежонка-медвежьего ребёнка даже на том свете, где, по твоей милости, я очень скоро могу оказаться!

– Заборики-то будут, да с многочисленными лазейками и калитками, болтающимися на петлях и сорвавшимися с них,– усмехался под нос дядя Язвитель Андраник, имея в виду незавидные зубные ряды деда Ованеса. – Прохудился твой забор, Ованес, ээх, как же прохудился. Да так основательно прохудился, что требует срочного капитального ремонта. Обратился бы ты к Сергею

Карагозяну, как-никак зубной техник, худо-бедно починил бы. А то глядишь, и дети перестанут тебя бояться. А ещё называется Хацони пап... Как же тебе не стыдно... Надо взять в кавычки это слово «Хацони»... Строишь тут из себя крутого. Да какой же ты крутой?! Я вот сколько стараюсь, не могу понять: как же тебя терпит Рая, такого «беззаборного»? Бедная, бедная Рая…

– Зато щетина у меня отменная! – удовлетворял своё самолюбие дед Ованес. – И ещё, Сержик, запомни, – вновь переключался дед Ованес на основную тему, на Сержика то есть. Он точно знал, что Сержик не только слышит его, но и наблюдает из-за густых кустов лавровишни, растущей в углу двора под забором, – вот ты вырастешь, женишься, у тебя будут дети, много, очень много детей, целая футбольная команда с запасными, и я их тоже буду кусать и кусать…

– Ха-ха-ха, хи-хи-хи! Вы так говорите, а не знаете, что Сержик никогда не женится? – заступался за старшего брата Аршо, – и его дети тоже никогда не женятся. Ха-ха-ха, хи-хи-хи!

Аршо очень удивлялся, что после этого горького предупреждения Хацони пап Ованес заливался весёлым смехом, как будто находился не на улице, а в периодически приезжающем в Сухум Московском цирке и смотрел, как Олег Попов ловит солнечного зайчика.

Он, оказывается, мало того, что хацони пап, да он ещё и такой злой, такой злой!..

Почти как дядя Ншан, он с длинной шваброй в руках всегда гонится за маленькими детьми, которые, совсем-совсем никому не мешая, строят домики перед его домом на песке.

– Он-то может не жениться, но его детей я всё равно поймаю в капусте. И будет вам потом «ха-ха-ха, хи-хи-хи», – не унимался дед Ованес.

– А мы не будем сажать капусту, вот так! – держала круговую оборону за братьев Аршалуйс и пыталась контр-атаковать с помощью мамы, – правда, что мы не будем сажать капусту, правда, мама, да?

– Да, золотце моё, – смеялась тётя Вардишах, – вместо капусты мы будем сажать лахану.

– Вот так, – радовалась Аршалуйс, – а мы будем сажать лахану вместо капусты, а там детей никогда не бывает. Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

Против этой железной логики у деда Ованеса не было никаких весомых аргументов, и его весёлый громкий смех красноречиво свидетельствовал о полной и безоговорочной капитуляции, сравнимой только с позорной капитуляцией квантунской армии в августе 1945 года. На худой конец капитуляцию деда Ованеса можно было сравнить и с капитуляцией армии генерал-фельдмаршала Паулюса под Сталинградом в 1943 году.

Пользуясь возможностью, в двух словах скажем, что дети и взрослые внуки деда Ованеса жили «в Москвах», то есть где-то там, в России, и приезжали в родительский дом очень редко – ежегодно во время летних отпусков. И всю свою переливающуюся через край любовь, которая накапливалась в течение года, дед Ованес щедро тратил на соседских детей, выказывая её безжалостным кусанием их щёк.

Не меньше «кусалась» и его богатая, с проседью щетина, которой дед Ованес гладил нежные детские щёчки до покраснения и даже раздражения. Вот почему мы его называли «Хацони пап» – кусающийся дед, и когда видели его на улице, кричали: «Хацони пап идёт, Хацони пап идёт!» И чтобы не оказаться в его крепких объятиях, мы в страхе разбегались в разные стороны: мальчишки – побросав свои самокаты на подшипниках, девчонки – верёвочки, через которые прыгали, а играющие в «классики» – плоские камешки, а иногда и заработанные в поте лица трофеи – разнообразные фантики.

Его именем нас часто пугали наши мамы, когда мы нарушали «установленный на нашей улице порядок»: «Вот скажу Хацони пап Ованесу чем вы занимаетесь, как отвратительно плохо ведёте себя, ох и достанется же вам, так достанется, что даже порка ремнём от дяди Сергея и «укусы зелёной собаки» (то есть крапивы) от тёти Зварт покажутся вам бесконечно нежной лаской!»

Сержик не на шутку опасался, что Хацони пап Ованес может прийти к ним для «выяснения отношений», грозящим уже читателю известными последствиями, когда даже порка ремнём от дяди Сергея и «укусы зелёной собаки» от тёти Зварт показались бы нежной материнской лаской.

Чтобы каким-то образом уберечь брата от этой не совсем радужной перспективы, Аршо на плотно прибитых друг к другу планках штакетника калитки зелёной краской нарисовал нечто,

отдалённо напоминающее собаку с широким оскалом. И это «нечто» больше напоминало пугачёвскую «розовую козу» (в нашем случае зелёную): «вместо хвоста нога, а на ноге – рога, я не хотел бы вновь встретиться с той козой»...

«Вот так, чем страшнее, тем лучше», – должно быть решил Аршо.

Затем он в душе немного пожалел Хацони пап Ованеса и на всякий случай (подальше от греха), а скорее для собственного успокоения, предупредительно вывел той же зелёной краской (кстати, без знаков препинания и с некоторыми орфографическими ошибками), заняв всю калиточную площадь: «Не захадит очен астарожна сразу за калиткой злая собака перезлая совсем лежит укусит сорок штук уколы будет болно».

И это грозное предупреждение, по твёрдому убеждению Аршо, должно было перед калиткой как вкопанного остановить «жало́бчика» Хацони пап Ованеса.

Конечно, все знали, что никакой собаки, и особенно «перезлой совсем», тем более сразу же за калиткой, не было, и, тем не менее, это «предупреждение» стало поводом для многосерийных шуток и подколов.

«А если Хацони пап Ованес возьмёт да укусит злую собаку, перезлую совсем?.. Кто же бедняге сорок дней подряд будет делать уколы от бешенства?» – очень переживал дядя Язвитель Андраник. Он так переживал, что задумчиво качал головой, думая о том, что шедевр от Аршо достоин быть опубликованным в журнале «Крокодил» под рубрикой «Нарочно не придумаешь», а оттуда, почему бы и нет, может как эпизодический фрагмент попасть в одну из миниатюр комического дуэта Штепселя и Тарапуньки, или же самого Аркадия Райкина. И дядя Язвитель Андраник не только воочию видел страницу обожаемого им журнала с непридумашками, под которыми стояла подпись: «Собрал Андраник Минасян», но и явственно чувствовал головокружительный запах свежей типографской краски. И ещё дядя Язвитель Андраник видел, как на всю необъятную нашу страну Аркадий Райкин по телевизору во время передачи «Голубой огонёк» объявляет, что данная миниатюра подготовлена по материалам, собранным неутомимым этнографом Андраником Минасяном!

Со временем у Сержика появились новые гибкие пластинки с песнями Рози Армен, Мануэля и даже Владимира Высоцкого. Как-то дядя Язвитель Андраник подарил Сержику пластинку

с очень любимой амшеноармянами «Песней чобана», до сих пор считающейся народной (в скобках замечу, что поэт Ашот Кочконян, ныне покойный, в разговоре со мной утверждал, что он является автором слов этой песни. Верю, ибо перу Ашота принадлежат несколько замечательных стихотворений на амшеноармянском диалекте, не уступающих «Песне чобана»). «Шуруй, Сержик», – сказал дядя Язвитель Андраник.

И Сержик добросовестно «шуровал на всю шуровалку». Но любое «шурование» начиналось с песни о медвежонке Жана Татляна. Далее по репертуару в заснеженных горах на морозящем ветру страдал и ежился от холода чобан с припорошенной снегом бородой, «вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю» неистовствовали привередливые кони Высоцкого… Завершался концерт песней «Эй, джан, Ереван»:

Звёзды ереванские ярко так горят,
А цветы душистые льют свой аромат,
Девушки красивые, свежи, как весна,
Кто их повстречает, тот лишится сна.

…С именем Хацони пап Ованеса связана одна довольно-таки забавная история, которая со временем стала новогодней притчей. Её рассказывали наши соседи, вернее, соседки. И каждая из них считала своим долгом по чрезвычайно строгому секрету добавить к услышанному якобы только ей одной известную какую-то мелочь, какую-то деталь. Но очень важную мелочь, очень серьёзную деталь.

Подозреваю, что наши соседки сами (нет, не специально, конечно, а «на встопорщившихся крыльях азарта», как образно говорил дядя Язвитель Андраник) выдумывали эти очень важные мелочи и очень серьёзные детали, а через некоторое время искренне верили в то, что сами же придумывали «на встопорщившихся крыльях азарта».

Были и те, кто с нескрываемым сомнением относился к этой истории, считая её своеобразным, сегодняшним языком говоря, пиаром, специально придуманным самим Хацони пап Ованесом, ведь «все прекрасно знают, что Хацони пап Ованес всегда любил быть в центре женского внимания, главным героем их рассказов – и совсем-совсем без разницы: положительным или отрицательным».

Я за стопроцентную достоверность «своей версии» этой истории, конечно, не ручаюсь.

Кстати, это вовсе не «моя версия», а «версия от тёти Шохер» (Лучи), случайно услышанная мной, когда мы с мамой были у неё в гостях.

Но ещё никем не отменённую поговорку о том, что дыма без огня не бывает, подтверждают, пусть и косвенно, настоянные на жгучей (как мамина фирменная красная аджика с пропущенным через мясорубку грецким орехом) обиде слова жены Хацони пап Ованеса – тёти Раи, когда тот доводил её до отчаянного состояния: «Вот сейчас если я вдруг открою свой рот». И этого состояния, кстати, периодически повторяющегося, хватало только на одно-единственное изречение, которое как цитата повторялось на нашей с многочисленными переулочными ответвлениями улице во время традиционных кофепитий: «Хоть и простила я твой отвратительный поступок, простила, ломая своё самолюбие, но никогда не забуду, до конца своей жизни не забуду, и в мой самый последний момент не забуду и напомню тебе, как же жестоко ты обидел меня тогда, нет, не обидел – можно сказать, даже оскорбил!..»

Более ли менее «подконтрольное состояние» тёти Раи после такого бессердечного слова «оскорбил» переходило в новое душевное качество, граничащее с той красной чертой, которую тётя Рая не переступала, вернее, не могла переступить. Она довольно-таки плавно доходила до этой красной черты под названием «оскорбил» и всё – «намертво включался стоп-кран» в виде наворачивающихся на глаза слез.

Так что, тётя Рая никогда, «вдруг открывая свой рот», ни единым словом не смогла обмолвиться об «отвратительном поступке» своего мужа.

Ставшая фольклором «версия от тёти Шохер» гласила о том, что в молодости, когда Хацони пап Ованес не только не был «хацони» и тем более «папом», а был прос-то балагуром Овесом, у него начали появляться «упрямые хотимчики» как на лице, так и в мечтаниях тоже.

«Те, которые в мечтаниях, особенно активничали ночью, – полушёпотом повествовала тётя Шохер и со знанием дела констатировала, – они, оказывается, просто издевались над бедным Овесом, сводили его с ума».

Тётя Шохер была уверена, что «именно, не больше и не меньше, для решения своей хотимчиковой проблемы Овес начал ухаживать за красавицей Раей, на всякий случай держа в уме как запасной вариант её ближайшую подругу Люду».

«Но здесь я должна сделать очень существенное отступление, – уже твёрдым голосом сообщала тётя Шохер, – к своей чести, Овес решил поступить как настоящий мужчина – честно и благородно, и свою проблему решить через псак (бракосочетание). Но…»

После многозначительного «но…» тётя Шохер отпивала глоток кофе и переходя на полный шёпот, сообщала как страшную государственную тайну, за разглашение которой грозило пожизненное заключение в колонии строго режима: «Но об этом «но…», ты представляешь, Гегануш, наивная до глупости Рая даже не подозревала, – здесь тётя Шохер переходила на полуигру слов, – потому что жила в своём придуманном раю?!»

И в такой, не совсем простой для себя ситуации, Овес, по мнению тёти Шохер, совершил не до конца продуманный, а скорее, даже опрометчивый шаг.

Так вот, не придумав ничего лучшего, он одновременно отправил сватов к обеим подругам, решив таким нестандартным образом стопроцентно увеличить свои шансы на успех, то есть, свести возможность провала к минимуму, а ещё лучше – к нулю: «В любом случае, одна из них согласится», – по мнению тёти Шохер, именно так резонно рассуждал Овес, всё больше и больше отдаваясь на милость «хотимчикам» (он, возможно, уже чувствовал, что до своей полной капитуляции остаётся не так уж и много времени).

«Конечно, – продолжала развивать свою мысль тётя Шохер, – Овес не рассматривал мысль о том, что обе подруги могут отказать. А о том, что обе подруги могут согласиться, он почему-то не думал».

И вот, в одну из завершающих уходящий год ночь, сваты, в тактических соображениях отправленные по двум стратегическим направлениям, в хорошем расположении духа и с глубоким чувством полностью исполненного долга, хоть и не совсем твёрдой походкой, но в таких случаях – естественной, вернулись домой…

Подозреваю, что мой читатель уже догадался: согласились и красавица Рая, и её подруга, тоже красавица, Люда!

«Не буду рассказывать о том, что же происходило на следующий день, когда независимо друг от друга Райка и Людочка решили на радостях поделиться друг с другом такой доброй, такой замечательной новогодней новостью», – многозначительно недоговаривала тётя Шохер, на всякий случай беленькой ладошкой прикрывая рот, чтобы ненароком не взболтнуть лишнего… Мы тоже последуем её примеру: пусть читатель сам по мере своей фантазии и, как говорится, лёгкой испорченности тоже, продолжит эту трагикомическую историю... Мы со своей стороны всего лишь заверим, что любая из версий, предложенных читателем, удивительным образом будет не только соответствовать действительности, но и совпадать с ней.

Добавим только, что вскоре родилась народная притча, гласящая о том, что телёнок, каким бы ласковым и нежным ни был, в гонке за двумя матками рискует остаться без сосок.

Но к чести деда Ованеса скажем, что за очень короткий промежуток времени ему всё же удалось, вполне возможно путём глубокого покаяния и отказа от «одной матки», исправить допущенную оплошность (или искупить свою вину?) и добиться благосклонности Раи. Тем самым он поставил под серьёзное сомнение бесспорность вышеприведённой притчи, безжалостно обнажив её уязвимый бок… «Притча родилась с большими логическими отклонениями», – наверняка глубоко вздохнул дядя Язвитель Андраник, ещё одной поговоркой обогатив сокровищницу амшеноармянского фольклора.

…Хацони пап Ованес добродушно смеялся над отчаянным криком души тёти Раи, предупреждающей, что «вот сейчас если я открою свой рот»: «Э-эх, солнышко моё, моё ярколичико ненаглядное, нет, не оценили вы порыва души моей! Я же за вас, двух неразлучных подруг, старался. Вы ж были двумя крыльями любви моей. Вот и до сих пор волочу своё однокрылое существование, страдаю глубоко и волочу».

…Уже никто не знает толком: быль ли это? А может быть и небыль от дяди Язвителя Андраника.

По правде говоря, я подозреваю, что у дяди Язвителя Андраника в «кармане», вернее, в его чреве фантазий, было несколько

плодов таких историй-заготовок, которые буквально томились в очереди в нетерпеливом ожидании удобного момента для своего скорейшего появления на белый свет.

Я опять отвлёкся своими неоправданными «отступлениями», давайте вернёмся к Сержику...

Так что же я говорил о Сержике?

Ах да! К девятому классу Сержик буквально преобразился. Невозможно было узнать его, он заметно прибавил в росте, превратился в стройного юношу. Но самое главное – в корне изменилось его отношение к учёбе.

Приход Сержика в школу 1 сентября с твёрдым намерением учиться, не пропуская занятия, застал врасплох учителей и создал определённые технические трудности, которые вскорости были успешно преодолены. Дело в том, что в классе все места за партами были заняты без учёта Сержика, и никто не мог предположить, что он вдруг решит добросовестно посещать занятия, даже не опаздывая. Пришлось самому Сержику с помощью завхоза Устяна из нескольких сломанных парт собрать одну. Поставили парту в углу класса под последним – третьим окном. На свободное рядом с Сержиком место во время контрольных работ иногда садились учителя, а также приходившие на проверку директор школы Жорж Эрукян и завуч Оник Гаспарян, а потом и заменившие его Карзуи Саркисян и Альберт Овсепян.

Сержик усиленно занимался днём и ночью, пытаясь за очень короткое время наверстать знания, упущенные в течение всего предыдущего многолетнего учебного периода.

Вы, возможно, не поверите, но он действительно наверстал! И наверстал на «ещё как!» И этому чудесному «перевоплощению» Сержика предшествовало внезапное умолкание «ящика», хотя он продолжал сиротливо «прятаться от всяких ненастных и прочих покушений» под жестяным козырьком на макушке дерева, как напоминание о сногшибательной популярности Жана Татляна на нашем переулке.

Через несколько дней «после умолкания» ящика мы с удивлением увидели, что его облюбовали две ласточки и в нём стали вить своё гнездо!

«Интересно, – дядя Язвитель Андраник первым заподозрил, что «здесь что-то не совсем так», – чувствую, обязатель-

но должно случиться благое! Это же добрая примета, когда две ласточки берутся вить гнездо! И песня ласточки красивая, с разнообразными переливами, как игра солнечных лучей на тёмно-синем колыхании морских волн».

И дядя Язвитель Андраник запел очень грустную песню на слова Газароса Агаяна, в нескольких строках которой сконцентрирована, нет, спрессована историческая судьба армянского народа:

Ласточка вила гнездо,
Она вила и пела...
С каждой новой веточкой
Вспоминала старое гнездо.
Лишь раз она гнездо вила,
И много раз подшивала,
Но на этот раз, возвратившись,
Нашла лишь его обломки.
Теперь она снова плетёт гнездо,
Плетёт и поёт
И с каждой новой веточкой
Вспоминает своё старое гнездо.
Она помнит, что в прошлом году
Ею вскормленных птенцов
По дороге похитили
Кровожадные враги.
Но всё равно гнездо плетёт,
Плетёт и поёт,
С каждой новой веточкой
Вспоминает старое гнездо.

Соседи почти не видели Сержика. Видели только рано утром, когда он спешил в школу, и днём, когда торопливо возвращался из школы. Всё остальное время он безвылазно проводил дома.

Тётя Манушак как благую весть сказала тёте Арнук, что Сержик очень много читает и пишет, потому что хочет поступить в университет и, «представляете?, на радиоинженера!» И эта замечательная новость буквально через несколько минут стала главной темой разговоров за кофейными посиделками.

Но тут неожиданно «взбунтовался» Хацони пап Ованес: «Как же так, – «очень серьёзно возмущался и ехидничал» он

и никак не мог «замаскировать лукавинки» в уголках нет-нет да искрящихся добротой глаз.– Мы, конечно, от души приветствуем чудесное желание Сержика превращать в первосортную муку гранит науки путём его круглосуточного грызения, но объясните, пожалуйста: в чём провинился любимый всеми нами Жан Татлян, песню которого мы слушали уже стоя, почти с замиранием сердца, а иногда и со слезами на глазах? Она же по праву стала гимном нашего переулка?! Лично мне обидно и за белого медвежонка тоже, даже, можно сказать, очень обидно!»

По всем предметам Сержик получал только заслуженные «пятёрки с крестиками», а физику и математику он безжалостно рвал «как злая собака перезлая совсем, которая за калиткой лежит», аж клочья летели. И никто не удивился, когда он с отличными экзаменационными оценками окончил школу и с таким же успехом поступил на отделение радиотехники и электроники физико-математического факультета Краснодарского госуниверситета.

Одновременно с учёбой Сержик подрабатывал на каком-то производстве ночным сторожем. Он учился на отлично, стал ленинским стипендиатом, а это, скажу вам, было ни много ни мало сто двадцать рублей – чувствительно больше многих зарплат тех времён (мой отец, например, работая на ткацкой фабрике слесарем, получал семьдесят рублей). Так что, он финансово поддерживал и семью.

Сержик выступал с научными докладами на симпозиумах, преподаватели прочили ему блестящее научное будущее, предлагали подумать о поступлении в аспирантуру.

Но как бывает часто, суббота пришла раньше пятницы: под самый конец четвёртого курса, где-то в середине апреля, Сержик, неожиданно для всех, бросил учёбу, повергнув своих преподавателей и друзей, говоря боксёрским языком, в глубокий нокдаун, а возможно и нокаут.

Но мы не будем укорять Сержика, а с болью в сердце сообщим, что бросил он учёбу вынужденно.

Сержик вернулся в родной город и сразу же устроился на работу в «Спецавтохозяйство». Рано утром их мусоровоз выезжал на одну из главных дорог города – Афонское шассе. Сержик и

его напарник загружали в кузов спецмашины собранный или просто вываленный на обочинах дорог разнообразный мусор, затем отвозили на Сухумский мусорный полигон в микрорайоне Маяка.

Вскоре Сержика вызвали в горвоенкомат, но учитывая сложившееся семейное положение, дали ему отсрочку от осеннего призыва.

В мае следующего года его призвали на действительную военную службу, которую он прошел в далёкой Мурманской области. Здесь Сержик в приказном порядке был зачислен в 227-ю военную школу поваров, которая находилась на автодороге Мурманск – Кола. После окончания с отличием шестимесячного учебного курса Сержик получил квалификацию военного повара третьего разряда и продолжил службу в Н-ском отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе в пограничной зоне на территории посёлка Алакуртти Кандалакшского района – в непосредственной близости от советско-финской границы.

Через несколько дней, сразу после прибытия Сержика в свою войсковую часть, начались окружные военно-полевые учения в экстремальных условиях сурового Заполярья, где от пятидесятиградусного мороза аж лопалась тишина. Проводил учения начальник ПВО Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Амбарцум Амбарцумян.

Сам генерал и прибывшая с ним группа инспекторов питались вместе с солдатами в полевой столовой, но обслуживал их Сержик.

Как-то во время обеда генерал поинтересовался: откуда Сержик родом?

«Хорошо знаю ваши места, – сказал генерал удовлетворённо, внимательно выслушав ответ Сержика, – особенно район Турбазы, где расположен санаторий ПВО. Там я отдыхал несколько лет подряд. Чуть дальше от его корпусов, на небольшой горке, незадолго до своей смерти купил дом адмирал Флота Советского Союза Иван Исаков. Он хотел переехать на постоянное жительство в Абхазию к своему приёмному сыну – Керселяну Арташесу Самвеловичу. Кстати, адмирал очень серьёзно работал над научным трудом по истории негров, проживающих в селе Адзюбже Очамчирского района. И ещё, он лелеял мечту построить в Сухуме порт всесоюзного значения,

над планом которого очень серьёзно работал, – рассказал генерал Амбарцумян и неожиданно спросил, – а ты не помнишь, жарила ли твоя мама картошку на углях?»

«Так точно, товарищ генерал, помню, – ответил Сержик, – помню, жарила и обязательно в мундире, с помидорами и баклажанами, без соли. Соль посыпают потом, во время потребления». «Сможешь пожарить именно так?» «Как мама не смогу. Сколько бы ни старался, не смогу, потому что у мамы всегда получается вкуснее».

Генералу, наверно, понравился ответ Сержика, потому что он улыбнулся под сталинскими усами, но тем не менее, очень просто, как-то по-отцовски попросил: «А ты постарайся, сынок, очень постарайся!»

Генерал-лейтенант по достоинству оценил приготовленное блюдо: «Спасибо, дорогой! Именно такую картошку я пробовал по дороге на Рицу на берегу горной реки. Как будто вновь побывал в вашем замечательном крае, пропитанном густым дымом горных костров, разведённых пастухами под звёздным небом».

По результатам учений вместе с группой отличившихся воинов генеральским приказом двухнедельным отпуском был поощрён и Сержик. Ему было вручено Благодарственное письмо за подписью командира части полковника Калачёва: «На полевых занятиях вы действовали умело и сноровисто, доказав, что верны присяге и достойно продолжаете боевые традиции однополчан-фронтовиков. За отличную выучку, высокие морально-боевые качества объявляю Вам благодарность».

Этот отпуск как воздух был нужен Сержику и ещё больше – его матери.

Из отпуска Сержик возвращался в свою часть через Ленинград. Здесь он задержался на несколько дней у своих знакомых, которые летние каникулы проводили в Сухуме в доме тёти Манушак.

Эти несколько дней Сержик «сэкономил» за счёт полётов на самолёте, за небольшую доплату обменяв железнодорожный на авиабилет.

Ленинградские дни на всю жизнь запомнились Сержику яркими впечатлениями от посещения знаменитого Эрмитажа и Летнего сада.

Специальность повара пришлась Сержику по душе. После увольнения в запас он начал работать на одном из объектов треста столовых и ресторанов.

Здесь он познакомился с замечательной девушкой Ниной Поповой – инженером-технологом.

Вскоре они женились. Родился у них сын Варужан, названный так в честь деда, потом родилась дочка, которую родители хотели назвать как и бабушку – Вардишах.

Но, к всеобщему удивлению, тётя Вардишах категорически воспротивилась: «Дайте ей светлое, доброе и чис-тое армянское имя», – попросила она, особо подчеркнув: армянское имя, потому что в то время было модным нарекать детей иностранными именами, иногда довольно-таки забавными, как будто молодые родители соревновались в оригинальничании. Сержик и Нина назвали новорожденную красивым именем – Нанэ.

За этот период Сержик заочно окончил институт пищевой промышленности в Москве.

Я точно знаю, что от нетерпения читатель уже начинает сердиться. Моя склонность «тянуть резину» может завершиться тем, что наверняка лопнет терпение читателя, ждущего повествования о том, почему же ленинский стипендиат Сержик бросил учёбу почти на последнем курсе, отказавшись от перспективной научной карьеры.

Бросил, потому что в семье тёти Вардишах случилась трагедия, боль которой не стихает в моём сердце до сих пор.

Вот и сейчас она всколыхнула меня, и я, чтобы окончательно не извести свою душу, попрошу прощения у читателя и расскажу о красавице Аршалуйс – дочке тёти Вардишах.

II

Аршалуйс с отличием окончила местное медицинское училище, поступив туда после получения основного общего образования.

Она начала работать медсестрой в кардиологическом отделении городской клинической больницы.

Будучи школьницей, Аршалуйс много читала, интересовалась книжными новинками. И эта любовь к художественной литературе привела её на заочное отделение филологического факультета местного госпединститута имени Горького, преоб-

разованного затем в госуниверситет, когда Аршалуйс была студенткой первого курса (так и заполнен её диплом: поступила в Сухумский пединститут, окончила Абхазский госуниверситет). Она умело совмещала работу с учёбой, а в свободное время, иногда и во время ночных дежурств, с удовольствием занималась чтением художественной литературы.

Будучи студенткой третьего курса, Аршалуйс прочла в республиканской газете статью об одном из дальних сёл республики Нор гюх (Новое село).

В статье много места уделялось проблемам образования и медпункта. Автор с сердечной болью рассказывал о том, что школа нуждается в квалифицированных специалистах по многим предметам, в том числе и по русскому языку и литературе. В плачевном состоянии находился и армянский сектор. Не было в селе и медсестры, медпункт был закрыт. Сам бог, наверно, велел, чтобы Аршалуйс поехала в это дальнее село. В течение нескольких дней Аршалуйс уволилась с работы, хотя руководство больницы старалось «образумить дурёху». Но куда там!

Она получила необходимые документы в ректорате университета и выехала в село.

Её решение поощрили в министерствах просвещения и здравоохранения, пообещало свою всестороннюю поддержку и руководство райкома комсомола, где вторым секретарём работала Диана Мачулия. С ней Аршалуйс познакомилась в больнице, куда приходила Диана к своей бабушке, лечившейся в кардиологическом отделении. Выяснилось, что у девушек много общих интересов, и они быстро подружились. Потом часто встречались и делились своими планами на будущее.

Стоит ли говорить о том, что Аршалуйс стала настоящей находкой для села, дверь и окна медпункта которого наконец-то открылись?

Как самого дорогого человека встретил её не на шутку растерявшийся от приятной неожиданности педколлектив школы. Здесь русский язык и литературу преподавал владеющий некоторыми боксёрскими навыками учитель физкультуры, который, как сказал бы дядя Язвитель Андраник, имел «еле-еле доосновное среднее образование». Оказывается, и в советское время сельские школы лихорадило от многочисленных проблем, одной из которых было обеспечение учебных заведений

педкадрами, и для привлечения специалистов государство всячески поощряло их труд. Например, сельсоветы компенсировали коммунальные затраты, безвозмездно выделяли земельный участок (двадцать пять соток), который оставался за учителем даже после его ухода из школы, военкоматы освобождали учителей мужского пола от службы в армии...

Учащиеся полюбили Аршалуйс, очень полюбили. Многие, особенно младшие среднеклассницы (мальчики старались вести себя подчёркнуто серьёзно), встречали её у деревянной двухскатной лестницы через забор на входе в обширный школьный двор. И вот так, в окружении детворы, весело переговариваясь, Аршалуйс приходила в школу.

Через некоторое время вслед за ней приехал в село и молодой специалист Армен: агроном, выпускник субтропического института, главный специалист Минсельхоза. Вернее, его привела в село любовь к Аршалуйс. Он тайно вздыхал по ней и когда узнал о неожиданном решении Аршалуйс, не задумываясь последовал её примеру. Родители его «глупую инициативу» приняли в штыки:

– Не будь идиотом, не ставь крест на свою судьбу. Как ты можешь бросить такое престижное место в минсельхозе, оттуда для тебя уже проложена прямая дорога в отдел сельского хозяйства обкома партии. Больше года уважаемые люди сохраняли вакансию специально для тебя. Они ждали, когда ты окончишь институт, и с распростёртыми руками встретили тебя, приголубили, приласкали, выделили отдельный кабинет! Ты не только подводишь родителей, но и ставишь в неловкое положение руководство целого министерства. Кто после этого с нами считаться будет? Ты подумал об этом? Никто тебя не поймёт, ни один человек в мире не поймёт тебя!

– Почему не поймут? Почему вы так плохо думаете о людях? Поймут, и очень даже правильно поймут, они даже поддержат.

– Никто глупости правильно понимать не будет, да и при огромном желании не сможет понять, потому что в тебе с некоторых пор глупость соседствует с тупостью. Я даже не подозревала, что эти сёстры-двойняшки так мило и озорно лукавствуют в тебе, – негодовала мама Армена.

Но Армен был непреклонен. Тем более, его решение с радостью поддержал председатель Государственного агропромышленного комплекса, первый заместитель председателя прави-

тельства Абхазии Смбат Агасерович Саакян, с сыном которого, Артюшой, работавшим инструктором в Сухумском райкоме партии, дружил Армен. Смбат Агасерович несказанно был удивлён, потому что практически все выпускники субтропического института всеми правдами и неправдами отказывались от работы не только в дальних, но и вообще в сёлах – старались устроиться в столице, или, в худшем случаем, в каком-нибудь районном центре. Потом его удивление перешло в такую же радость: «Нет, всё же хорошая у нас молодёжь», – подумал он и сказал:

– Правильное решение, село Нор гюх нуждается в квалифицированном агрономе. Вот и работай, покажи себя на практике. Своими глазами увидишь, какое это замечательное село! А потирать штаны в министерстве любой дурак сможет.

Вот так первый раз в жизни Армен воспротивился воле родителей. Это было неслыханно, это было невероятно! Конечно, и раньше бывали случаи, когда его мнение не совпадало с мнением родителей, но они всегда «приходили к взаимоприемлемому консенсусу» путём обоюдных уступок. Но на этот раз, как говорили наши, «нашла коса камень».

И ошарашенная мать попыталась пустить, нет, не попыталась – пустила в ход последний резерв: «тяжёлую артиллерию». Но и она, «тяжёлая артиллерия», всегда безотказно обеспечивающая коренной перелом в любой, казалось бы безвыходной ситуации, на сей раз впустую «отстрелялась» крупнокалиберными снарядами: слезами. Ни один «снаряд» не попал в намеченную, тщательно скорректированную цель, сплошные недолёты и перелёты, а моментами «в пылу боя безжалостно обстреливались даже собственные позиции». Почти как по стихотворению Александра Межирова:

Недолёт, перелёт, недолёт, перелёт,
По своим артиллерия бьёт.

Так что, вскоре село Нор гюх в лице Армена, отработавшего в министерстве четырнадцать обязательных при увольнении календарных дней, приобрело молодого специалиста с квалификацией учёного-агронома, а школа, по совместительству, преподавателя цикла биологических предметов.

Вот так интересы трёх министерств – просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства – и всеми забытого горного села здорово сфокусировались в судьбе Аршалуйс и Армена.

В одноэтажном здании колхозного правления, побелённом известью и потому названном «местным белым домом», Армену выделили небольшую, пропитанную табачным дымом рабочую комнату. В середине комнаты стоял стол, а под окном – самодельный диван. В книжном шкафу, стоящем в углу, пылились несколько экземпляров «Малой земли» Леонида Ильича Брежнева, объёмистая телефонная книга, белая пластмассовая коробочка с чёрно-белыми шашечками для игры в домино, общая тетрадь с шеренгами игровых записей, а также пустые бутылки из-под сухумского пива и водки «Столичная». «Спортклуб любителей «Домино», – подумал про себя Армен, но ничего не сказал техничке, наводящей порядок.

К огромной радости Армена, медпункт находился в том же здании.

Армен практически каждый день видел Аршалуйс – и в школе, и в правлении колхоза. Иногда из школы они вместе приходили в «белый дом». Здесь они расходились: их кабинеты находились в противоположных концах коридора – друг против друга.

Мой сообразительный читатель уже наверняка понял, что дверь кабинета Армена всегда была открыта настежь, чтобы в его обзоре постоянно находился медпункт. И когда открывалась дверь медпункта, Армен видел, чем занята Аршалуйс. Правда, видимость немного закрывала монстера – большой комнатный цветок, стоящий почти перед входом в медпункт; его подарили Аршалуйс работники правления колхоза – «скинулись» с получки и купили аж в Сочи, куда специально для этого откомандировали водителя и секретаршу председателя Депеляна с официальной формулировкой: «В связи с производственной необходимостью...»

Оживилась школьная жизнь. Под руководством Аршалуйс учащиеся начали готовить литературно-художественное представление, посвящённое завершению учебного года.

С помощью райкома комсомола Аршалуйс организовала приезд писателей – членов литобъединения «Черноморская заря» и гостей из Армении в школу, которые с готовностью откликнулись на её предложение встретиться с ученическим и педагогическим коллективами. Конечно, писатели приехали не с пустыми руками: они привезли книги с автографами, журналы и газеты для школьной библиотеки.

Гостей из Армении принял председатель Союза писателей Абхазии Алексей Джонуа.

Об этой встрече в районной газете «Коммунистический труд» Армен опубликовал небольшую информацию: «В гостях у норагюхцев», в которой отметил, что «школа одна из ведущих учебных заведений района». Правда, чуть-чуть переборщил с похвалой, но ведь это он сделал ради воодушевления учителей и учащихся. Далее Армен писал: «В стенах школы часто встречаются с ветеранами войны и труда, писателями, передовиками производства, просто с интересными людьми. Одна из таких встреч сос-тоялась здесь на днях. В гостях у педколлектива и учащихся школы побывали гости из Армении: поэт Степан Микаэлян, прозаик Акоп Муш, певицы Саакануш Ароян и Маник Манукян. Их приезду в Абхазию предшествовала публикация на страницах ленинаканской городской газеты «Банвор» под рубрикой «Наш гость – литобъединение «Черноморская заря» подборки произведений армянских писателей, проживающих в Абхазии. Читатели «Банвора» познакомились с творчеством Ованеса Торосяна, Андраника Багаряна, Аракела Минасяна, Арама Асланяна, Вазгена Кансузяна… Директор школы Нонна Начкебия сказала, что «эта встреча в школе, где дружно трудятся и учатся русские, абхазы, грузины, армяне, эстонцы, греки, является свидетельством дружбы наших народов. Затем выступил член Союза писателей СССР, редактор-инструктор бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Армении Степан Микаэлян. Несколько своих сказок прочитал Акоп Муш. На встрече звучали армянские народные песни в исполнении солистки этнографического ансамбля Саакануш Ароян, а Маник Манукян – ученица народной артистки СССР Гоар Гаспарян – исполнила средневековые армянские песни, произведения классиков армянской музыки Комитаса, отрывок «Говорят, что ива» из оперы «Ануш». Своими песнями порадовали собравшихся и учащиеся школы Нвард Кондакчян, Роза Буюклян, Анжела Барцикян».

– Надо же, – радовались сельчане, – и о нашей школе напечатали в газете. Кто бы мог подумать? Глядишь, а там и по телевизору покажут. А что, мы чем-то хуже других? Или кто-то лучше нас?

И ещё одна замечательная встреча состоялась в школе. На этот раз с выдающимся гусаном Ашотом – певцом, композито-

ром и поэтом, автором многих гениальных песен: «Сюняц сарер», «Айоц дзорер», «Ов гишер, зов гишер» и других.

Проявились организаторские способности и у Армена – к его же удивлению. У него родилась идея провести «Амшенскую осень» – этнографический праздник, посвящённый истории и быту амшенских армян. Он написал сценарий, с которым очень внимательно ознакомилась Аршалуйс. Она сделала несколько существенных замечаний, которые Армен принял с благодарностью.

– Очень интересная идея рассказать историю амшенской части армянского народа, взяв за основу её традиционные блюда, выращиваемые фрукты и овощи,– поддержала Армена Аршалуйс.

Её похвала бросила Армена в краску, он почувствовал себя учеником начальной школы, которого за хорошее поведение и отличную учёбу хвалит любимая учительница.

Сценарий они размножили на пишущей машинке и раздали детям, из старшеклассников определили ведущих мероприятия. Так что, к осеннему празднику школа начала готовиться весной.

Почувствовав себя более уверенным, Армен начал писать небольшие зарисовки для местных газет.

Мне кажется, что только агроном с литературными способностями мог написать следующую зарисовку под названием «Земля отцов и мы» – с трепетной любовью к каждому слову и звуку, каждому дереву и листику. Всего несколько предложений, а какой глубокий смысл затаился между строк: «Я помню наш сад и моего мудрого деда, – писал Армен. – И ещё я помню кривой садовый нож в его руках. Вот я хожу за дедом от яблони к яблоне и смотрю, как на землю падают посечённые его острым ножом ветки. Мне, мальчишке, их жалко, они такие нежные, они выросли только прошлым летом. Их много. Дед собирает их и выбрасывает через забор. «Дедушка Епрем, – спрашивает сосед, – трудимся?» «А как же, – отвечает дед, – надо, а то крона вконец заполонилась, измельчает». И опять: жик… жик… Падают к моим ногам ветки. Они уже с приходом весны не разовьют почек, не зашумит листва на них. Так дед спасал деревья, выбрасывая через забор лишнее, ненужное, мешающее жизни дерева.

Осенью шумел сад и по-своему благодарил моего деда – дарил сочные, тяжёлые плоды.

Жалость моя была напрасной».

Воодушевлял Армена на сочинительство и пример другого агронома, ставшего классиком армянской литературы – Аксела Бакунца, который в 1937 году в 38-летнем возрасте по ложному обвинению был расстрелян сталинским режимом.

Наши предки говорили: «Школа сохраняет село; если есть школа, значит, будет и село». И как подтверждение этой истины, родители, отдавшие детей в другие школы, где с кадрами дела обстояли более благополучно, начали возвращать их в свою родную. И это было самым большим результатом только-только начинающейся работы молодых специалистов. Они своим трудом не только остановили отток людей из села, но и способствовали их возвращению в родные очаги. Оправдали они мудрые слова наших предков: сохранили село.

Конечно, обязательно были и те, кто считал, что «метла хорошо метёт, пока она новая».

– Вот поработают немного, разочаруются и уедут, – говорили одни.

– Что они потеряли здесь? – вопрошали другие и сами же отвечали, – да ничего! Если уедут, что более чем вероятно, мы опять окажемся у разбитого корыта. Опять молодёжь начнёт уходить из села.

– Типун всем вам на язык! Они приехали к нам не по казённому принуждению, приехали не отрабатывать положенный срок. Они приехали к нам по собственному желанию, по велению души. Приехали, зная, какие здесь условия, какие трудности. И потом: где же ещё есть такие сказочные места, такой чистейший воздух, такая кристальная вода, как у нас?! Во всём мире ищи и ищи – всё равно, не найдёшь!

– Ну хорошо, – не сдавались скептики, – положим, Аршалуйс приехала по велению души и совести. А как же Армен? Он же приехал не колхоз и школу поднимать... Он же увезёт от нас человека, вдохнувшего жизнь в наше село – Аршалуйс.

– Всё будет с точностью до наоборот: не Армен увезёт Аршалуйс из села, а Аршалуйс оставит Армена в нашем селе. Вот увидите!

– Дай Бог, дай Бог! Мы ведь тоже хотим, чтобы они остались, не уезжали.

Но их было мало, скептически настроенных. Практически все жители села верили в искренность Аршалуйс и Армена. И они не только поверили: они на общем собрании колхоза Аршалуйс, как молодому специалисту, выделили земельный участок и вскоре начали всем селом строить небольшой одноэтажный дом.

«После приезда Аршалуйс наше село неузнаваемо преобразилось, – говорили благодарные сельчане, – над нами действительно зажглась утренняя заря – аршалуйс. И Армен молодец! Очень внимательный, приветливый парень! А какой у него сладкий язык – даже змею из норы вытащит. Ох и не устоит Аршалуйс, как пить дать – не устоит! А может быть это именно тот случай, когда надо, чтобы не устояла?!»

Село начало возрождаться, оно начинало оправдывать своё название Нор гюх – Новое село.

III

После окончания школы Аршо (напомню: так называли Аршавира) попытался поступить на исторический факультет местного пединститута. И хотя попытка оказалась неудачной, но особой обиды не было: Аршо знал, куда шёл – был очень большой конкурс. По основному предмету, истории СССР, с большим трудом получил удовлетворительную оценку. Остальные экзамены (русский язык и литературу письменно и устно, а также иностранный – английский язык) он сдал довольно-таки хорошо, но не набрал необходимого проходного балла. Возможно «секрет неудачи таился» в том, что Аршо серьёзно готовился к поступлению на филологический факультет, но затем, разочарованный перспективой проведения бессонных ночей над исправлением тетрадей, буквально перед вступительными экзаменами, а точнее, перед дверью кабинета приёмной комиссии категорически отказался от филологии в пользу истории.

«Преподавать историю намного проще, – рассуждал он, – рассказал урок и всё, никаких исправлений работ. И ночные кошмары с покрасневшими от стыда буквами не будут сниться».

Он понимал, что поступил не совсем честно, что в его поступке было что-то предательское и, в первую очередь, к самому себе, а потом уже и к художественной литературе. Себя

же он оправдывал тем, что не мужское это дело – исправлять письменные работы.

– Кто бы сомневался, – говорили некоторые «знающие» соседи, – чтобы поступить на исторический факультет, надо заплатить пять тысяч рублей, а может быть и больше, смотря на кого нарвёшься. Без денег никто не поступает. Ведь исторический – престижный факультет, после него до горкома комсомола, а затем и партии, рукой подать. Можно устроиться даже в комитет госбезопасности.

– Как это никто не поступает? Поступили же Сержик и Аршалуйс!

– Извините, но их поступление – исключение из правил, доказывающее его правоту, – не сдавались «знающие», – филфак, физмат и истфак совершенно разные вещи, и цены совершенно разные. Пусть никто не говорит.

Не теряя времени, Аршо с помощью племянницы нашего соседа дяди Лёни Иванова – Марики Ивановой, работавшей на винзаводе технологом цеха розлива сухих и креплёных вин, а затем и лаборанткой, устроился на тарный склад по ремонту ящиков.

Завод находился напротив наших домов, сразу за оврагом Цуцхы. Склад Чичико Данелия располагался во дворе винзавода под огромным навесом.

Чтобы оправдать свою шестидесятирублёвую зарплату, Аршо был обязан ежедневно ремонтировать по сорок два ящика, которые рядами складывал на специальных стеллажах. Аршо получал немного, но зарплату приносил домой и до последней копейки отдавал матери. Это было хорошим подспорьем для семьи. Иногда «подворачивалась» и халтурная работа в виде разгрузки фур на территории завода и товарных вагонов на железнодорожной станции (ящики, бутылки, рулоны бумаги для этикеток, мешки с желатином, бентонитом и т.д.) – это была тяжёлая работа, которую выполняли грузчики, и Аршо помогал им. За такую работу ему давали всего десять-пятнадцать рублей. По тем времена, возможно, это было неплохо, хотя, конечно, не соответствовало объёму выполняемой работы.

На заводе Аршо поработал до двадцатых чисел апреля следующего года, когда ему исполнилось восемнадцать лет. Он уже на второй же день после своего дня рождения (как будто в

военкомате были заняты только тем, что с нетерпением ждали этого дня) получил повестку с извещением о том, что его вызывают на медицинскую комиссию для призыва в Вооружённые силы СССР.

Начальник отдела кадров винкомбината Нина Ашортия вручила Аршо трудовую книжку с двумя записями, гласящими о том, что он «1. Зачислен на тарный склад разнорабочим третьего разряда; 2. Освобождён от работы в связи с призывом на действительную службу в Советскую армию». Ашортия пожелала Аршо доброй службы и возвращения на родное предприятие.

В назначенный день Аршо явился в горвоенкомат, который тогда находился почти на берегу моря перед крепостными стенами древнейшего города Диоскурия. Здесь он прошёл медкомиссию, был признан годным к прохождению воинской службы и получил мобилизационное предписание явиться на сборный пункт двенадцатого мая.

В то время армейская служба считалась почётной обязанностью, настоящим мужским делом. Об освобождении от службы не могло быть и речи, нас никогда не посещали такие мысли. Конечно, были случаи, когда за деньги освобождались от службы «по состоянию здоровья», но это считалось, мягко говоря, большим минусом. Нас со школьной скамьи воспитывали на примерах воинов Советской армии, на полях сражений защитивших свою страну в годы Великой Отечественной войны, среди которых были и наши отцы и родственники. Слова Владимира Ленина «Учиться военному делу настоящим образом», ставшими лозунгом, мы знали наизусть. На уроках начальной военной подготовки под руководством военруков, кстати, кадровых офицеров, мы изучали военное дело действительно «настоящим образом» и на службу призывались в самые отдалённые регионы страны.

Многие из проживавших в городе призывников тех лет, а это были в основном одноклассники, соседи и знакомые по разным – республиканским и городским спортивным, литературно-художественным – состязаниям и конкурсам, в оставшиеся до призыва дни часто встречались и вместе коротали время. О встречах специально не договаривались, просто выходили в город. Так же все вместе провожали друзей на службу. Это стало традицией.

Гуляли группами, много фотографировались и ждали своего дня призыва. А коротали свободное время в основном на побережье: в кафе «Чайка», «У Акопа», «Амра», «Эльбрус», в ресторане «Диоскурия», построенном на крепостных стенах одноимённого древнейшего города, которому более двух тысяч лет. Излюбленными местами были и ресторан национальной кухни «Нартаа», где готовили вкусные хачапури «лодочки», и хинкальный бар «Черноморец». Сочные, крупные, посыпанные чёрным душистым перцем хинкали хорошо шли с холодным сухумским пивом и белыми сухими винами «Гелати» и «Эрети». Эти вина по вкусу мало отличались от марочных «Цицка», «Цинандали», «Цоликаури», отмеченных многими медалями на международных выставках, но были почти в четыре раза дешевле. Вот и разливались они в бутылки из-под марочных вин и реализовывались по дорогой цене.

Аршо не был исключением, он тоже почти каждый день выходил в город, где встречался с друзьями. Вставал он очень рано, часа три работал в огороде с мамой, а потом по короткой дороге, через химзавод, где позже случится большой пожар, во время которого от ожогов погибнет отец нашего одноклассника Дживана Петикяна (сейчас это территория Сухумского водоканала), спускался на вокзал, переходил железную дорогу мимо автопарка и выходил на рынок. А там до набережной уже было рукой подать.

Набережную Аршо сравнивал с широкой равнинной рекой, течение которой, в отличие от течения настоящей реки, одновременно распространялось в разные стороны. Сам берег напоминал муравейник, забитый полуголыми телами, по насыщенности загара которых местные легко отличали старых отдыхающих от новых. Понятно, что особым вниманием пользовались молодые женщины, за которыми толпами шли местные ребята.

В один из таких дней, поздно вечером, когда Аршо возвращался домой, попрощавшись с друзьями, в районе кафе «Эльбрус», где часто происходили разборки, кстати, даже с применением огнестрельного оружия, его дорогу перегородила подвыпившая компания. Он даже не успел заметить, как его взяли в плотное кольцо.

Эти ребята были, как местные говорили, из «отряда парашютистов». Они при встрече обязательно обнимались и це-

ловались. Обнимались и целовались столько раз, сколько раз встречались в течение дня. Странно было видеть целующихся в щёки молодых ребят.

Со временем, конечно, наши тоже научились целоваться, и эта «церемония» стала почти ритуальной, она и сейчас встречается нередко.

Так вот, подвыпившая компания обратилась к Аршо:

– Угости сигаретой, братан.

– Не курю я, ребята.

– Ну ты даёшь! Ты-то можешь не курить, но для таких ребят, как мы, должен иметь с собой пачку сухумского «Космоса» в твёрдой упаковке и зажигалку. Ну, на всякий случай, обязательно должен иметь.

(В ту пору сухумский «Космос» пользовался большим спросом. Его продавали «снизу», то есть из-под прилавка, по особому блату, за один рубль при цене семьдесят копеек – «космическая» по тем временам цена, когда, для сравнения, такие высококачественные армянские сигареты, как «Арин-берд» и «Ахтамар», а потом и «Арарат-73», в мягкой и твёрдой упаковках, стоили соответственно 30 и 40 копеек. Кстати, рубль в ту пору не был «деревянным», как сейчас, а имел хорошую покупательскую способность. Продавцы безошибочно угадывали «своих клиентов», а при малейшем сомнении отказывали.)

Подробностей дальнейшего разговора никто не знает, хотя потом некоторые говорили, что «мама сразу убегающего не плачет», а другие добавляли: «Но и глаза она поднять не может». Не знаю, это изречение имеет ли отношение к данному эпизоду нашего повествования, но оно сразу пришло мне на ум.

На собравшихся обратил внимание патрулировавший на набережной милицейский наряд, ибо была устная, ставшая источником многочисленных подколов установка начальника милиции, переиначенная острословами и вложенная в уста капитана Шапиро: «Кучка-кучка не собираться, три человека – уже кучка». А здесь было более десяти человек.

Увидев людей в форме, «парашютистов» сдуло морским ветром, разбежались кто куда – кроме одного из них: самого агрессивного, уверенного в своей безнаказанности, и Аршо, не чувствовавшего за собой никакой вины. Их привели в горотдел милиции.

– Ну что, допрыгались? Получите по пятнадцать суток и пойдёте улицы подметать…

– Что? Пятнадцать суток? Улицы подметать? Я? Сами получите свои пятнадцать суток и вместо меня пойдёте подметать улицы, – усмехнулся под нос «агрессивный». – Пишите, пишите...

Дежурный начал заполнять протоколы о задержании. После Аршо перешёл он к «агрессивному»:

– Фамилия, имя, отчество.

Тот с какой-то показушной, лениво-небрежной готовностью ответил.

– Так вы… Значит вы?.. – растерянно залепетал язык дежурного.

– Да, я, а что?..

– Он очень уважаемый и авторитетный в нашем обществе человек!

Аршо, конечно, не знал, кто «очень уважаемый и авторитетный в нашем обществе человек». Но было понятно, что речь шла о «хорошем человеке».

Он вдруг вспомнил, что именно о таких «уважаемых и авторитетных в обществе человеках» говорила тётя Арнук: «Не для таких «авторитетных человеках» геройски погиб мой брат Парук». А таких, не для которых погиб Парук, становилось всё больше и больше, и они, разбалованные безнаказанностью, становились бесцеремонно наглыми и беззастенчиво самовлюблёнными.

Аршо тут же увели в камеру предварительного задержания. Когда он выходил из кабинета, до его слуха дошёл льстиво-извиняющийся лепет милиционера:

– Вы простите нас… Мы не знали…

Конечно, не к Аршо обращался блюститель порядка.

Часа через полтора Аршо вызвали «на разговор», закончившийся избиением. Несколько раз хлёсткими ударами его сбивали с ног.

Надо воздать должное милиционерам: избивать они умели и делали это беспощадно. Били по животу и почкам профессионально, не оставляя следов.

Сегодня тоже избивают, но делают это из рук вон плохо. Нет, избивают «хорошо», и никому до этого дела нет.

– Из-за тебя мы обидели уважаемых людей… Скажи спасибо, что ещё легко отделался. Вот «погостишь» вплоть до своего призывного дня и прямо отсюда же шуранёшь в свою армию, а там глядишь и поумнеешь. Завтра решим, как быть и что делать с тобой.

Его опять поместили в ту же камеру, но вскоре вновь вызвали к дежурному, который как-то нехотя, с явным выражением недовольства на лице, протянул ему какую-то бумажку:

– Можешь уходить, ты свободен. Иди, иди, и больше не попадайся нам на глаза.

Аршо отпустили. Всё это произошло неожиданно и непонятно, ведь несколько минут назад обещали задержать его аж до призывного дня.

Возможно, его отпустили по ходатайству «очень уважаемого и авторитетного в нашем обществе человека»? А почему бы и нет? Вполне допустимо проявление «великодушия» с его стороны.

Да, они умеют именно так унижать людей – своим «благородством».

Аршо казалось, что его натянутые нервы гудят так, как электрические провода гудят на трещащем морозе. В ушах появился тонкий, своей постоянностью сумасводящий свист, который моментами настолько обострялся, накапливаясь в черепной коробке, что казалось, вот-вот пробьёт её, как пробивает подошву сапожное шило.

Перед горотделом, напротив Ботанического сада, Аршо полной грудью вздохнул плотный солёный воздух, волнами накатывающий свежесть морского прибоя по лунной дорожке к кафе «У Акопа», а оттуда ещё выше, по улице Ленина, к двусторонним лестничным ступенькам железнодорожной станции Бараташвили в виде раскрывшегося бутона цветка (здесь сегодня проводятся праздничные мероприятия, выставки картин местных художников). На повороте он слегка задевал забитый ларьками с мелкими сувенирами правосторонний подземный переход, выходящий к известному обезьяньему питомнику – институту экспериментальной патологии и терапии. Сухумчане институт до сих пор так и называют: институт Лапина – по фамилии его первого директора, хотя он давно переехал в Адлер.

Аршо, пошатываясь, прошёл площадь Бараташвили, мимо невзрачного книжного магазина под эстакадой, где продавалась хорошая художественная литература, в том числе и на армянском языке. Напротив городского Дворца пионеров (после грузино-абхазской войны здесь размещался Союз писателей Абхазии) через дорогу вышел на улицу Чочуа, которая прямиком вела к железнодорожному вокзалу. И хотя городской пассажирский транспорт работал до поздней ночи строго по расписанию, но Аршо пошёл пешком. Вдруг он вспомнил песню «Последняя электричка», снова перешёл дорогу и поднялся на железнодорожный мост и, как поётся в песне, по шпалам, опять по шпалам пошёл домой... Ему казалось, что тело вот-вот начнёт разваливаться, как скульптура, на куски, по частям.

Потом совсем некстати он вспомнил Анну Каренину... К счастью, пока он шёл к вокзалу, не проехал ни один поезд...

«За что? За что? За что?» – монотонно стучало в висках вперемешку с гулом и свистом в ушах.

Ему казалось, что он сходит с ума. «Возможно, это стало бы самым верным выходом из сложившейся ситуации», – думал Аршо. Нет, он должен выдержать, он должен остаться наедине с самим собой, чтобы постараться осмыслить кошмар дня.

Странно звучит, не правда ли: осмыслить кошмар? Как же можно осмыслить кошмар? Как же можно осмыслить несправедливость?

Аршо вспомнил, сколько страданий приносил отец своей семье, хотя с трепетной любовью обожал весь армянский народ, радовался его скудным удачам и успехам, и как бессильно страдал, читая его пропитанную кровью историю.

«Странно, – думал Аршо,– для всех армян в отцовском сердце находилось место, для всех, кроме самых близких, самых родных, именно тех, кто нуждался в его любви, внимании и понимании…»

Однажды мама, сдерживая слёзы, сказала как преду-предила: «Привыкайте с детства, что жизнь несправедлива, в ней много зла. Оно в одночасье обрушится на вас, когда вы войдёте во взрослую жизнь. Будьте готовы к встрече с ним. Иначе вам придётся очень тяжело».

Но Аршо не подозревал, что несправедливость может быть уродливо жестокой, быть до такой степени кощунственной, что

её носителями часто бывают именно те, кто должен и обязан защищать от неё.

И ещё Аршо подумал, что он не совсем правильно сформулировал свою мысль. Он отредактировал её так: «Очень часто справедливость надо оберегать именно от тех, кто обязан защищать её».

Пошёл дождь, среднеапрельский дождь. Он очень холодный, он острейше холодный, он пронизывающе холодный, ледяной, потому что скорее он мартовский дождь, чем апрельский – конечно, если считать по старому стилю, как это делали наши старшие: они всё, в том числе и религиозные праздники, считали по старому стилю.

(Мы, помню, иногда пользовались «противоборством» старого и нового стилей, порой некоторые праздники отмечали два раза. Я, например, разными «логическими ухитрениями» умудрялся два раза отмечать даже свой день рождения – по новому стилю, а потом и по старому.)

Дождь, возможно, сможет остудить горячее тело Аршо.

Но как погасить пожирающие его душу и разум языки пламени глубоких разочарований и сомнений, которые всё больше и больше одолевали его?

Аршо казалось, что капли дождя, наотмашь бьющие по лицу, по векам, особенно по разгорячённому лбу и вискам, тут же испаряются шипением, как будто на раскалённой сковороде.

И ещё Аршо подумал о том, что этот дождь уже никогда не прекратится, он будет лить и лить без конца – до конца его жизни. Он будет всё больше и больше усиливаться и всё больше и больше испаряться, превращаясь в густой туман, который окутывает цветения, а потом убивает их – в народе говорят: сжигает. Так знает короткий проливной дождь. «Такой дождь не бывает долгим. Но тогда почему же он на всю жизнь?»

И чем больше и больше горела душа до испепеления, тем больше и больше мёрзло тело до оледенения.

Аршо не знал, как называются эти ощущения, но ему казалось, что они сугубо индивидуальны, свойственны только ему одному. Они взаимоисключают друг друга, но в то же время этим же самым взаимоисключением наилучшим образом дополняют друг друга и обуславливают, как жизнь и смерть, обоюдное существование.

Возможно, как раз это и называется высшей гармонией.

Кто же знает, может быть и так.

…Вардишах ждала сына. Она сидела на тахте и вязала свитер для Аршалуйс: село Нор гюх горное, даже летними вечерами там прохладно, а иногда даже и холодно, свитер может пригодиться ей. Нет, почему может, он обязательно пригодится, и Аршалуйс обязательно почувствует нежность рук и тепло души матери.

Вардишах никогда, по старой привычке, не ложилась спать до возвращения Аршо. Накрывала стол на двоих и терпеливо ждала сына. Это не было привычкой, это было семейной традицией, имеющей глубокие корни: так поступали её мама, бабушка, прабабушка… Так поступают все армянские мамы. Почему же именно армянские? Так поступают все мамы, потому что они иначе не могут. Потому что они – мамы!

– Где же ты был, Аршо-джан, уже очень поздно? Ты никогда не задерживался так долго. Ты весь мокрый, переоденься, и давай пить чай с малиной.

– Извини, мама, я был с ребятами, задержался.

Он отказался от чая и лёг спать, если можно назвать весь этот кошмар сном.

Утром следующего дня он сказал матери, что перед призывом в армию хочет навестить близких родственников и обязательно погостить несколько дней у Аршалуйс.

Он побывал у всех родственников. К слову сказать, их было мало, родственников. И все они были только по материнской линии. Родственники со стороны отца жили в Армении – в городе Кировакане. Они практически не общались.

«Ухожу, – говорил Аршо, – вот приехал к вам перед дорогой... попрощаться...»

Родственники радушно принимали его, желали доброй службы: «Знаем, знаем, уходишь защищать родину. Это долг каждого мужчины».

Так же тепло прощались, когда Аршо собирался уходить: «Незаметно пролетит служба. Всего-то два года, да и то в мирное время. Отслужишь как положено, и мы обязательно отметим твоё возвращение из армии. А там, глядишь, и осчастливишь маму. Она достойна материнского счастья».

После посещения родственников Аршо побывал у Аршалуйс. Ему очень понравилось село, затерянное в горах: чистое и

ухоженное. Особенно понравились люди: добрые, отзывчивые. У жителей высокогорных сёл много внутреннего пространства. Я не знаю почему, но это именно так: возможно, из-за близости к первозданной красоте природы, где всё строго в меру: ничего лишнего и ничего недостающего.

Аршо было приятно, что люди ценят Аршалуйс, любят её всем своим внутренним пространством.

Познакомился он и с Арменом, который произвёл на него хорошее впечатление. Аршо сразу заметил, что Аршалуйс и Армен неравнодушны друг к другу.

Прошло несколько дней после того, как Аршо неожиданно «попал» в горотдел и так же неожиданно освободился. Появившийся после побоев монотонно пульсирующий в ушах свист, иногда переходящий в гул, не только не прекращался, но и наоборот, усиливался. И чем внимательнее Аршо прислушивался к нему, тем больше и больше он нарастал. Нарастал до дрожи во всём теле.

Так дрожит земля перед внутренними толчками.

Аршо дышал глубокими вдохами, во время которых боль как будто успокаивалась. Конечно, успокаивалась немного, совсем чуть-чуть, но всё же – успокаивалась. Но она так усиливалась во время выдоха, как будто какая-то невыносимая тяжесть наваливалась на грудь, и Аршо казалось, что вот-вот согнутся колени. И он непроизвольно, независимо от самого себя, растягивал вдыхание и по возможности сокращал выдыхание. Получалось очень тяжёлое, очень прерывистое дыхание, граничащее с задыханием.

Вот в таком состоянии Аршо попрощался с сестрой и Арменом. И пока он на председательском «Виллисе» ехал с директором школы Ноной Карловной, которая должна была сдать сведения о выпускниках в райотдел просвещения, ему становилось всё хуже и хуже.

Приехал он почти до дома: вышел чуть выше своей остановки, напротив хлебного магазина «Колос», под большими эвкалиптами на повороте. И хотя директор и водитель настоятельно просили подвести его до дома, он категорически отказался.

Машина последовала дальше в райотдел просвещения, который занимал одноэтажный белый домик с шиферной крышей в самом центре города – во дворе Сухумского горисполкома, что под городскими часами.

Забегая вперёд скажу, что этот домик отдела прос-вещения со своим методкабинетом, несколькими крохотными комнатами и полутёмным коридорчиком сгорел во время грузино-абхазской войны.

Сгорели и очень важные документы, в том числе и личные дела сотрудников отдела просвещения и директоров школ Сухумского района.

Аршо тяжёлой шатающейся походкой поплёлся домой. А может быть, это земля уходила из-под ног Аршо?

Ну вот он дошёл до ответвления дороги на три переулка. «Как в бабушкиных сказках: распутье, вещий камень, три дороги», – подумал Аршо. Интересно, какая из трёх дорог приносит счастье в бабушкиных сказках?

Левая? Прямая? Правая?

Раньше Аршо не думал об этом, как-то не обращал на это внимания. Действительно: какая?

Наверняка дорога, ведущая прямо. Не может же уходящая в сторону дорога приводить к цели. Точно, вспомнил Аршо, прямая дорога! Она всегда была самой трудной и суровой, но именно она, прямая, в конце концов, оказывалась единственно верной. И это правильно, так должно быть: уходящие в сторону дороги не могут быть удачными. А вот у Аршо дорога, надо же, ведёт налево метров на семьдесят, потом направо, и ещё раз направо.

Когда Аршо пришёл домой, его тело уже горело и покрывалось обильным потом. Аршо казалось, что идёт дождь, вернее продолжается тот дождь, который пошёл после того, как он вышел из горотдела милиции.

И этот дождь уже шёл прямо на Аршо, шёл именно на Аршо, только на Аршо, шёл вместе с ним, шёл в комнате, проникая через стены, через крышу и потолок. Он беспощадно хлестал по лицу, проникал через одежду, обволакивал всё его разгорячённое тело своими холодными струями… Он проходил через его тело, как вода беспрепятственно проходит через сито.

Это был его дождь. Только его. Он принадлежал ему. Только ему. Он бесконечно испарялся от внутренней жары его тела. Вернее, это был жар души.

Аршо казалось, что его тело лопается от контраста внутреннего тепла и наружного холода – от прикосновения дождя,

превращавшегося в густой пар, который затем становился туманом. Такой туман клубящимися, как дым, волнами поднимается снизу – из речной долины Нижней Эшеры. Поднимается по руслу реки Гумисты, цепляясь за выступы скал, за кроны деревьев, за кустарники и камни.

Он, туман, сперва закрывает долину, потом древнее городище, потом доходит до Верещагинского холма и верхнеэшерских дольменов, как бы окутывая их великими тайнами глубоких исторических времён. Потом поднимается ещё выше, непроницаемой молочной пеленой беспрепятственно проходит расплывающийся мутным пятном пост ГАИ, где почти всегда стоят разбитые машины.

Мимо этого моста не прошмыгнёт незамеченным даже «моркурик». («Тётушка» – так называется невидимый мифический зверёк. «Никто никогда не видел его, никто не знает, какой он из себя. Но то, что он есть – это факт, – говорила моя бабушка,– «моркурик» наказывает людей за неуважительное к нему отношение: он безжалостно уносит курей и цыплят. И многие, чтобы задобрить сердце «тётушки», специально для неё оставляют во дворе еду. Так гласит народная молва». Так поступала моя бабушка.)

Тяжело, очень тяжело приходится водителям в это туманное время на верхнеэшерской крутой, с подъёмами и спусками дороге, когда дальше «передка» машины, хоть глаз выколи, ничего не видно. Водителям необходимо быть очень осторожными и внимательными, чтобы, не дай бог, не врезаться в скалу, не сорваться в обрыв или столкнуться с другим автомобилем.

Потом туман доходит до дачных участков, выделенных рабочим и служащим в застойное социалистическое время, играючи проникает в густые девственные леса и поднимается по горным склонам. «Туман окутывает цветения, потом убивает их», – вдруг вспомнил Аршо услышанные в детстве слова. И эти слова, которым он никогда не придавал особого значения, набатом стали стучать в его висках.

Туман, как я заметил, появляется ежегодно и в нашей деревне на реке Мачарке в одно и то же время: именно в период раннего буйного цветения природы.

Мелкие кристаллики тумана оседают на нежных лепестках и цветочках растений.

Туман в наших краях, как правило, долго не задерживается, он расходится так же внезапно: неожиданно и быстро, как и появляется в одночасье, а вот кристаллики остаются, радужными улыбками отражая всплеск солнечных лучей – как белые точечки на разломанных ярко-красных арбузных ломтиках или же томата сорта «Анаит».

Вот эти прекрасно-весёлые кристаллики и сжигают цветенье, как-то играючи-легко сжигают, сжигают как-то озорно и шаловливо-радостно.

И через несколько дней цветенье начинает высыхать.

Потом сохнет и гибнет. Особенно жестоко достаётся алычовым деревьям – этим неисправимо наивным, этим доверчивым и нежным.

Они буйным цветеньем наивно-доверчиво реагируют первому же потеплению, которое, как правило, оказывается ложным, губительно обманчивым.

Алычовое дерево…

Кого же напоминает оно?

Так мучительно напоминает, так больно…

«Туман окутывает цветения…»

Каждое слово в висках Аршо стучало резко и хлёстко, как удар судейского молотка, символизирующий окончательный, неподлежащий обжалованию приговор:

«…Потом убивает их…»

Разноцветно клубящиеся волны тумана то сливались, то принимали разнообразные формы человеческих фигур – сперва смутные, а потом всё более и более отчётливые.

Фигуры то медленно, то очень медленно приближались к Аршо, наклонялись над ним, скользили по лбу и лицу, по глазам...

А затем вдруг, возможно по чьему-то указанию, стали удаляться от него легчайшим, еле уловимым колыханием воздуха – как в максимально замедленном старинном кино. Потом их вдруг как будто скрутило вихрем и сдуло. Сдуло так, что фигуры исчезли, растворились, словно их никогда и не было…

И туман начал принимать нежные, до боли родные и хрупкие очертания матери…

Вот её воздушно-молочные руки протянулись к Аршо…

Они тянулись и тянулись к нему, с тёмно-голубыми венами, напоминающими наивно-доверчивое и нежное алычовое дерево с ответвлениями и глубокими корнями, обрывающимися в кончиках пальцев…

Вот-вот, и материнские растопыренные пальцы уже дотянутся до Аршо… Ещё чуть-чуть…

Ещё чуть-чуть, и они обнимут Аршо мёртвой хваткой, они вырвут Аршо из всё больше и больше густеющего и чернеющего тумана, медленно засасывающего в себя – как вязкая болотная жижа…

Ещё немного…

Но рухнуло небо. Оно не рухнуло просто так, оно разразилось страшным громом, раскололось на острейшие осколки и рассыпалось вместе с обвалившейся мамой…

И это последнее, что увидел Аршо: мама, рухнувшая вместе с осколками рассыпающегося с ней неба.

2020, 2021

НАШЕ ОЧАЖНОЕ ДЕРЕВО

Рассказ

Я хорошо помню её – свою самую первую новогоднюю ёлку: вечнозелёную, как мы говорили, «стройницу-модницу»!

Возможно, и до неё у меня были ёлки, но я их не помню. А эту я мало того, что явственно запомнил, – так она меня сопровождает до сих пор.

Вот она, моя неотступная: густые тёмно-зелёные ветви и крупные, такого же цвета, овальные листья с острыми кончиками и волнистыми краями. Как будто их аккуратно обрезала своими фигурными ножницами «зиг-заг» наша соседка тётя Рая – портниха с золотыми руками. Душистые листья по форме напоминают старинные рыбацкие лодочки, плотно в ряд привязанные к столбам на пристани после тяжёлой и опасной, богатой на приключения (которые достойны перу великих писателей-фантастов, даже Александра Беляева – автора «Человека-амфибии»), но зато невероятно удачной путины. Я вижу: вот сильные, пропитанные запахом сурового ветра и бездонно-широкого моря рыбаки на своих деревянных лодках причалили к берегу, неспеша привязали их и после долгой разлуки вернулись к своим семьям!

И всё это сопровождается весёлыми шутками, прибаутками и смехом.

И ещё я помню, что нашу ёлку мы установили в новогоднюю ночь 1962 года. Мы – это моя мама, сестра Кнарик и, конечно же, я. Младшая сестра Гоарик ещё совсем-совсем маленькая, ей всего-то несколько месяцев; главное, чтобы она, сладко посапывая, спокойно лежала в своей колыбели, которую смастерил мой папа, и не мешала старшим работать.

Отца не было дома. Он в это время лежал в кардиологическом отделении Агудзерской больницы с серьёзным сердечным приступом. Положили отца именно в эту больницу, потому что она в то время пользовалась заслуженным всесоюзным авторитетом, и ещё потому, что там работал главным врачом наш родственник Ваграм Кейян – знаменитый врач, прошедший Вели-

кую Отечественную войну. Все медработники больницы хорошо знали меня. Здесь я пользовался, как сегодня модно говорить, особым статусом. К слову сказать, «своим» был я и в Сухумской офтальмологической больнице, где моим другом был ещё один знаменитый сухумский врач Темиров, оперировавший глаз отца, повреждённый при сварке от раскалённой искры; он в буквальном и переносном смысле слова «носил меня на руках».

Естественно, мамины все, почти круглосуточные, хлопоты, все её физические, недюжинные моральные и скудные материальные возможности были отчаянно направлены на восстановление здоровья отца.

Наша ёлка обильно мерцала круглыми томными, светло-коричневыми семенами – как высокое-высокое небо, усыпанное далёким множеством звёзд…

Но стоп!..

Я уже вижу недоумение моего читателя. «Какие ещё крупные овальные листья, напоминающие рыбацкие лодочки, да ещё и аккуратно обрезанные фигурными ножницами «зигзаг»?! Какие ещё круглые томные семена, мерцающие как далёкое множество звёзд?! Вы, наверно, что-то путаете? – с ехидненькой уверенностью спрашивают его глаза и снисходительно добавляют. – Ничего страшного, ведь прошло шестьдесят лет! Не мудрено и попутать».

Нет, дорогой читатель, всё верно, всё правильно: нет никакой путаницы. Дело в том, что в ту далёкую новогоднюю ночь вместо «лесной красавицы» мы установили ветку лавра благородного и украсили её сушёной хурмой, слегка покрытой сахарным налётом, мандаринами и яблоками: других «украшений» у нас просто не было. Получилось очень даже красиво и оригинально. Но если ты спросишь, почему именно ветку лавра, отвечу словами моей мамы: «Каждый очаг имеет своё новогоднее дерево. Дерево нашего очага – лавр; это волшебное растение – символ победы, щедрости и достатка. И, самое главное, он символ здоровья и долголетия, ведь очень многие болезни можно излечить с помощью лавра. И ещё лавровый лист обладает пряным запахом и вкусом, без него не обходится ни одна кухня. Так рассказывает легенда».

Не скажу, что мамины слова я принял с восторгом. Более того: я был даже немного разочарован. Ведь я уже представ-

лял весело играющую озорными мигающими цветами лесную красавицу с миллионами пушистых игл в углу нашего небольшого зала. Я даже явственно видел Деда Мороза и Снегурочку под широко раскинувшимися ветвями, укрывающими новогодние подарочные упаковки. А тут на тебе: вместо вожделенной настоящей ёлки – лавровое дерево, которое обильно растёт в нашем саду с двух сторон вдоль забора. (В то время выращивание «лаврушки» поощрялось: мои родители обрезали ветки, собирали листья, сушили на чердаке и, плотно утрамбовывая в мешки, за деньги, хоть и не совсем большие, вернее, даже совсем маленькие, сдавали в приёмный пункт, который находился рядом с пожарной охраной в районе Кинопроката – нынешней остановки «Колос» – по правую руку от поворота на Лечкопское кладбище.)

Но когда прошли первые минуты разочарования, меня посетила сногсшибательная мысль: «Так это же здорово! Значит, это хорошее дерево может излечить моего отца, который часто попадает в больницу! И он вернётся домой – как рыбаки возвращаются домой после путины!»

Мы каждый день навещали отца и я решил сразу же сообщить ему эту замечательную новость!

В тот же вечер, когда мы пришли в больницу (вечером разрешалось посещение больных), я побежал по коридору и буквально ворвавшись к отцу в палату, задыхаясь сказал ему, что его скоро выпишут и он вернётся домой, потому что вместо «бесполезной лесной красавицы» у нас в углу зала будет стоять самое настоящее волшебное-преволшебное лавровое дерево, которое лечит больных людей.

Вы даже не представляете, как папа очень обрадовался! Он обнял меня, прижал к груди и от нахлынувшего волнения так растерялся, что ничего не смог сказать. Он только гладил меня и прижимал к себе.

…Потом я, конечно, понял, что мама придумала легенду о том, что каждый очаг имеет своё новогоднее дерево и живёт в полном согласии с ним, вернее, живёт жизнью своего дерева. Придумала исключительно для меня, для моего успокоения.

Но надо отдать должное маме: как же замечательно она попала в точку!

…Через несколько дней – о чудо! – отца действительно выписали из больницы и мы всей семьёй по пригласительным билетам от профсоюза успели побывать на новогоднем представлении, которое состоялось в здании спортивного общества «Спартак». Здесь папа встретил своего друга с детьми.

После весёлого многолюдного представления, получив новогодние подарки от Деда Мороза и Снегурочки, мы по набережной пошли к центру города, дошли до парка имени Шоты Руставели (ныне – парк имени Баграта Шинкуба) и сфотографировались на память.

Вот и сохранилось в моём архиве это фото, на котором запечатлены моя мама, отец с моей сестрой Кнарик, я и папин друг с четырьмя детьми.

Январь 2022

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Рассказ

В 1973 году я учился в 9-м классе сухумской армянской средней школы и в течение последних нескольких лет часто печатался в газетах «Пионер-канч» и «Советакан Врастан». Мои неумелые поэтические опыты в исполнении профессиональных декламаторов стихов – и это очень льстило моему самолюбию – стараниями редактора Рачия Варданяна регулярно передавала в эфир армянская редакция республиканского радио. За это я получал по тем временам довольно-таки солидные гонорары, которые зачастую превышали оклад моего отца, работавшего обмотчиком моторов на Сухумской ткацкой фабрике, и шли в семейный бюджет.

Я уже серьёзно думал о том, что вплотную настало время замахнуться и на толстый молодёжный литературно-художественный журнал «Гарун». Правда, вначале у меня были лёгкие сомнения, которые вскоре бесследно исчезли, говоря пушкинскими словами из стихотворения «К Чаадаеву», «как сон, как утренний туман».

Я подготовил несколько стихотворений, и, старательно выводя буквы, на вырванных из ученической тетради листках написал сопроводительное письмо с краткими биографическими данными.

В письме я особо отметил, что журнал «Гарун» – одно из моих любимых изданий.

Мой читатель очень ошибётся, если решит, что с моей стороны это было «лёгким подхалимажем» для задабривания редакции – я об этом даже не думал. Я писал правду без какой-либо задней мысли. Я действительно любил этот журнал, каждый его новый выпуск для меня был настоящим праздником. Думаю, что и не только для меня.

Журнал выходил очень большим тиражом, и, тем не менее, его катастрофически не хватало. Номера «молодёжки» шли нарасхват, переходили из рук в руки. Журнал подкупал читателя смелостью публикаций, свежестью поднятых тем, вели-

колепным оформлением и высоким уровнем художественных произведений. Даже само название журнала – «Гарун» («Весна») – подсказывало о наступлении буйной весны в области литературы, искусства, одним словом – культуры. Только от перечисления постоянных авторов до сих пор захватывает дух: Паруйр Севак, Амо Сагиян, Ваагн Давтян, Сильва Капутикян, Геворг Эмин, Серо Ханзадян, Абиг Авакян, Вардгес Петросян (основатель журнала и первый главный редактор), Грант Матевосян, Мкртыч Саркисян…, а также более молодые представители армянской литературы: Рубен Овспеян, Размик Давоян, Ованнес Мелконян, Игнат Мамян, Эдвард Милитонян, Генрик Эдоян, Артем Арутюнян, Александр Топчян, Гукас Сирунян… и много других замечательных имён. Каждый из перечисленных авторов уже тогда сказал своё веское слово в литературе. Так что, публикация в журнале «Гарун» была вершиной моих поэтических мечтаний, она была нужна как воздух, ибо открывала прямой путь в большую литературу.

Стихи я отправил заказным письмом, после этого перешёл к следующей, самой тяжёлой фазе своего начинания – фазе ожидания.

Я был уверен, что моя подборка обязательно будет опубликована. Эта уверенность усиливалась ещё и тем, что перед отправкой в редакцию я её показал учителю армянского языка и литературы Саше Мкртчяну, известному как Варжапет Саша или Гаруни Саша, который печатался в «Гаруне», и получил его одобрение. Он сказал почти словами Аветика Исаакяна из стихотворения «Бингёл»:

Раскрыла весна зеленые двери дня
И, точно струна, запела в ручьях Бингёла.

Так вот, Саша Мкртчян сказал, что «Гарун» передо мной обязательно раскроет свои двери. По моим подсчётам (исходя из опыта публикации в газете «Пионер-канч»), это, то есть раскрытие дверей «Гаруна» передо мной, должно было произойти через месяца два, ну от силы – через три, и тогда же я получу «свой» номер.

Я ждал. О, как же я ждал! И как же изнурительно медленно шли дни, очень медленно, нет, они почти стояли. Так ногами топчут виноград в давильнях; как будто ходят, а на самом деле стоят на месте и работают как поршневой насос. Я тогда был

уверен, что ожидание – это самая страшная пытка, и оно придумано исключительно для меня, ну, для тех, кто ожидает публикации своего произведения.

Забегая вперёд, сразу скажу: эта небольшая подборка (всего 3 стихотворения) действительно была опубликована. Но она была опубликована ровно через … 15 лет – летом 1988 года!

Но до этого… Произошла история, которая, как говорит ведущий телепрограммы «Следствие вели...» Леонид Каневский, уже «совсем другая история», а я от себя добавлю: и довольно-таки забавная.

Так вот, я ждал. Но как обычно в таких случаях бывает, суббота наступила раньше пятницы, а может быть и четверга.

Вскоре, до выхода очередного номера, я получил письмо из редакции. Ответ был напечатан на пишущей машинке, имя и фамилия дописаны рукой. Письмо с сожалением гласило, что хотя стихи не лишены некоторых художественных достоинств, но, тем не менее, их уровень не соответствует требованиям журнала. Всего несколько сухих предложений.

Моё разочарование было классически совершенным, потому что в моих глазах потемнел весь свет, руки задрожали – почти так, как дрожали руки нашей родственницы Сирануш бабо. После охватившего меня шока я попытался взять себя в руки, которые продолжали дрожать, но уже не так заметно, как в первые минуты. У меня даже внутренний голос появился, который недвусмысленно подсказал, что не всё уж так и плохо, как мне кажется. «Подумай своей головой, – предложил, а скорее приказал он, то есть только что родившийся внутренний голос,– здесь же написано, что стихи не лишены некоторых художественных достоинств. Это же чего-то стоит, правда?!»

И я начал дальше развивать эту спасительную мысль: «Обо мне должен знать сам Вардгес Петросян, он же главный редактор, и наверняка все материалы проходят через его руки! Не может быть, чтобы он не читал поступившие материалы. И ещё: он же был главным редактором газеты «Пионер-канч», где я активно печатался и даже был награждён Почётной грамотой редакции! Он не может не читать газету, которую редактировал много-много лет! Так, что же получается? Получается, что я в некотором роде уже достаточно известный поэт, если меня знает сам Вардгес Петросян! Это же здорово!»

Но с другой стороны: ну почему же так, почему? Мне очень нравились эти стихи, и я хотел, чтобы они были опубликованы именно в «Гаруне».

И ещё я хотел, чтобы моя учительница Джемма Мацоян, которая получала этот журнал, очень обрадовалась, раскрыв его и увидев мою фотографию и стихи. А потом ещё и так приятно удивилась, что … не поверила бы даже своим глазам!

Горечь обиды за неудачную попытку очень долго не покидала меня – даже после окончания школы, во время службы в армии и даже после демобилизации. Но я, к своей чести, продолжал писать и публиковаться в разных изданиях, в том числе и «Гаруне» – когда главными редакторами стали Анжик Акопян, а потом и Меружан Тер-Гуланян. Своей серьёзной удачей считаю публикацию переводов нескольких стихотворений абхазского поэта Шалвы Цвижба в 1986 году.

В 1988 году я, будучи директором Лечкопской средней школы Сухумского района, по линии министерства народного образования был приглашён в Ереван на какое-то всеармянское совещание, в рамках которого состоялась интересная встреча с профессором Ереванского госуниверситета Рафаэлем Аветисовичем Ишханяном – автором знаменитых «Бесед по истории армянского народа», которые печатались в детско-юношеском журнале «Пионер», а затем и вышли отдельной книгой.

После выступления одного из заместителей министра, пообещавшего нам золотые горы, слово попросил Ишханян. Помню, он сказал: «Дорогие мои, не верьте ни одному его слову. Эти люди из министерства ничем не смогут вам помочь, если даже очень захотят, потому что сами ничего не имеют».

И ещё он сказал в своём выступлении, я хорошо запомнил его слова: «Самыми удачными учебниками по армянскому языку являются стихи Ваана Терьяна. Как следует выучите двадцать его стихотворений, и вы в совершенстве будете знать армянский язык».

После совещания я пошёл на улицу Кармир Банаки, где находилась редакция журнала «Гарун» – в одном здании с Институтом литературы имени Манука Абегяна Академии наук Армении и редакцией журнала «Пионер».

Встретился с моим товарищем Гукасом Сируняном – заведующим отделом поэзии. Он, лукаво улыбаясь, сказал мне, что в седьмом номере идут мои стихи.

«Какие ещё стихи?», – удивился я.

«А вот эти», – Гукас протянул мне пожелтевшие листки из ученической тетради с моими стихами 15-летней давности!

Я сразу же узнал свой почерк, старательно выведенные слова.

«Вот, разбирал старые стопки бумаг и случайно нашёл», – сказал Гукас.

…Когда я приехал в Сухум, нашёл в своём архиве ответ из редакции.

На фирменном гаруновском бланке чётко было написано: «Уважаемый Артавазд Саканян…»

По чьей-то халатности произошла чудовищная путаница, подтвердившая истину о том, что рукописи никогда не горят.

Но как бы ни было, справедливость была восстановлена, хотя и через пятнадцать лет. И я глубоко верю в то, что справедливость всегда и во всём должна обязательно восторжествовать.

Как послесловие добавлю, что эти стихи я включил в свой сборник «Солнечный ветер», который вышел в издательстве «Мерани» в 1989 году.

Январь 2022

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Рассказ

Их называли «гвардейцами» – эту группу из пяти-шести вооруженных до зубов человек, занявших дом почти напротив сельской средней школы, немного левее, на стыке двух улиц, опоясывающих огромное Лечкопское кладбище. Рядом находился детский сад, в котором раньше размещалась начальная, а потом и основная школа. Сюда ходили моя дочка и племянница – обе Сусанны. Было очень удобно, дети находились рядом.

Сад и двухэтажная типовая школа не функционировали уже несколько месяцев, с самого начала неожиданно разразившейся войны, хотя о её неизбежности не говорил только тот, кто «ишака называл дядей», – именно так гласит народная поговорка об очень ленивом человеке.

Мы знали, трезвым умом понимали, что обязательно начнётся война, потому что последние развития событий недвусмысленно «говорили» о её неизбежности, но не хотели в это верить, уж очень не хотели верить, что она начнётся. Вопрос войны и мира настолько был злободневным, что любое застолье с некоторых пор обязательно начиналось с тоста за мир во всем мире. И этот тост пили стоя. Но со временем он стал привычно-традиционным, если можно так сказать, просто «тостом для галочки», ничего не говорящим, ничего не значащим. И только те немногие, кто трезво мыслил, горько шутили после очередного поднятого стакана: «Как бы не накликать на свою голову беду. Не нравится всё это, ой как не нравится».

И как оказалось впоследствии, словно в воду глядели, как ясновидящие, как Нострадамусы и Ванги.

Это было то предвоенное время, когда практически каждый день угоняли автомобили, похищали уже «отоваренных» людей, успевших разбогатеть за годы перестройки, похищали их родственников. Возвращали, конечно же, за выкуп. А если кто-то отказывался платить, то через некоторое время находил сгоревшую машину или труп ни в чём не повинного челове-

ка. И эта практика угонов и похищений всё больше набирала обороты и становилась своеобразным, очень доходным «бизнесом».

Приближался новый учебный год. В августовские дни 1992 года я, директор школы, был занят подготовительными ремонтными работами, и 14 августа, засучив рукава, я красил классные комнаты вместе с мастером Григором Празяном.

Я, конечно, не думал о том, что школа в ближайшее время будет разграблена. Ведь я не знал, что, как писала потом местная пресса, под предлогом защиты железнодорожных путей уже началась война, боевые действия развернулись в районе Турбазы, где моя жена Гоарик и 5-летняя дочка Сусанна неожиданно попали под обстрел, когда шли к родственникам в гости. Им удалось чудом спастись бегством, до крови разбив ноги.

Работал я в школе до позднего вечера, совсем не подозревая, что все наши соседи с тревогой ждут меня перед домом тёти Марики, где соединяются три переулка, образовывая небольшую площадь; здесь в детстве мы гоняли футбольный мяч, иногда к нам присоединялись и старшие – дяди Борис и Бено, когда бывали «под жирной мухой». На телефонные звонки соседей я не отвечал, потому что находился в самом конце длинного коридора на первом этаже – далеко от своего кабинета, расположенного на втором этаже за учительской.

Я вернулся домой поздно вечером, и все наши соседи облегчённо вздохнули, когда увидели меня перед домом дяди Ладико и тёти Кати – на повороте к нашему переулку.

В селе, ставшем почти прифронтовым, уже не было детей дошкольного и школьного возрастов. С началом боевых действий практически все сельчане покинули родные очаги. Одни перешли реку Гумисту и вступили в ряды абхазских ополченцев; другие – поселились в основном в Сочинском районе – поближе к границе, надеясь на скорейшее окончание войны. Были и те, кто не хотел воевать против соседа, друга, знакомого и даже родственника – с ними ещё вчера радовался и грустил, делил хлеб-соль.

Хлебосольство – не только святое понятие для всех народов, и особенно для кавказских. Оно ещё и своеобразная клятва: «Я помню хлеб-соль в твоём доме». Нарушение клятвы было равносильно позору. И для такого случая есть соответствующая

народная мудрость: «Хлеб-соль находится на его коленях: когда он встаёт – она падает».

Но это уже проклятие. Не дай Бог, конечно, быть проклятым именно таким образом. Это проклятие мало того что не забывалось, – оно переходило «по наследству», прилипая к именам детей человека, «не удержавшего хлеб-соль на коленах». Так и говорили: сын или дочь того неблагодарного..., осквернившего хлеб-соль уважаемого человека...

Была ещё одна веская причина для отъезда жителей прифронтовых сёл из своих домов: это сохранение детей от возможных трагических неожиданностей, случайнос-тей, связанных с боевыми действиями.

В домах оставались только старшие, дедушки и бабушки. Вот их и взялись якобы охранять и защищать от распоясавшихся в ту пору мародёров эти «доблестные гвардейцы». Хотя сами были настоящими грабителями ещё с той большой дороги.

По свидетельству первого президента Абхазии Владислава Ардзинба, опубликованному в книге «Моя жизнь», «к сентябрю 1992 года более 15 тысяч армян вынужденно покинули Абхазию..., а жители села Аракич Очамырского района, не сумев собрать означенную гвардейцами дань в 30 миллионов рублей, оставили свои дома... Убиты двое членов армянского культурно-благотворительного общества «Крунк» А. Кешабян и Р. Аракелян, сопровождавшие армян-беженцев из Гагры».

Слово «гвардеец» жители села, да и всей республики, произносили с особой интонацией, означавшей одновременно и страх, и презрение, и ненависть, и усмешку. Это слово потеряло своё первоначальное значение: в сознании людей оно уже ассоциировалось с мародёрством, грабежами, похищениями, убийствами…

Конечно, эти, одетые во что попало люди, но обязательно с зелёной повязкой-ленточкой на голове, не имели ничего общего с настоящими гвардейцами, с военнослужащими регулярных войск. Они были просто мародёрами и орудовали в окрестных сёлах в поисках «своей добычи».

Хотя наша школа, как и все остальные «прифронтовые» учебные заведения, не работала, но я, как её директор, иногда приходил сюда, стараясь не бросаться в глаза «гвардейцам». Точно так же приходили наш завхоз Артавазд Вардикян (даль-

ний родственник моей жены) и сторож дядя Митя Попандопуло. Учителей не было: почти все они (кроме учителя истории Мгера Петикяна), как и остальные жители села, покинули свои дома, многие из них уже работали: конечно, кто где смог устроиться, и совсем не обязательно по специальности (это удавалось очень немногим), ведь тогда было важно просто найти какое-нибудь мало-мальски оплачиваемое занятие и прокормить семью. Это было наиглавнейшей задачей того времени: сохранить и прокормить семью.

Как-то непривычно было здесь находиться – в недавно на совесть отремонтированном школьном здании. Казалось, что без весёлого детского шума и гама всё ниже и ниже опускается школьный потолок, готовый вот-вот обвалиться. Осиротевшие классные комнаты, длинные и широкие коридоры задыхались от переполнившей их давящей пустоты.

Здесь очень не хватало воздуха. Нет, его здесь не было совсем, несмотря на настежь открытые двери и выбитые оконные рамы. Здесь – безвоздушное пространство, невесомость.

Казалось, вот-вот поплывут, как в салоне космического корабля, парты, стулья, учебники и другие школьные принадлежности. Поплывут вместе с глобусом, на котором под густым слоем, так и хочется сказать, космической пыли затерялись многие государства, невзирая на неприкосновенность своих границ, гарантированную конституциями и клятвами президентов, осунулись моря и океаны – как под непроницаемой пеленой тумана и мглы. Глобус стоял на опасном месте, на самом краю стола: стоило дотронуться до него, и он рухнул бы на пол... Нет, это наша планета Земля вышла бы из своей орбиты...

Кстати, здание школы находилось на административной границе между городом Сухумом и Сухумским районом. Точно так же был расположен и школьный земельный участок, почти поровну разделившись на районную и городскую части. И это создавало немало проблем и хлопот для дирекции школы. Иной раз дело доходило до абсурда. Бывало, что для принятия какого-то решения мы напрямую обращались в Совет Министров республики, когда городская и районная власти, как тогда было модно говорить, «не приходили к консенсусу».

Например, будучи сельской школой, её мандариновый участок находился на городской территории, и на него одновре-

менно предъявляли свои законные права городская и районная администрации.

Помню, сколько же бюрократических хлопот доставила нам установка подстанции! А проложение водопровода, с двух сторон которого с завидным постоянством, невзирая на запреты, появлялись всё новые и новые захоронения, сужая смертельное кольцо вокруг школы? Однажды дело чуть ли не дошло до кровопролития...

Жители села периодически поднимали этот наболевший вопрос, ведь водопровод иногда повреждался, порой его по неосторожности повреждали и сами могильщики, а трупы со временем разлагались, и опасные бациллы могли попасть в питьевую воду, угрожая здоровью людей.

К чести сотрудников Совета Министров, они все образовательные вопросы решали оперативно и обязательно в интересах школы.

...Единственным утешением, немного успокаивающим душу, была церковь Сурб Арутюн (Святое Воскресение), открытая в здании школы стараниями сельской общины «Комитас» под руководством Размика Ипекчяна – врача-кардиолога городской больницы. Церковь освятили в 1992 году.

В моём архиве сохранились фотографии, рассказывающие об этом знаменательном дне. На строительстве церкви работали все, от мала до велика, каждый вносил свою посильную лепту в это богоугодное дело. И эта работа душевно сближала людей, сплачивала, делала их родными и нужными друг другу.

Ещё бы! Всё свободное время жители близлежащих домов проводили на строительстве, которое финансово поддерживал и банкир Тигран Цатурян, которому, как рассказывают его родственники, удалось отсудить у турецкого государства несколько миллионов долларов, которые до Геноцида армянского народа принадлежали его деду, поставляющему американской компании «R.J.Reynolds Tobacco» высококачественный табак для изготовления сигаретной продукции CameL. Тигран открыл свой коммерческий «Тико-банк» и довольно успешно работал. Говорят, что его юристом некогда был сам Владимир Вольфович Жириновский! Не буду утверждать, но фотографию, запечатлевшую их и руководителя Абхазии Владислава Ардзинба, видел у родственника Тиграна – Агаси Цатуряна, моего хорошего знакомого.

К сожалению, рано ушёл из жизни Тигран, этот добрый и отзывчивый человек, ушёл из-за сахарного диабета, приведшего его к полной слепоте, а затем и к смерти.

Очень тепло отзывается о Тигране В.Ардзинба в своей книге «Моя жизнь», назвав его семью замечательной: «Когда я рассказал ему о том, что мы вынуждены выво-зить раненых с поля боя на грузовиках, и попросил о помощи, он приобрёл для нас 10 автомашин УАЗ. Он неоднократно нам помогал: в его доме иногда проходили встречи с нужными людьми».

Вёл службу в церкви молодой священник, выпускник Эчмиадзинской духовной семинарии тер Татев Арутюнян. Специально для него за счёт факультативов я ввёл в учебный план 6-7-х классов новый предмет – историю религии и армянской церкви. Мы организовали и школьный церковный хор с участием наших учеников.

Святой отец Тер Татев Арутюнян уехал из Абхазии в первые дни войны.

Конечно, никто ни словом, даже намёком не осудил его за этот шаг: все хорошо понимали, что каждый, в том числе и тер Татев, спасал свою семью как мог, как считал нужным и возможным. Тем более, у него недавно родился третий ребёнок. Уверен: если священник решил бы остаться, сами сельчане потребовали бы, чтобы он уехал, вывез семью в безопасное место.

Если я не ошибаюсь, некоторое время тер Татев провёл в России, а затем переехал в США на постоянное жительство.

Я тоже вывез свою семью – жену Гоарик, пятилетнюю дочь Сусанну и трёхлетнего сына Айка – из Сухума в Армению. Вывез по настоятельному требованию моих родителей: «Дети могут испугаться, и этот страх останется в их душе на всю жизнь. Вывези детей, пока не поздно», – строго сказал отец. Его поддержала моя мама.

Да я и сам понимал, что они правы. Дети действительно боялись рёва двигателей военных самолётов и вертолётов, которые пролетали над нашими домами. При их появлении они забегали домой и прятались под нашим круглым добротным столом, который стоял в центре зала. Дети видели самые первые выстрелы, произведённые из вертолёта, «стоящего» в воздухе буквально над нашим домом. Два снаряда попали в жилой

9-этажный дом перед спуском у выезда из Сухума к Ачадарскому мосту.

Говорят, что пилотировал этот «крокодил» военный лётчик Майсурадзе, известный как «чёрный полковник». Вот что пишет о нём сайт «Циклопедия»: «26 декабря 1992 года экипаж вертолета Ми-24 в составе Джимшера Майсурадзе и старшего лейтенанта Мераба Гелашвили выполнял боевое задание в Очамчирском районе – расстреливал НУРСами с вертолёта «Комету» с беженцами. Во время второго вылета вертолет был сбит абхазскими борцами за независимость из ПЗРК над селом Атара. Экипаж погиб».

В Армении мы остановились у Азы – родственницы Гоарик, почти на окраине Еревана – в пригородном посёлке Джрвеж. Так как Аза сама еле сводила концы с концами, мы вскоре переехали в посёлок Нор Ачн к двоюродному брату Гоарик – Тиграну: мастеру на все руки, добрейшей души человеку, прекрасно исполняющему армянские народные песни.

По иронии судьбы, неподалёку от Нор Ачна находился военный аэродром Вооружённых сил СНГ. И когда оттуда с тягучим свистом взлетали самолёты, Сусанна и Айк в страхе забегали в подъезд, чтобы спрятаться под лестницей. Помню, одна из соседок решила пошутить: «Смотри, Айк, – сказала она, – сейчас самолёт ка-ак выпустит ракету...» То, что было потом, невозможно описать словами.

Весь двор долго успокаивал впавшего в истерику Айка, упрекая сконфуженную женщину за неудачную шутку и проклиная тех, кто начал войну в Арцахе и Абхазии. Они-то хорошо знали что такое война, ведь многие из них сами, или же их родственники были участниками армяно-азербайджанской войны в Нагорном Карабахе, где потеряли своих близких, и не первый год носили чёрную траурную одежду.

Через некоторое время, когда в местной администрации Гоарик и детей зарегистрировали беженцами (это означало, что они будут получать по одной крохотной булочке в сутки, для чего надо было всю ночь простоять в очереди перед железным магазинным окошком), я с большим трудом через Адлер, а оттуда рыболовецким сейнером, вернулся в Сухум, где оставались мои родители – больной отец Айк и ухаживающая за ним мать Гегануш.

Была ещё одна веская причина для моего возвращения на родину. Находясь в Ереване, я написал статью «До каких пор будет рушиться наш дом?» о первых днях начавшейся войны. Её напечатали в газете «Азатамарт», главный редактор которой, Мушег Микаэлян, в разговоре со мной сказал, что редакции нужна объективная информация о ситуации, сложившейся на подконтрольной грузинской стороне территории Абхазии: «Из Гудауты мы получаем информацию от нашего сотрудника, а вот из Сухума ничего не поступает, и мы не знаем, что творится там, как чувствуют себя наши соотечественники, какое к ним отношение. Вернее, информация поступает, но противоречивая, наводящая в основном на не совсем хорошие размышления».

Кстати, за статью я получил приличный по тем временам гонорар, который в какой-то мере решил наши продуктовые проблемы.

Уже в Сухуме я написал несколько статей, которые затем были опубликованы в периодической печати.

Но я уже в который раз отвлекаюсь от своего повествования. Давайте вернёмся к нему.

Так вот, железную дверь церкви открыли «гвардейцы», вернее, гранатой взорвали замок (как и двери от классных комнат школы), чтобы, привожу их слова дословно, «как глубоко верующие христиане, могли справлять свои религиозные потребности, прося помощи у самого Господа Бога для исполнения своих непростых обязательств по защите мирных жителей села от мародёров».

Уже после их первой же «молитвы» из церкви исчезли иконы Святых армянской апостольской церкви, кроме (до сих пор не могу понять: почему?) изображения Вардана Мамиконяна. Интересно, чем же им не понравился великий полководец?

Но люди продолжали приходить сюда, продолжали зажигать свои свечи, молиться, просить и, главное, верить…

Верить! Это значит надеяться на лучшее. И это несказанно радовало меня. Сколько раз я видел зажжённые свечи перед церковью, под её стенами, даже прямо на входных ступеньках. Люди надеялись, что жизнь обязательно воскреснет. Ведь даже само название церкви – Святое Воскресение – недвусмысленно подсказывало, что у людей разум возобладает, и очень скоро

закончится ставшая отечественной для народа Абхазии война, что дети и внуки вернутся в свои родные истосковавшиеся очаги, откроются двери школы и детского сада.

И вновь прозвучит счастливый детский смех на цент-ральной сельской улице, петляющей вверх от железнодорожного вокзала через старинное Лечкопское кладбище к подножию горы. Это чуть выше дома нашего завхоза Артавазда Вардикяна, во дворе которого аж до высоты второго этажа возвышалось оливковое дерево, щедро плодоносящее.

В дождливую погоду эта разбитая, с многочисленными колдобинами и ухабами улица превращалась в сплошную полосу препятствий, где можно было воспитать не одну плеяду чемпионов по этому замечательному – бегу с преодолением препятствий – виду спорта. Кстати, дорога сейчас находится в ещё более ужасном состоянии. Так что, вполне возможны рождения новых чемпионов.

...В школу я поднимался через Лечкопское кладбище, продираясь сквозь колючие кусты зимбилака между надгробиями и оградами, находящимися в основном в запущенном состоянии: здесь всё аж по пояс заросло всякой травой и сорняком: это и понятно – некому было ухаживать за могилами. Люди больше думали о сохранении жизни родных и близких.

Кладбище с трёх сторон вплотную приблизилось к школьному железному забору. Все классные комнаты, в том числе и учительская, выходили на кладбище.

Вот смотришь в окно – а кругом одни захоронения. Очень часто учебный процесс прерывался то душераздирающим плачем женщин над могилами родных, то похоронными процессиями…

Когда-то здесь были зелёные чайные плантации, как по нитке высаженные плотными ровными рядами, аккуратно подстриженные. Учащиеся школы проходили на этих плантациях производственную практику по трудовому обучению. Местный чай пользовался большим спросом, и его производство было одним из главных направлений развития сельского хозяйства республики.

А ещё раньше, до появления чайных плантаций, на этих склонах периодически – два раза в год: весной и осенью – про-

водились всесоюзные соревнования по мотоциклетному спорту – мотогонкам. Отец приводил меня на эти многолюдные соревнования, и я, хорошо помню, очень болел за гонщика Григорьева, который часто становился победителем. Я обязательно присутствовал на церемонии награждения призёров, которая проводилась здесь же – сразу после окончания состязаний.

Вот по этому, заросшему кустарниками пути, мы приходили в школу и незаметно уходили. Здесь, в случае чего, можно было надёжно спрятаться.

Но однажды я лицом к лицу столкнулся с одним из «гвардейцев», прямо перед открытой дверью церкви, откуда он вышел без автомата, который как-то не совсем осмотрительно был прислонён к стене церкви снаружи. От неожиданности я замер. Наверное, я очень растерялся, потому что не сразу ответил на его приветствие. Но краем глаза я заметил, что в старом подсвечнике с песком у стены с изображением Святого Вардана Мамиконяна горела только что зажжённая свеча. Я даже успел чуточку удивиться: кроме «гвардейца» кто же мог её зажечь, а ещё и перед изображением Вардана Мамиконяна – национального героя, причисленного Армянской церковью к лику святых?!

«Гвардеец» очень внимательно, даже пристально посмотрел на меня. Мне показалось, что он попытался улыбнуться, а может быть, он просто слегка усмехнулся, так, краешками губ. Потом он то ли полуспросил, то ли полуутвердительно сказал на чистом литературном армянском языке (это меня не удивило, потому что многие «гвардейцы» владели армянским, а вот сам вопрос...):

– Дук «Крунк» терти хмбагирн эк (вы редактор газеты «Крунк»)?

Я был ошарашен. Значит, кто-то успел выдать меня. Но кто же мог это сделать? Кто?

В мгновение ока перед моими глазами пролетели лица жителей села. Такие дорогие, чистые, родные лица! Нет, если бы меня кто-то выдал, «гвардейцы» уже давно пришли бы за мной. Мне даже как-то неловко стало от неожиданно посетившей меня такой, скажем откровенно, не совсем честной мысли.

Конечно же: нет! Никто не мог выдать меня. Никто, ни один человек! Все с уважением относились ко мне. При встрече со-

ветовали, нет, даже не советовали, прос-то требовали беречь себя и быть очень внимательным и осторожным, без особой необходимости не выходить на улицу, интересовались, в чём я нуждаюсь, не нужна ли помощь. И это тогда, когда они сами нуждались во многом, когда сами с большим трудом сводили концы с концами. Как-то завхоз школы дал мне целый мешок с кукурузой, который мы с ним вдвоём с наступлением темноты принесли к нам домой на плечах, периодически меняясь. Представляете?! Мешок с кукурузой! Это же на вес золота, это же целый клад! Как же тогда обрадовались мои родители! Такой радости давно не было в нашем доме!

– Воч (нет), – всё же промямлил я в ответ.

А может быть и не издал ни звука. Ну не помню я, хоть убейте. И если даже и ответил, то это было бы правдой: ведь не был я тогда редактором «Крунка».

Но с другой стороны... Ведь правда и то, что мой ответ был бы не совсем полным и честным.

Да, действительно, к этому времени я уже не был редактором газеты «Крунк». Из-за серьёзных разногласий по некоторым, бывает же так – второстепенным вопросам (звучит забавно, не правда ли: серьезные разногласия по второстепенным вопросам?) с руководителем одноимённого культурно-благотворительного общества Альбертом Топольяном, перед войной ставшим заместителем председателя Верховного совета Абхазии Владислава Ардзинба, я ушёл не только из газеты, но и из общества «Крунк». (Вся серьёзность второстепенных вопросов заключалась в том, что я «осмелился» в одном из номеров под фотографией и биографией Владислава Ардзинба, избранного председателем Верховного совета республики, опубликовать стихотворение Ованеса Торосяна, которого, мягко говоря, недолюбливал Топольян.) Но правда и то, что я когда-то был редактором «Крунка», и не просто редактором, а самым первым редактором, который наладил выпуск газеты в Ереване и её доставку в Абхазию!

После ухода из «Крунка» я начал выпускать газету «Амшен». Газета выходила в Ереване на армянском языке, потому что в Сухуме не было такой возможности. Потом, через несколько лет, газета стала называться «Литературным Амшеном». Она выходила более тридцати лет.

Он улыбнулся, но тут же посерьёзнел:

– Вас ищут. Они убьют вас, если найдут.

Странно, он сказал: они… Он даже как-то подчеркнул это слово: они… «Они… Значит, не он…», – промелькнуло в обрывках моего сознания.

Увидев мое недоумение, доходящее до растерянности, он сказал:

– Ес чаначеци дзез (я узнал вас). Я окончил тбилисскую армянскую школу. Несколько лет назад вы выступали в нашей школе с Геворгом Эмином, Беником Сейраняном, Сосом Симаворяном, Акопом Чобаняном, были еще другие писатели. Я запомнил ваши строчки: «Мы сегодня будем жить, чтобы дальше жить». Я даже помню, как вы от волнения забыли собственное стихотворение и продолжили его по бумажке!

Действительно, был такой случай в одной из тбилисских армянских средних школ!

Как сейчас помню: я начал читать стихотворение, но после первых двух строк всё вылетело из головы. Начал читать второй раз, и опять на том же месте «споткнулся». Потом Эмин и Сейранян по-отечески утешали меня, огорчённого, за столом, накрытым в учительской!

– Я хорошо запомнил эту встречу, – продолжил «гвардеец», – потому что потом наш класс под руководством нашей учительницы Анаит Бостанджян подготовил юмористическую сценку по ней, где мы обыграли ваше выс-тупление. Я играл начинающего поэта, забывшего собственное стихотворение. Получилась смешная юмористическая миниатюра.

Вот ведь как бывает в жизни! Значит, в какой-то момент он находился в моей шкуре, переживал и огорчался, как я! Ничего не скажешь – родственная душа! А его учительницу, Анаит Бостанджян, я знал хорошо: она работала ещё и в издательстве «Мерани» и была корректором двух моих сборников стихов.

– Вы не думайте, – сказал «гвардеец», и его спокойный голос вернул меня к действительности, – я не выдам вас, я люблю стихи. И потом, они, – он повернул голову в сторону дома, где остановились «гвардейцы», – вас ищут как-то вяло, не совсем серьёзно, не верят, что вы можете находиться здесь. По их мнению, редактор армянской газеты реально не может находиться здесь из-за грозящей его жизни опасности. Они уверены, что

вы и ваши родные давно покинули город, спасаясь бегством. Так им сказала одна армянка, которая хорошо знает вас и ваших родных. И они поверили.

«Какая армянка? – подумал я. – Она же может поплатиться жизнью, «гвардейцы» просто расстреляют её, если вдруг узнают правду».

Хотели же расстрелять нашего соседа Николая Давидяна, который очень робко попытался заступиться за абхаза, буквально за несколько дней до начала войны купившего дом по соседству. Жора, так его звали, служил в Армении в той же лётной части в посёлке Нор Ачн, где остановилась моя семья, и после демобилизации в звании майора авиации переехал на постоянное жительство в Сухум. Но когда началась война, он перешёл Гумисту и, как нам стало известно уже после войны, служил в абхазской авиации. Вот в его дом пришли грузинские полицейские и заявили соседям, что там скрывался абхазский разведчик. «Да вы что, ребята, какой разведчик...», – начал Коля и тут же получил удар прикладом автомата: «Заткнись, если не хочешь получить пулю в лоб». Конечно, в доме никакого разведчика не было, хотя это не спасло его от ограбления.

Но мы опять отвлеклись от нашего повествования. Потом «гвардеец» переиначил мои стихотворные строчки:

– Живите, чтобы жить.

И пошел, ускоряя шаг, навстречу к неожиданно появившимся во дворе школы и поспешившим в нашу сторону «гвардейцам». Я понял, что он дал мне возможность уйти за здание школы, чем я и воспользовался без промедления и через кладбище спустился вниз к Республиканской больнице.

В скобках замечу, что армянкой, убедившей «гвардейцев» в том, что я и мои родные покинули Сухум, была Лена Сарецян, двоюродная сестра моего отца, дом которой находился по улице Станционной, что недалеко от нашего дома. Когда «гвардейцы» искали меня, ошиблись адресом и, на моё счастье, встретили тётю Лену. Наверное, был прав мой ангел-спаситель: «гвардейцы» сами не верили, что я мог находиться в Сухуме. Наша тётя Лена, эта замечательная женщина, умерла от инсульта через несколько лет после войны. Пусть земля ей будет пухом!

…После моей удивительной встречи с армянским гвардейцем прошло несколько дней. И всё это время я жил её под-

робностями. Надо же, какая встреча! И не где-нибудь, а перед церковью, под строительство которой, рискуя вызвать гнев районного руководства, я выделил в нижней левой части здания школы несколько комнат, одну – достаточно обширную, рядом с залом (бывшим кабинетом трудового обучения), где до войны проводила свои почти ежедневные многолюдные заседания местная армянская община «Комитас».

Я уже начинал верить, что эта случайная, а вернее не совсем случайная встреча состоялась именно по воле Всевышнего: он решил таким образом отблагодарить меня за мое богоугодное дело. И отблагодарить не просто так, как попало, а именно в самое нужное, в самое критическое для меня время, когда ни за что – даже за самое безобидное слово, за самый невинный взгляд, за ничего не значащий жест – можно было поплатиться жизнью. И чем дольше я думал об этом, всё больше и больше убеждался в благосклонном отношении Бога ко мне. Ещё бы! Если не Бог, то кто же спас нас от неминуемой смерти, когда начался обстрел нашего района и мы с женой, не помня себя, распластались на дороге за огромным эвкалиптовым деревом, названым «девушкой-бесстыдницей» за «страсть сбрасывать одеяния», а рядом, в нескольких сантиметрах, врезались в землю тяжеленные шальные осколки снарядов, чудом не задев нас; когда от «нашествия» самолетов Су-25 посыпались все стёкла нашего дома, а я в темноте, ошарашенный, наверное потеряв чувство реальности во времени и пространстве, вышел из комнаты и пошёл. Шёл и шёл... Но куда я шёл и зачем? Страшное и странное ощущение, сродни потере самого себя в себе же самом.

Кстати, в ту же ночь от этой бомбёжки был полностью разрушен дом журналиста Тенгиза Пачкория, который жил выше нас. Его отец погиб, мать получила ранение, сам он был контужен. На следующий день посетил нашу улицу председатель Госсовета Грузии Эдуард Шеварднадзе вместе с какими-то иностранными наблюдателями. Одни говорили, что бомбу на дом журналиста сбросили абхазцы, другие уверенно констатировали, что постарались русские лётчики, хотя были и те, кто не сомневался, что «это дело рук грузинской авиации, специально подготовленная провокация для находящихся в Сухуме иностранных дипломатов, чтобы опорочить абхазскую сторону, якобы бомбящую мирное население».

Этот перечень трагических случаев и моего счастливого избежания гибели можно продолжить.

Я настолько был потрясён происходящими событиями, что написал стихотворение, в котором есть такие строки (конечно, они далеки от совершенства, но точно выражают мои чувства):

О мой последний миг! Я знаю, рядом ты,
А может, ближе, чем мне кажется порой,
Не раз ты посещал меня из темноты,
Вернее, ставили меня перед тобой.
О до жестокости честнейший мой палач!,
Не уноси меня, повремени чуть-чуть...
Ошибок мало я свершал, пройдя свой путь,
Не совершён пока мой самый верный шаг.

Я решил ещё раз подняться в школу, зажечь свечу в церкви, поблагодарить Господа за его щедрость и великодушие, помолиться не какими-то дежурными и избитыми словами, а словами своими, единственными, идущими из глубины души, пульсирующими вместе с моим сердцем, и попросить… Много было у меня очень важных просьб, и личных, и общественно-значимых, начиная от сохранения наших родных и близких до скорейшего завершения войны и воцарения мира и на многострадальной земле, приютившей моих предков в годы Геноцида армянского народа, и на земле моей исторической родины, где тоже уже не первый год полыхал огонь истребления.

И ещё я очень хотел спросить: «Ну зачем же всё это, о Боже, ну почему?..»

Мои родители были категорически против, но я настоял на своём и поднялся в школу по проложенному нами пути, уже хорошо известному читателю. Он знает также, что церковь Сурб Арутюн находилась на юго-западном крыле школы. Входная же дверь в школу была на юго-восточной стороне, т.е. двери церкви и школы находились друг против друга. Я подробно говорю об этом, потому что, возможно, именно такое расположение дверей спасло меня. Обе двери, как и ворота школы, после её неоднократного разграбления, не закрывались. В школе никого не было. Через зал заседаний общины я вошёл в церковь, зажёг свои све-

чи, и как умел, возможно не совсем умело, но от всего сердца, помолился. Удивительно, на душе сразу стало легче, спокойнее.

В эту минуту мне вдруг очень захотелось, чтобы умиротворенность, царившая в церкви, вышла за её пределы с щедростью чистого света и стала переходить из одного сердца в другое, из одного дома в другой… И чтобы её было очень и очень много! Настолько много, чтобы она распространилась из одной страны в другую, с одного континента на другой, и, в конце концов, своей щедрой чистотой разлилась бы по всему земному шару...

Потом я поднялся на второй этаж, где находились учительская и мой кабинет, а напротив учительской – библиотека. В помещениях гулял сквозняк, всё было перевёрнуто вверх дном: и в кабинете военной подготовки, и в кабинете кройки и шитья, где на столах ещё несколько месяцев назад стояли в ряд очень хорошие учебные швейные машины – их и след простыл. В ту пору они пользовались большим спросом, потому что часть населения республики занималась шитьём лёгких дерматиновых тапочек, так называемых «джексонов», другая часть изготавливала недорогие украшения – бижутерию, которая, как и «джексоны», партиями вывозилась в Россию для оптовой продажи. Многие производители этого ширпотреба имели своих постоянных покупателей, как говорили тогда, клиентов, закупавших товар партиями для перепродажи уже с наценкой; они на этом выручали «хорошие деньги».

Вместе со швейными машинами исчезли и рукописи трёх моих книг, в том числе переводов, которые находились в моём кабинете: как я считал, в самом надёжном месте. Мне и в голову не приходило, что святая святых – школа – может быть разграблена. Не знаю судьбу этих рукописей, они пропали бесследно. Жаль, конечно, очень жаль. Уже после войны мне удалось кое-что восстановить по памяти и чудом сохранившимся черновикам. Я их соб-рал в одну книжку под названием «Апацха», послесловие к которой «Два слова об Артавазде Сарецяне» написал член Союза писателей СССР Андраник Багарян. Её потом издала абхазская писательская организация, в то время руководимая замечательным поэтом и литературоведом Борисом Алмасхановичем Гургулиа, который, к сожалению, в марте 2012 года погиб в дорожно-транспортном происшествии. Под-

держал издание сборника и секретарь Союза писателей Анзор Мукба.

Послышался рёв двигателя приближающейся грузовой машины.

Я посмотрел в окно и буквально в ту же минуту перед открытыми школьными воротами остановился армейский «Урал», из которого вышли трое «гвардейцев» и поспешили к школе, к её парадному входу. «Хотят посмотреть, что ещё здесь есть», – подумал я.

Стоит ли говорить, что встреча с ними в пустом здании мне ничего хорошего не сулила.

Я спустился на первый этаж и через зал заседаний общины и церковь вышел на задний двор школы, сообразив, что уйти вниз по известной читателю тропинке уже не получится, потому что меня обязательно заметили бы.

И я пошёл к воротам школы, которые с самого начала войны не закрывались. Да и не было никакого смысла их закрывать, потому что во двор школы часто заезжал танк, чтобы укрывшись за школьным зданием, выпустить несколько снарядов по абхазским позициям, которые находились на правом берегу реки Гумисты. Абхазские артиллеристы давно охотились за этим танком и, в конце концов, сумели прямой наводкой подбить чуть ниже дома нашего завхоза. Погиб весь экипаж, в составе которого был и один из преподавателей местного субтропического института. Он невредимым вышел из подбитого танка, но «успел поймать» осколок снаряда, который угодил ему прямо в горло.

Так вот, перед настежь открытыми воротами, развернувшись в сторону вокзала, стоял армейский «Урал», кузов которого был набит мебелью. «Опять кого-то ограбили, – мелькнуло в голове, – надеюсь, что на сей раз всё обошлось без жертв». А так я подумал, потому что несколько дней назад во дворе своего дома за оказание сопротивления мародёрам была убита Сильва Кюлян – медсестра Республиканской больницы. А ещё несколькими днями ранее, 12 декабря, за то же самое до полусмерти был избит дядя Григор – муж моей родной тёти Аник: их дом после ограбления мародёры подожгли.

Какую богатую библиотеку имел дядя Григор, какие замечательные книги были собраны в ней, как величественно стояли

они плечом к плечу, как солдаты, тесно сомкнутыми рядами! Всю жизнь дядя Григор собирал эти книги. Кто-то покупал мебель, а он – книги.

Представить страшно, как горели эти книги в охватившем дом пламени, – так турки сжигали армянские книги и манускрипты, пытаясь уничтожить самый главный след древнейшего народа на своей же родине.

Я повернул направо и пошёл вниз, к вокзалу.

Светило бледное солнце, готовое вот-вот скрыться за густыми серыми тучами, затягивающими весь небосклон. Мне даже подумалось, что солнце побледнело от охватившего его ужаса из-за неописуемых злодеяний и наверняка считало себя виноватым за все эти преступления и бесчинства, которые творились под его лучами. Мне вдруг захотелось встать на колени и как язычник обратиться к Солнцу: «Не вини себя, о Солнце! Ты – очень доброе, ты – очень чистое и очень светлое! Никакой твоей вины нет в том, что кто-то кого-то убивает, кто-то кого-то обманывает, ворует... Верно, всё это происходит днём, когда ты светишь. Но верно и то, что всё это происходит и ночью, и даже больше происходит ночью, чем днём, под покровом темноты, когда ты наверняка … не спишь, потому что невозможно спать после всего увиденного. Ты не вини себя, Солнце. Это нам, людям, должно быть стыдно за то, что оскорбляем тебя своим поведением».

Не успел я дойти до могилы футболиста по фамилии Алания, запечатлённого на мраморной плите во весь рост в фирменной динамовской форме, как вдруг услышал хлопки закрывающихся дверей автомашины. Потом, через несколько нервных попыток, грозно взревел мотор, коробка передач, нехотя повинуясь воле водителя, с царапающим слух скрежетом переключилась на первую скорость.

Машина тронулась с места и покатилась вниз – вслед за мной.

Буквально через несколько секунд «Урал» обгонит меня, а я пройду ещё метров двести и поверну направо, к пожарной охране. Затем выйду к знаменитой пекарне «Колос», открытой пару лет назад отцом Альберта Гагуа, с которым некоторое время я работал на винзаводе обработчиком вин, а проще говоря – фильтровальщиком.

Кстати, очень интересная работа! Не помню кто, но наверняка очень тонкий ценитель винных напитков, справедливо сказал: «Вино – живой организм: как человек рождается, живёт и умирает». А великий пролетарский писатель Максим Горький восхищался работой виноделов. Как сейчас помню: плакат с его восторженными словами украшал фасад головного завода Абхазвинкомбината: «Да здравствуют виноделы, которые делают вино и через него вносят солнечную силу в души людей!»

«Нынче мало, очень мало солнечной силы в душах людей, – подумал я. – Нет, не оттого, что мало пьют, наоборот – пьют как раз очень много. Да вот беда: собирают недозревшие, не впитавшие солнечную силу гроздья винограда, давят и давят их с добавлением воды и сахара. И выжимают последние соки. О таком вине говорят, что оно «сделанное». Пьёшь на вкус очень приятное это вино, а потом выворачивает всю твою душу. Вот и видишь вокруг себя умело «сделанные» лица и улыбки, «сделанные» беседы, сладенькие аж до тошноты... Но, к счастью, есть и уважающие себя виноделы, не унижающие честь винограда и вина. Вся надежда на них, на настоящих…

Я не смотрел на платаны, обступившие дорогу с двух сторон. Просто шёл, потупив взор. Почему-то в голову пришли евтушенковские слова:

Горе смотрит, горестно потупясь,
Потому и видит глубоко.

«Где же ты сейчас, Женя? Как бы ты поступил на моём месте», – я мысленно обратился к своему мудрому другу.

Вот так, в сопровождении его гениальных строк, я пройду ещё метров сто вниз, и там слева в переулке за виноградными лозами притаился ветхий домик нашего зятя Шаварша, который в ожидании окончания войны с семьёй находился в селе Дурипше, в дедовском доме своего друга Даура Шларба.

В семейном очаге нашего зятя оставались его родители – мать Аня и отец Ефрем. Я обязательно зайду к ним и останусь там до наступления темноты.

Потом, незаметно, – стараясь не попадаться на глаза посторонним, я даже усмехнулся: как партизан, – под покровом ночи доберусь до нашего дома, где меня ждут не дождутся мои родители.

Насколько было возможно, я ушёл от дороги в сторону, на обочину, и продолжил свой путь почти прижимаясь к кладбищенским оградам. Машина, набравшая скорость и почти догнавшая меня, вдруг замедлила ход… Она не обгоняла меня: водитель периодически, со скрежетом переключаясь на холостой ход, нажимал на педаль газа так, что мотор ревел на всю округу.

Краем глаза я заметил надгробный камень с портретом дяди Геворга, установленный им же самим с указанием дня, месяца и года рождения. Конечно, на мраморной плите отсутствовала дата его смерти. «Будет и дата, – по этому поводу шутили сельские философы, – ведь это всего лишь вопрос времени». Говорят, дядя Геворг своими же руками смастерил и свой добротный гроб, который находился у него на чердаке. Я мысленно обратился к нему: «Дай Бог вам здоровья, дядя Геворг, живите ещё сто лет, как говорится, без капитального ремонта, пусть ещё сто лет на мраморной плите не появляется вторая дата, пусть ещё сто лет на чердаке пылится гроб!»

И вдруг, прервав мои размышления, неожиданная, такая простая и страшно реальная мысль острым шипом вонзилась в мой мозг, пройдя его насквозь, да так, что я даже почувствовал пронизывающую боль: «Вот так они будут медленно изводить мою душу, шаг за шагом доведут меня до сумасшествия и, в конце концов, просто задавят, вот здесь, на этой улице».

От этой перспективы быть раздавленным на дороге я аж вспотел, как парниковое стекло от разницы внутренней и наружной температур зимой…

Машина медленно катилась за мной, не отставая и не обгоняя меня… Конечно, можно резко повернуть направо и попытаться скрыться. Но я тут же напрочь отмёл эту мысль: не успею, уж очень густо стоят ограды, почти впритык друг к другу. Я не успею протиснуться между ними, как получу автоматную очередь.

Мне казалось, что я постепенно схожу с ума, находясь в здравом уме.

Нет, всё же надо думать о чём-то другом, о чем-то отвлекающем от дурных мыслей. Ну, например, хотя бы о том, что недалеко отсюда, по левую сторону от меня, почти на спуске, под вековыми кедровыми деревьями, обильно истекающими

ароматной смолой, которую местные жители собирают и употребляют как жвачку для очищения дёсен и зубов, – похоронены мой дядя Каро и тётя Зварт – младшая сестра моей мамы.

Тётино имя переводится как «весёлая», хотя жизнь она прожила не совсем весёлую, а если быть более точным – совсем невесёлую.

Неожиданно умерла моя тётя, очень рано, пережив своего мужа Каро на пять лет, оставив сиротами дочерей Гаянэ и Аиду.

У тёти Зварт всегда было повышенное артериальное давление, и настолько она привыкла к этому, что принимала лекарства без измерения давления, не прерываясь от домашних хлопот. Однажды, вместо привычного повышения, давление упало. А тётя, опять без измерения, приняла свою привычную норму лекарства. Давление понизилось до критического уровня, тётя впала в кому. Конечно, её сразу же повезли в больницу, но медики ничем не смогли помочь, хотя для этого сделали всё возможное. Через несколько часов, вечером того же дня, она умерла.

Я очень любил их: и тётю, и дядю. «Пусть Бог даёт мало, – говорил дядя Каро и добавлял: – но даёт всегда». Бог, как всегда, по-своему понял слова дяди Каро. В отношении самого дяди, да и тёти тоже, первую часть поговорки он выполнил с ювелирной точностью: действительно, мало хорошего досталось этой замечательной семье, очень мало. Вторую часть тоже Бог выполнил, постоянно «снабжая её несчастьями».

Потом я мысленно перенёсся на могилу нашей крёстной дочери Альвины – чуть ниже захоронения моих родственников, на северном склоне горы. Туда ведёт узкая тропинка, там сыро до озноба, потому что солнечные лучи проскальзывают мимо – вниз, в ущелье, на крутых склонах которого кто-то посадил мандариновые деревья.

Я настолько глубоко был погружён в свои не совсем светлые воспоминания, что напрочь забыл о с грохотом следовавшей за мной машине, кузов которой был набит всякой всячиной.

Вдруг в моё сердце вкралось сомнение: а может быть, машина едет медленно, чтобы как-то не повредить эту всякую всячину, аккуратно сложенную в кузове и сто́ящую для их новых хозяев дороже любой человеческой жизни? А может быть, все мои сомнения и тревоги действительно напрасны?

А может ли в жизни быть всё так просто и банально? «Конечно, может быть», – откуда-то из своих неведомых глубин обнадёживающе подсказало подсознание. И эта подсказка немного успокоила меня.

Так вот, семь лет было Альвине, когда она умерла в одной из ереванских больниц в чудовищных муках, от белокровия. О её страшной болезни мы узнали, когда для поступления в первый класс она проходила медобследование в Сухумской детской больнице.

Здесь же первыми тревогу забили врачи и настоятельно посоветовали, нет, потребовали срочно вывезти ребёнка в Ереван для обследования в специальной клинике, что и было сделано немедленно. Но… К сожалению, всего на несколько месяцев удалось продлить ей жизнь. За несколько дней до смерти Альвины к нам пришёл её отец, Спартак Празян, и сказал: «Альвину надо крестить. Крёстные отказались. Я их понимаю: это тяжело – крестить больного ребёнка и знать, что скоро его не будет. Но крестить надо, и мы хотим, чтобы это сделали вы».

Вот так мы – моя жена Гоар и я – стали крёстными родителями Альвины.

До поворота к пожарной охране остаётся совсем немного, всего несколько десятков метров. Как раз успею вспомнить ещё историю о том, как дядя Рушан и ещё несколько человек пришли копать могилу для умершей нашей соседки, а я остался во дворе покойной, чтобы смастерить крест и написать на нём её самые главные биографические данные, что через чёрточку.

Как и положено, дядя Рушан и его товарищи вместе с необходимыми инструментами взяли с собой обязательные для таких случаев пару бутылок мандаринового самогона с нехитрой закуской и под лёгким моросящим дождём поднялись на кладбище. Закуску разложили под раскрытым зонтом, а сами начали копать. Конечно, иногда подходили к зонту, прикладывались к гранёному стаканчику и продолжали копать дальше.

Шутили и рассказывали всякую всячину. Здесь без таких шуток нельзя, даже невозможно.

Вдруг послышался свист летящих снарядов, после чего последовали взрывы где-то совсем рядом. Друзья спрятались в наполовину вырытом четырёхугольнике. Как раз в этот момент, откуда ни возьмись, появилась бродячая собачка и, не обращая

никакого внимания на свистящие осколки, прямиком пошла к зонту, а вернее, к накрытой под ним «поляне».

Дядя Рушан первым заметил целенаправленно приближающуюся к закуске угрозу в виде собачки и, на секунду позабыв об осторожности, слегка приподнялся и крикнул протяжно-жалобно: «Тиди-и-и!»...

Тиди... Это уникальное слово-обращение на амшенском диалекте армянского языка исключительно к собаке заменяет все собачьи «слова» на свете. Его значение зависит от интонации произношения. На сей раз оно означало жалобно-смиренную просьбу: «Пожалуйста, не надо, ну будь же ты человеком».

Это почти так, как герой искандеровского «Созвездия Козлотура» восклицаниями «Хейт! Хейт!» подчинял своей воле стадо коз.

Не успел дядя Рушан закрыть рот, не успела собачка повернуть свою лопоухую головку в сторону дяди Рушана, как где-то рядом, с острым свистом взорвался новый снаряд. Один из очень маленьких осколков со змеиным шипением протаранив небритые впалые щёки дяди Рушана, пролетел между его раскрытыми челюстями. Дядя Рушан не сразу понял, что произошло. Потом, надо дать ему должное, он очень спокойно, без лишней паники, как и подобает настоящему мужчине, не «выписав» пинка жадно глотающей закуску виновнице своего несчастья и даже не обматерив её, как принято в таких случаях, сам себе оказал первую медицинскую помощь в виде «принятия на грудь» полного стакана самогона, прополоскал рот и горло, проглотил содержимое, и в сопровождении пос-тепенно приходящих в себя друзей вышел на разбитую кладбищенскую дорогу, где его подобрал военный УАЗик, следовавший вниз – в сторону Республиканской больницы.

А во-он там похоронен Муджо Цулая. Конечно, если бы я располагал чуть большим временем, я бы обязательно рассказал много интересного об этом сухумском «мясном короле» 60-х годов прошлого века.

Цулая был очень авторитетным и уважаемым человеком. Он ещё тогда пообещал миллион рублей тому, кто исцелил бы его от «очень плохой» болезни (из суеверия тогда именно так называли заболевание раком, чтобы ненароком не накликать беду на себя или своих близких). Но, к сожалению, не нашёлся тот, кто

смог бы это сделать, и он, Цулая, тоже оказался здесь, рядом с простыми смертными, где, как известно, все равны.

К сожалению, я должен прервать свой рассказ, потому что впереди показался поворот направо, к пожарной команде.

Кладбище уже закончилось, и появились первые осунувшиеся, как люди от горя, дома: такими жалкими и бессмысленными показались они без детского крика и смеха. Да и людей тоже не было видно, хотя я совершенно точно знал, что за нами внимательно следили очень грустные глаза тёти Миры Жамкочян и дяди Даниэла Папазяна, и другие глаза, не менее любопытные и такие же грустные.

Дома…

И вдруг меня посетила странная мысль о том, почему в соседних сёлах Ачадаре и Гумисте один за другим горели дома, иной раз вместе с жильцами (например, в собственном доме был сожжён учитель математики местной средней школы Тариел Карагозян), а в Лечкопе за это время ни один дом не сгорел, все дома уцелели!

Что за непонятное чудо?!

Нет, конечно, это хорошо, что не горели дома, это даже очень и очень здорово! По этому поводу я успел даже немного порадоваться за лечкопчан перед своим скорым возвращением в суровую действительность.

Ещё несколько метров, и ещё…

Всё ближе и ближе то ли точка моей жизни, то ли её многоточия под названием поворот…

Поворот... Но поворот куда? Это именно тот поворот, смысл которого не зависит от поворачивающегося.

Машина медленно катилась за мной… Ещё пару метров… Вот ещё сделаю пару шагов…

Через несколько секунд решится мой вопрос, а точнее судьба, и, наконец, закончится эта суровая игра с самим собой, похожая на детскую под названием... Интересно, кто её так нежно назвал «кошки-мышки», чтобы кто-то потом смог саркастически уточнить: «Кошкина игра – мышкина смерть».

Обильный холодный пот лился с меня градом, застилал глаза…

Будь что будет. Из последних сил я взял и просто-напросто повернул себя направо и механически сделал ещё несколько шагов…

«Урал» прощально посигналил. Взревев мотором, медленно покатился вниз и скрылся за углом – через пару минут он будет на железнодорожном вокзале.

Я тоже в знак прощания попытался поднять онемевшую руку и постарался помахать вдогонку.

«Расстались, почти как друзья расстались, – ехидненько съязвило в моей голове, – надеюсь, что навсегда».

Я не почувствовал, как остановились мои окаменевшие ноги.

Они показались мне очень тяжёлыми.

Потом эта тяжесть ушла куда-то вниз, наверное, в землю, и я облегчённо вздохнул, как будто с моей души свалился огромный камень, наверняка надгробный, потому что только он может быть таким невероятно тяжёлым. Только он может так сильно давить.

После огромного нервного напряжения наступило такое душевное облегчение, что я даже физически почувствовал его.

Не знаю, сколько минут, а может, всего несколько секунд, но точно целую вечность, я стоял неподвижно.

И только когда передо мной остановилась белая «шес-тёрка» руководителя сельской общины «Комитас» Размика Ипекчяна, я почувствовал пронзительный холод, проникающий в мою душу.

Я почти по колено стоял в луже, раскинувшейся мет-ров на десять в длину и заполненной грязной полужидкой жижей.

– Да как же тебя угораздило попасть в эту лужу, куда же ты смотрел, не видел, что ли? Давай, садись в машину, – крикнул Размик, высунув голову из салона, – давай, давай, повезу тебя домой, заболеешь ведь. И не забудь выпить стакан крепкой чачи с острым перцем.

Я хотел ему ответить, что не только я, но и все мы вместе оказались в ещё большей и страшной, нет, не в луже, а в болоте, и уже болеем какой-то непонятной болезнью… Так что, я уверен, никакая крепкая чача даже с самым острым перцем чили не поможет.

Но я только махнул рукой и пошёл к машине, быстро сообразив, что это – самое удачное для меня продолжение дня.

После окончания войны, когда наконец воцарился тяжёлый, отмеченный многими человеческими трагедиями мир, я по-

лучил ответ на вопрос о том, как же уцелели дома в нашей прифронтовой зоне, как наши сельчане избежали человеческих жертв.

Оказалось, что всё до банальности просто: это заслуга узнавшего меня «гвардейца» из Тбилиси по фамилии Давтян (имени, к сожалению, не помню). Он сделал всё возможное (да и невозможное) для сохранения нашего небольшого пригородного села.

Более того, оказывается, он ещё в Тбилиси был наслышан о творимых «гвардейцами» безобразиях в отношении мирных жителей. И специально приехал в Абхазию, чтобы в меру своих сил и возможностей защитить местных жителей, в том числе и амшенских армян, от мародёров и убийц, чувствовавших себя очень вольготно в условиях разгула преступности, охватившей в начале 90-х годов прошлого века практически все регионы бывшего Союза. Особенно высокий уровень преступности был на тех территориях, где полыхали межнациональные и национально-освободительные войны. Как, например, у нас.

Об этом мне рассказал завхоз нашей школы, когда однажды летним жарким днём я поднялся к нему домой после моего возвращения в Абхазию. «Да и я обязан ему жизнью, – с благодарностью сказал завхоз и добавил. – Он часто приходил к нам в гости, иногда с Размиком Ипекчяном. Мы много говорили о жизни. Вспоминали и тебя. Конечно, он не был всемогущим, не всё ему удавалось, хотя удавалось многое. Он очень старался, переживал, когда не успевал».

Рассказывал завхоз, а я думал о том, что если бы не Давтян, не сидели бы мы под этим оливковым деревом и не пили ароматную изабеллу – вино из одноимённого винограда, закусывая вкусными мясистыми маслинами собственного – вардикяновского посола. Вот попробуешь эти маслины да пальчики оближешь, и никогда не будешь есть их дальних родственников, расфасованных в красиво оформленные жестяные банки! Кстати, во время войны наши друзья солили плоды лавровишни, отдалённо напоминающие маслины, и это тогда считалось дорогим угощением.

Многие обязаны своей жизнью Давтяну. Многим он приходил на помощь по первому же зову, сопровождал до морвокзала и рыбколхоза тех, кто уезжал из фронтовой зоны. Самым

ходовым и востребованным грузовым «транспортом» в то время были детские коляски и тачки: их загружали необходимым скарбом и пускались в дорогу. Давтян сопровождал их, сажал на перевозящие мирных жителей в Россию рыболовецкие сейнеры. Помогал, конечно же, рискуя собственной жизнью, ведь не всем «гвардейцам» нравилось его такое миротворческое поведение. К нашему счастью, были и такие люди, как Давтян – сильные, честные, благородные. Люди, которые сумели сохранить своё человеческое достоинство.

Война очень строго и безжалостно расставила всё по своим местам, разложила буквально по полочкам, показала, кто есть кто на самом деле: соседи, друзья, родственники. К сожалению, не все выдержали это суровое испытание, не все сумели удержать своё человеческое достоинство на должной высоте, зафиксировав, как штангист, эту тяжёлую обязанность – быть человеком: «очень многие оказались побеждёнными под знамёнами своих же побед», как сказал поэт Размик Давоян. И я начал понимать обнажённые до предела слова Евгения Евтушенко:

Эх, война, моя мачеха-матерь,
ты учила умнее грамматик,
научила всему, что могла,
и сама кой-чему научилась.
Проклинаю за то, что случилась,
и спасибо за то, что была.

Да, война достойна всеобщего проклятия, но уж если, к несчастью, она случилась, необходимо в полной мере, максимально воспользоваться её до жестокости суровыми уроками и сделать соответствующие выводы, чтобы она не повторилась в будущем. На войне враг – твой самый верный друг: честно и точно укажет твои сильные и слабые стороны.

Мне понравилась эта мысль: использовать уроки вой-ны против неё же, вернее, против её повторения.

– Не знаю, уцелел ли этот молодой человек, – сказал завхоз, наливая стакан. – Он ушёл вместе со своей группой с началом наступления абхазских войск на Сухум. Много погибло тогда людей, ой как много. Как военных, так и мирных жителей. Никогда не забуду того ужаса.

Я с сожалением вспомнил, что погиб и врач Размик Ипекчян: он был убит при неизвестных обстоятельствах то ли во время

боёв за освобождение Сухума, то ли сразу после окончания войны.

– Давай поднимем стакан за Давтяна. Если жив он, дай Бог ему здоровья и счастья! Хорошего сына воспитали его родители, достойного! Вот побольше бы таких людей, и, глядишь, жизнь была бы намного чище и светлее, и люди были бы добрее.

Потом мы выпили за мир во всём мире и чистое небо над человечеством. Не как традиционный, «дежурный» тост мы подняли стакан, как делали до войны, – а как выстраданное пожелание души и сердца. Выпили до дна, до последней капли, приливом чувствуя в своей душе животворящую силу солнца, которая медленно проникала в нашу каждую клетку, растворяясь без остатка.

Так пьёт человек, прошедший через ужасы войны, испытавший горечь невосполнимых потерь, хорошо знающий цену миру.

Это потом станет традиционным вторым стаканом, после первого за Всевышнего, поминать тех, кто ценой своей жизни дал нам право не существовать – жить на этой земле.

Ярко светило солнце совсем другими красками и переливами лучей – так бывает только в детстве, когда всё имеет другой смысл и значение, другие измерения, неподвластные никаким физическим и философским законам.

И вдруг так неожиданно, но так кстати грянул гром и пошёл дождь. Летний, чистый, с солнечными капельками вперемешку, проникающий в душу и очищающий её слепой дождь, хотя правильнее будет называть его солнечным.

Как в детстве, когда все дожди бывают только солнечными, если даже и слепые.

2020

ОН С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ СОЛДАТА

Очерк

Есть встречи, которые случаются неожиданно, но продолжаются и после завершения. Они как бы подтверждают народную мудрость о том, что хорошее начало имеет только продолжение.

Судьба подарила мне несколько совершенно разных встреч с интересными людьми: писателями, учёными, педагогами, военными, политиками…

И, конечно, с прославленными ветеранами Великой Отечественной войны.

Вот одна из таких «незапланированных».

9 мая 2008 года я познакомился с Ованесом Гайковичем Данеляном. В этот знаменательный день я приехал к Солдату Отчизны: познакомиться, поздравить с Днем Одной На Всех Победы и поблагодарить его за ратный подвиг на полях сражений Великой Отечественной войны и самоотверженный созидательный труд.

Написал я этот материал, но по разным причинам не стал публиковать. Возможно, я тогда не совсем осознавал всю глубину подвига простых советских солдат, в том числе своего отца и его четырех братьев.

…Наша «Ока» крутыми поворотами осторожно объезжает многочисленные глубокие колдобины как будто разбомбленной дороги и медленно поднимается вверх по левому берегу реки Псоу. Мы едем в одно из живописных сел Абхазии – Микелрипш Гагрского района. Мне кажется, что мы едем очень долго, хотя село находится на высоте 200 метров над уровнем моря. Во время таяния снега или обильных дождей, когда река разливается и закрывает дорогу, полностью прерывается связь села с внешним миром. Микелрипшцы старшего и среднего поколения не помнят, когда последний раз здесь велись ремонтные работы, а молодежь, родившаяся уже после грузино-абхаз-

ской войны, и вовсе не поверит, что такие работы когда-либо вообще велись.

Наконец мы подъезжаем к дому Данелянов. Во дворе нас радушно встречают хозяева – Ованес Гайкович Данелян и его супруга Элмас Геворговна Трапизонян.

За чашкой ароматного кофе начинается наша неторопливая беседа.

…Почти сто пятьдесят лет назад, в начале 70-х годов XIX века, Погос Данелян и Маник Нагулян, спасаясь от турецкого ятагана, смертельно нависшего над армянским народом, покинули родной город Дженик, расположенный на берегу Черного моря в Западной Армении, и обосновались в гостеприимной Абхазии. Здесь и свела их судьба: они соединили свои сердца, и в 1900 году родился их сын Гайк, названный так в честь прародителя армян Гайка Наапета.

Быстро пролетело насыщенное разными событиями время, и в 1923 году возмужавший Гайк женился на семнадцатилетней красавице Парандзем. Родители ее нарекли именем Святой великомученицы армянской апостольской церкви – царицы Армении середины IV века Парандзем – супруги царя Аршака II и матери царя Папа.

– Я родился 20 февраля 1925 года, – рассказывает Ованес. – Во время родов моя мама Парандзем умерла. Ей было всего двадцать лет. Нас, меня и моего старшего брата Хачика, воспитала бабушка. Учился я в местной семилетке, которая находилась в доме нашего односельчанина Кочумяна. К сожалению, имя этого достойного человека я запамятовал. Здесь я учился в первом классе, учился очень хорошо, с большой охотой, и меня перевели в первый усиленный класс. Скажу без хвастовства: эту тягу к знаниям я сохранил на всю жизнь; даже сегодня, в моем преклонном возрасте, я продолжаю читать художественную и историческую литературу, живо интересуюсь не только местными новостями, но и международной жизнью. И еще скажу, что любовь к чтению привила мне моя первая учительница Нвард Нагулян. Я вспоминаю ее с большой нежностью и благодарностью. Вскоре силами жителей села была построена деревянная школа. Представляете нашу радость: отдельная школа, со светлыми классными комната-

ми и запахом свежей древесины?! В этой школе я проучился всего четыре года.

После Нвард Нагулян нашим учителем стал Геворг Гочян, он приезжал из Сочи. К сожалению, я был вынужден оставить учебу из-за неожиданно сложившихся тяжелых семейных обстоятельств: в 1937 году сгорел наш дом. Чтобы оказать посильную помощь семье, я начал работать в колхозе.

Работал не покладая рук, почти наровне со взрослыми. Работал и светлой завистью завидовал своим сверстникам, которые каждое утро с веселым шумом спешили на занятия. А с другой стороны, моя душа наполнялась гордостью за то, что в свои 12-13 лет я не совсем легким трудом поддерживал свою семью.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Отца Ованеса – Гайка и старшего брата Хачика призвали в действующую армию в 1941 году, а Ованеса – в декабре 1942 года.

Шесть месяцев он обучался в тбилисской школе отличных снайперов, после окончания которой его направили в одну и воинских частей, дислоцированных в Подмосковье. (В той же школе в 1944 году снайперскую подготовку проходил и мой отец.– *А.С.*) Через короткое время их часть перебросили на передовую – в состав 36-й ударной бронированной бригады, которая отдельной единицей входила в структуру 1-го Белорусского фронта.

– 27 декабря 1943 года наше подразделение, занимавшее позиции под условным названием «Мешок» в соответствии с характером местности, получило приказ освободить небольшой населенный пункт для обеспечения беспрепятственного продвижения наших пехотных частей. Во время ожесточенного боя я получил серьезное ранение в ногу. Меня перевели в тыл, и я три месяца лечился в одном из московских госпиталей. После излечения, с марта 1944 года я продолжил службу в действующей армии, но уже в составе 2-го Белорусского фронта. Летом наше специальное подразделение – маневренный полк – вступило в тяжелые кровопролитные бои. Много погибло наших бойцов, каждый из которых был чьим-то сыном, отцом, братом…

Рассказывает Ованес Гайкович, и в глазах – бездонная печаль, грусть. «Много повидал смертей, – говорит он, – она

каждую секунду подстерегала нас, но всегда приходила неожиданно. Я так и не привык к ней, даже на войне. Как можно привыкнуть к гибели друга, с кем только что делил хлеб и махорку, делился заветными воспоминаниями?! А может быть, твой друг спас тебя, «поймав» пулю, предназначенную тебе?»

Вскоре Данелян вновь будет ранен, и опять в ногу. Это произошло в лесу, когда их взвод получил приказ уничтожить немецкий грузовик с боеприпасами. Приказ был четко выполнен, уже горел подорванный грузовик, когда на них напали с тыла скрывавшиеся в глубине глухого леса фашистские солдаты. В завязавшемся кратковременном бою неприятель был уничтожен, но Данелян получил два тяжелых огнестрельных ранения.

И вновь началась изводящая до предела госпитальная жизнь, которая продлилась более двух месяцев. Затем опять – действующая армия – в составе родного 1-го Белорусского фронта, войска которого под командованием прославленного полководца Георгия Жукова в результате упорных, местами кровопролитных боев вместе с другими армейскими формированиями освободили Польшу и перешли границу Германии. «С нами рядом самоотверженно сражались и польские солдаты. Честь и хвала им», – говорит Данелян.

Кстати, о Жукове. Он часто бывал на передовой линии наших войск. Для принятия серьёзных решений он должен был своими глазами осмотреть позиции, почувствовать их так, как чувствуют солдаты. Жуков несколько раз перед наступлением наших войск приезжал и в подразделение, где служил Данелян.

– Я не только видел этого прославленного человека буквально в нескольких шагах от себя, но и пожимал его руку,– говорит Ованес Гайкович и продолжает.– Как-то раз, после осмотра местности перед наступлением, наш командующий задержался немного, поговорил с нами по душам. Добрый получился разговор. Потом он попрощался, сел в машину, которая в метрах тридцати от нас, скользнув в сторону, задними колёсами угодила в яму и начала буксовать, всё больше и больше погружаясь в жижу. Мы поспешили на помощь, но сам Жуков вдруг вышел из машины и начал толкать её. Подбежали мы и все вместе, солдаты и командующий, почти на руках вынесли по раму «севшую» машину из грязевой ямы. Георгий Константинович повернулся к нам, поблагодарил и

сказал, я никогда не забуду его слова, с твёрдой уверенностью: «Вот так вместе мы победим врага!»

С душевной болью рассказывает он о форсировании реки Одера:

– Наша часть ночью форсировала Одер и заняла плацдарм на его правом берегу, близ города Франкфурта. Плацдарм был нужен для обеспечения прорывного наступления наших основных войск. Но в ту же ночь, едва окопавшись, мы получили приказ об отступлении. Приказ, который был четко выполнен, строго гласил: отступить, оставив на плацдарме по одному бойцу из каждых пятидесяти человек! Вскоре немецкая артиллерия подвергла плацдарм массированному обстрелу. Никто из бойцов, оставшихся там, не уцелел, ведь они были смертниками; и когда мы покидали плацдарм, навсегда прощались с нашими товарищами. Через два дня наши войска вновь перешли в наступление, стремительно форсировав Одер, и на его правом берегу обеспечили солидный плацдарм для переброски и накопления нашей военной техники и развертывания войск.

Наше командование готовилось к проведению операции по взятию Берлина.

– Рано утром 16 апреля на нашем участке 1-го Белорусского фронта началась мощная артиллерийская подготовка, которая длилась около 30 минут,– продолжает Ованес Гайкович. – Это было страшное, но радующее наши сердца зрелище: небо над Берлином было охвачено плотным артиллерийским дымом, пробиваемым полыхающим огненным заревом. После артподготовки наши войска перешли в наступление. Враг оказывал ожесточенное сопротивление буквально на каждом шагу – надо воздать ему должное: не с дураками и слабаками мы воевали; я говорю об этом, чтобы вы знали: даже на завершающем этапе войны враг был силен. И не мудрено, что за весь день наша часть продвинулась всего на метров двести, и то ценою огромных потерь, ведь перед нами фашисты соорудили двенадцать мощных оборонительных зон. Для нашего подразделения сложилась критическая ситуация, которая продолжала усугубляться. Чтобы как-то облегчить наше положение, вновь вступили в бой артиллеристы, и только после их массированных обстрелов мы смогли перейти в наступление, во вре-

мя которого, попав под минометный огонь, я вновь получил несколько ранений: была сломана нога, раздроблено колено, были и другие серьезные повреждения. Наши товарищи ушли вперед, а мы, несколько тяжелораненых солдат, вот так беспомощно лежали на поле боя, практически неподвижно, потеряв много крови. И только через сутки нас обнаружили санитарки медсанбата. Огромное спасибо им, этим самоотверженным девушкам; они, рискуя собственной жизнью, на своих хрупких плечах доставили нас в расположение полевого госпиталя, где нам оказали первую помощь. Затем нас перевели в Польшу, где в одной из больниц я был успешно прооперирован. И здесь, в больнице, мы получили долгожданную весть об окончании войны. Конечно, досадно, что волею судьбы я не стал полноправным участником взятия Берлина. Дальнейшее мое лечение продолжилось в городе Кирове. И только глубокой осенью 1945 года, еще не совсем оправившись от ранений, я добрался до города Сочи.

И здесь, на Сочинском вокзале, Ованес Данелян совершенно неожиданно встретил своего старшего брата – Хачика. Радость была неописуемая еще и потому, что долгое время от Хачика не было вестей.

И они вдвоем, на полях сражений с честью выполнив свой долг перед Родиной, вернулись в родное село – Микелрипш.

Ратный подвиг Ованеса Гайковича оценен по достоинству: он награжден многими медалями, в том числе орденом Отечественной войны первой степени и специальной медалью маршала Жукова.

Вернувшись домой, солдат Отечества продолжил свою трудовую деятельность в родном колхозе, начатую еще в 12-летнем возрасте.

Вскоре Ованес Данелян создал семью: 13 марта 1948 года он женился на славной девушке Элмас Геворговне Трапизонян. Они прожили вместе 67 лет, родили сыновей Аршака, Дживана, Геворга (умер в 14-летнем возрасте) и Ованеса.

Сегодня сыновья, восемь внуков и десять правнуков с любовью и почтением окружают Ованеса Гайковича Данеляна, человека, который своим ратным подвигом и самоотверженной работой, являясь образцом верности и преданности, заслужил глубокое уважение благодарных потомков.

Остается добавить (как принято в таких случаях), что Ованес Гайкович построил добротный дом, посадил здоровое дерево, а книгу о нем должны написать мы.

И если моя скромная попытка будет предисловием к ней, я себя посчитаю счастливым человеком.

…Несколько лет назад ушел из жизни Ованес Гайкович Данелян, но наша встреча не завершилась и продолжается до сих пор.

Это – одна из тех нескольких дорог, по которым я одновременно ухожу от себя, чтобы вернуться к себе. Я должен максимально отдалиться от себя, чтобы максимально приблизиться к себе, найти и понять самого себя.

Но смогу ли я найти себя, от себя уходящего? Наступит ли это время?

Если да, то оно обязательно будет светлым и добрым.

2008, 2020

«НАШИ ДОМА БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ БУДУТ ГОРЕТЬ»

Очерк

11 декабря 1896 года родилась Ашхен Лазаревна (Габриэловна) Туманян. В её образе сконцентрированы духовные качества армянской женщины – хранительницы очага традиционной армянской семьи.

Она была женой видного советского государственного и политического деятеля Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978), его надёжной опорой на протяжении всей их совместной жизни, продлившейся немногим более 40 лет – до смерти Ашхен. Она умерла в 1962 году – в период Карибского кризиса, когда Анастас Иванович находился на Кубе. Моральные и волевые качества Ашхен Лазаревны проявились в полной мере особенно в драматичные годы культа личности Сталина.

В этой семье воспитались: Степан Микоян – участник Великой Отечественной войны, военный лётчик-испытатель, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза; Владимир Микоян – военный лётчик, лейтенант (18-летним юношей погиб в воздушном бою под Сталинградом); Алексей Микоян – участник Великой Отечественной войны, военный лётчик, генерал-лейтенант; Вано Микоян – инженер-конструктор МиГ-29, дважды лауреат Государственной премии СССР; Серго Микоян – публицист, доктор исторических наук.

В самом начале своей не совсем продолжительной трудовой деятельности Ашхен Туманян учительствовала в армянских школах Абхазии – в селе Богапосте (затем – Пшап, ныне – Цанбекуара) и городе Сухуме. И этот факт до сих пор с благодарностью и гордостью вспоминают в тех армянских семьях, предки которых были её учениками. Из поколения в поколение передаётся любовь и добрая память об Ашхен.

Именно так называли её амшенские армяне – Ашхен. Именно так – просто Ашхен – осталась она в их сердцах.

О том, что Ашхен Туманян работала в Абхазии, подтверждает и сам Анастас Микоян в своих воспоминаниях. В книге «Так

было», вышедшей в 2014 году под редакцией сына – доктора исторических наук Серго Микояна, он пишет, что через год «после этого» она окончила учёбу в Тифлисской армянской женской средней школе и «уехала преподавать в армянскую деревню, в район Сухума». По нашим нехитрым арифметическим подсчетам получается, что это было в начале лета 1918 года, так как микояновское «это» (признание в любви) произошло летом 1917 года, когда Ашхен была ученицей выпускного класса. Сопоставив разнообразную информацию и рассказы очевидцев, нам удалось выяснить, что в конце осени 1921 года, проработав почти три с половиной года, она из Абхазии уехала в Нижний Новгород.

«Вскоре я вызвал с Кавказа Ашхен», – по этому поводу пишет Анастас Микоян.

Здесь мы должны обязательно сказать, что в то не совсем лёгкое время армянские школы Абхазии остро нуждались в преподавательских кадрах. Более того, ситуация постоянно ухудшалась. Малочисленных местных учителей катастрофически не хватало. Это было связано с всё более и более увеличивающимся потоком беженцев из Западной Армении, где продолжался организованный младотурками геноцид её исконного населения. И для работы в армянских школах в Абхазию приезжали учителя из Тифлиса и Еревана. Об этом я писал в нескольких своих публикациях, а затем и в альбоме «Сухумская армянская школа», который подготовил и выпустил в серии «Библиотека газеты «Амшен» в 2006 году, приурочив к 100-летию учебного заведения.

Наши предки, пусть и в основном неграмотные, хорошо понимали роль и значение образования. И, обосновавшись в Абхазии, они первым делом строили школы. Иногда под школу отдавали свои скромные жилища. Именно так в своё время поступил отец нашего соседа – дяди Левона Саркисяна – мушеци Степан: дед героя моих многих рассказов Стёпи Пастуха. Он свой дом в селе Яштухе отдал под школу, а сам с семьёй перебрался жить во времянку.

К глубокому сожалению, в моих ранних газетных публикациях, как затем и в альбоме, по моему незнанию и невнимательности была допущена досадная оплошность: Ашхен Туманян представлена как дочь великого армянского поэта Ованеса Тадевосовича Туманяна, чьё имя с 1971 года носит сухумская армянская школа.

Меня ввел в заблуждение тот факт, что старшая дочь Ованеса Туманяна тоже звалась Ашхен. И ещё, с кем бы я ни говорил из ближайших родственников учеников Ашхен Туманян, все уверенно подтверждали, что именно так и есть: да, она – дочь Ованеса Туманяна.

То же самое говорили и мои родственники: и те, которые учились в сухумской школе и были её учениками, и те, которые учились уже после отъезда Ашхен из Абхазии – они ссылались на рассказы старшеклассников и учителей.

И в этом не было ничего удивительного, ведь Ованес Туманян ещё при жизни был самым читаемым армянским писателем, самым популярным, одним словом – самым любимым, каковым и остаётся до сих пор. И, естественно, люди вполне могли такую красивую, образованную и скромную девушку, как Ашхен, принять за его дочь, создав соответствующую легенду, в которую сами же безоговорочно поверили. Тем более, что «была и солидная доказательная база»: фамилия, имя, образованность, воспитание, приезд из Тифлиса, где жил Ованес Туманян…

Какие могли быть сомнения?

Именно так и сказал мой старший дядя Вардан: «Такая девушка не могла не быть дочкой Ованеса Туманяна».

Да и образно говоря с лёгким лирическим отступлением, все мы являемся детьми великого поэта. Помню, однажды моя мама сказала, когда мы изучали рассказ «Гикор»: «Мы все дети Ованеса Туманяна, потому что все мы по жизни Гикоры».

И тем не менее, несмотря на своё почти «стопроцентное алиби», через более двадцати лет после первых газетных публикаций на данную тему, следуя народной мудрости, гласящей, что лучше поздно, чем никогда, я приношу свои извинения читателю за то, что невзначай ввёл его в заблуждение.

Повторюсь ещё раз: Ашхен Туманян, впоследствии ставшая женой Анастаса Микояна, не была дочерью Ованеса Туманяна. Они были родственниками. Кстати, родственником Туманяна был и сам Анастас Микоян.

Но вернёмся к нашему повествованию.

Так вот, летом 1918 года Ашхен Туманян приехала в Абхазию. Вернее, её привёз в село Богапосту его житель Аршак Саркисович Асланян. Как говорили наши старшие, «он специально поехал в Тифлис, чтобы привезти оттуда учителя, дабы

дети могли выучить айббенгим», то есть научились читать и писать. Сам Аршак Асланян не имел никакого образования, но уважал людей науки и культуры, серьёзно занимался самообразованием, очень много читал.

(Его младший брат, Григор Саркисович Асланян, впоследствии стал директором армянских средних школ Богапосты и Сухума.

При его директорстве столичная школа была расширена на 24 классные комнаты.

Я хорошо помню его, он нам преподавал физику в пятом классе. К слову сказать, Григор Асланян был учеником Ашхен Туманян. Уверен, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль, когда школу в 1971 году назвали именем Ованеса Туманяна. Об этом мы писали выше.

Когда сразу же после смерти Сталина встал вопрос возобновления работы сухумской школы, закрытой в 1946 году, делегация из Сухума, состоящая в основном из учеников Ашхен Туманян, во главе с общественным деятелем Карапетом Алтуняном в Москве встретилась с Анастасом Ивановичем Микояном и Иваном Фёдоровичем Тевосяном, которые являлись соответственно министром торговли и министром чёрной металлургии СССР и одновременно – заместителями председателя Совета Министров СССР. Вопрос открытия школы был решён в кратчайшие сроки. В том же году возобновились занятия, а вскоре началось и строительство нового школьного здания.

Наверняка вы уже догадались, что и «в этом деле была замешана рука Ашхен».)

Специально для Ашхен рядом со школой сельчане построили небольшую комнату, где она жила. Ашхен преподавала армянский язык и рисование. Работала она практически бесплатно. Жители села поддерживали её только продуктами питания: приносили кто что мог, кто что имел: молоко, сыр, овощи, фрукты… Ашхен довольствовалась самым необходимым, самым малым. Все продукты она раздавала неимущим семьям и сиротам, количество которых, к сожалению, постоянно увеличивалось. Ашхен кормила и своих учеников, себе оставляя остатки. И очень часто не оставались даже эти остатки.

Был случай, когда один из учеников, Мкртыч Арутюнович Сеферян, обладавший некоторыми художественными способностями, по просьбе Ашхен в её комнате для школьной стен-

газеты рисовал окружающую природу и живность (пасущихся коров соседа Яйляна на фоне школы), а Ашхен была занята уборкой территории. И пока рисовал, он заметил, что на столе стоит стакан с мацуном и кукурузным хлебом, которые утром сам же принёс для учительницы. Мкртыч уже чувствовал первые признаки голода, и, как само собой разумеющееся дело, съел кукурузный хлеб и мацун, и лишь после этого понял, что оставил учительницу без ужина.

Однажды в школе случился пожар: загорелась одна из подсобных комнат. Среди учащихся началась самая настоящая паника, ибо многие из них были беженцами и своими детскими глазами видели смерть родных, горящие дома и целые деревни. «Турки, турки пришли, – кричали дети, – они нас нашли. Они сожгут нас». Дети в страхе обнимали Ашхен, плакали и умоляли убежать в горы, скрыться там. Ашхен успокаивала детей, как могла успокаивала, сама же плакала и шептала сквозь слёзы: «Успокойтесь, родные мои, успокойтесь, нас никто больше не будет убивать. Наши дома больше никогда не будут гореть».

Стараниями Ашхен в самой школе и на близлежащей территории был установлен идеальный порядок.

Со всеми жителями она поддерживала хорошие отношения, ко всем ученикам относилась одинаково тепло и доброжелательно.

Ашхен хорошо понимала, что для развития армянского населения нужны местные педагогические (и не только педагогические) кадры и всячески поддерживала одарённых детей. Так, по её совету один из способных учеников – Амбарцум Петросович Джидарян продолжил своё образование в знаменитой Нерсисяновской школе, после окончания которой вернулся в Абхазию и преподавал историю и географию в Сухуме и Пшапе. По стопам Амбарцума Петросовича пошёл и его внучатый племянник Манук Джидарян, ставший учителем географии. Сегодня он – директор Цанбекуарской средней школы, где в своё время учительствовала Ашхен Туманян. Другим учеником, поддержанным Ашхен, был Амбарцум Маркосян. Он впоследствии стал попечителем своей родной школы и много сделал для её развития.

…Анастас Иванович Микоян и Ашхен Лазаревна Туманян похоронены на Новодевичьем кладбище.

2021

ГЯВУР МГЕР

Очерк

Ежегодно, 24 апреля, в День памяти жертв армянского геноцида в Османской Турции, главы многих государств, разные общественно-политические организации, видные деятели науки и культуры обращаются к армянскому населению своих стран и вообще к армянству мира со словами соболезнования и сочувствия в связи с трагическими событиями, имевшими место в Османской Турции в конце XIX и первой четверти XX века. Эти трагические события известны под названием геноцида армянского народа.

Такое же проникновенное обращение недавно направил всем армянам, живущим в Абхазии, и народу Армении с пожеланиями мира, добра и благополучия Президент Абхазии Аслан Бжания: «…Мы вспоминаем трагические страницы не только истории армянского народа, но и мировой истории, – отметил он. – Страшные события прошлого столетия, связанные с геноцидом армянского народа, не могут оставить нас равнодушными. Сколько бы времени ни прошло, память о невинно убиенных всегда будет жива».

Словами поддержки и сочувствия выражали свою солидарность армянскому народу все руководители независимого Абхазского государства.

Например, экс-президент Рауль Хаджимба особо отметил стойкость армянского народа, который возродился, сохранил свой язык, веру и традиции и бок о бок с абхазами строит сильное и независимое Абхазское государство, участвует в политической, социальной и экономической жизни страны.

Почти все армянское население Западной Армении, неся огромные человеческие потери, не говоря уже об имущественных, вынужденно покинуло свои очаги и рассеялось практически по всему миру. Часть населения исторического Амшена, спасаясь от турецкого ятагана, нашла приют в Абхазии, жители которой приняли беженцев, в меру своих сил и возможностей окружили вниманием, оказывая посильную

помощь. И за это наш низкий поклон гостеприимному абхазскому народу.

...Одним из тех, кто занимался переправкой беженцев в безопасные страны, был Мкртыч Бостанджян, известный как Гявур Мгер – так его называли турки.

Родился он в 1890 году в городе Орду. В начале XX века, за несколько лет до массовых погромов, он с друзьями часто приезжал в Абхазию на заработки. Когда в 1915 году началась резня, они находились как раз в Абхазии – в местечке под названием Чалтилух (это недалеко от поста ГАИ в Верхней Эшере, армяне до сих пор его так и называют), где занимались не совсем простым делом – укладкой каменных заборов, требующей кроме умения еще и физическую выносливость.

Друзья решили вернуться на родину, чтобы попытаться спасти своих родных, конечно, рискуя собственной жизнью. Возвращались через Батуми, где к ним примкнули еще несколько таких же молодых людей. Образовалась группа из восемнадцати человек.

На территории Западной Армении были разные вооруженные группы сопротивления, которые решали определенные задачи: одни воевали, другие занимались не менее важной работой – снабжением продовольствием и вооружением, выполняя функции тыловых структур. Но были и группы, которые занимались, возможно, самой главной работой: они в горах и лесах искали выживших людей, главным образом детей, которых прятали в неприступных пещерах, а затем группами переправляли в разные страны, в том числе и в Абхазию. Тогда было неважно, в какие страны: главное, спасали их от гибели. Гявур Мгер рассказывал, как однажды спасли жизни 72 женщин, детей и стариков, которых янычары вели к ущелью, чтобы там их зарезать, уничтожить.

В одном из сел близ Орду турецкий учитель перед своим домом на улице закопал в землю сироту девочку-армянку по горло (так в Средневековье наказывали особо опасных преступников в некоторых деспотических странах), чтобы проходящие злословили и издевались над «неверной». И это продолжалось в течение двух дней, пока девочка не потеряла сознание, после чего учитель бросил ее в реку Мелети. В холодной воде она пришла в себя и сумела выбраться на берег. Но учитель привязал камень к

телу несчастной и утопил в реке. Об этом случае стало известно Гявуру Мгеру. Он через верных людей честно сообщил учителю, что тот приговорен к смерти, пусть готовится. Вскоре в ожесточенной перестрелке приговор был приведен в исполнение.

Надо сказать, что отличительной чертой армянских бойцов самообороны была честность, и это хорошо знали враги и уважали их за это. Например, после очередного боя с жандармами, отступив в глухой лес и заняв более выгодные позиции, Гявур Мгер «посадил на пень смотрящий в небо» патрон от своей винтовки Мосина.

«Посадить на пень смотрящий в небо патрон». Враги хорошо знали, что это знак «красной черты», знак невозврата.

И таких случаев было немало. Гявуру Мгеру удавалось невозможное. Так, уже после очередной амнистии, объявленной турецким правительством и оказавшейся, как всегда, блефом, когда многие ополченцы вернулись к своим семьям, один из соратников Гявура Мгера – тоже Мгер – убил человека, за что был арестован. Без сомнения, ему грозила смертная казнь, но Гявуру Мгеру каким-то невероятным образом удалось «вытащить» товарища из тюрьмы и переправить в Абхазию. Мгер обосновался в селе Гумисте.

Со временем власти выяснили, что этот дерзкий поступок совершил Гявур Мгер. Его приговорили… к 360 ударам плетью. Гявур Мгер чудом выжил. В 1919 году друзья переправили его с женой Ераник и дочерью Аракси в Абхазию, которую он хорошо знал и где имел много друзей. Он обосновался в упомянутом выше местечке Чалтилухе. Здесь у них родились дочери Мариам и Азнив, а также сын Ерванд.

Мкртыч Хачикович Бостанджян умер в 1967 году в возрасте 77 лет. Ровно столько же прожила и Ерануи Галустовна Бостанджян (1905–1983).

Один из внуков Мкртыча и Ерануи Бостанджянов, Роберт Аветисян (сын Мариам), стал директором Верхнеэшерской неполной средней школы и долгие годы руководил работой этого учебного заведения. Сегодня он на заслуженном отдыхе. Его дело с достоинством продолжает сын Левон – выпускник Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна – в качестве директора Верхнеэшерской армянской средней школы.

...Как мы писали выше, армян, переживших погромы, увозили с исторической родины, переправляли в разные страны. Они образовали мощную армянскую диаспору – спюрк.

Направлявшийся в Америку 15-летний Айрапет Бостанджян – младший брат Ераник – по стечению обстоятельств оказался в Румынии. Ему удалось устроиться на работу мельником у одного добропорядочного румына, не имевшего своих детей. Супруги полюбили Айрапета как родного сына и впоследствии усыновили его. Но об этом родственники Айрапета, как уже догадался наш читатель, ничего не знали.

Прошли десятилетия. В 1955 году знакомые сказали Айрапету, что в одной из советских войсковых частей служит солдат по фамилии Бостанджян. Он родом из Абхазии. Мало ли, в жизни всякое бывает, не родственник ли? К счастью, оказалось, что родственник. Так через 40 лет разлуки родственники, потерявшие всякую надежду на встречу, совершенно случайно нашли друг друга. Айрапет Бостанджян неоднократно приезжал в Абхазию.

Он умер в 1995 году в возрасте 95 лет.

Май 2022

МОЙ ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Очерк

Известного армянского писателя Беника Мкртычевича Сейраняна по праву называли глашатаем дружбы и братства народов, настолько его творчеству был присущ дух интернационализма. Сегодня это словосочетание: «дружба и братство народов», звучит не только наивно, но и, возможно, неправдоподобно на кровавом фоне современных геополитических реалий, может вызвать даже усмешку у многих моих читателей, но, тем не менее, это было именно так. Хотите – верьте, хотите – нет: была в нашей жизни дружба народов, было и братство народов.

Беника Сейраняна любили и уважали армянские и русские, абхазские и грузинские, и даже азербайджанские писатели и читатели. (Такой всеобщей, я бы сказал интернациональной, любовью пользовался Поэт Всея армян Ованес Туманян в трагические годы армянского геноцида в начале прошлого века: он даже своим появлением останавливал враждующие стороны от кровавых столкновений или действий.) Сам Беник Мкртычевич главную цель своего творчества видел именно в укреплении дружбы народов. Он с удовлетворением отмечал, что в возглавляемой им армянской секции Союза писателей Грузии «есть немало талантливых переводчиков, которые сделали достоянием армянских читателей все лучшие произведения абхазских и грузинских классиков и современных писателей; на эти же языки переводится лучшее, что создано армянской литературой».

Заведуя многие годы отделом науки и культуры редакции газеты «Советакан Врастан», Сейранян активно способствовал появлению на её страницах произведений абхазских писателей Дмитрия Гулиа, Баграта Шинкуба, Шалвы Цвижба, Ивана Тарба, Константина Ломиа, Алексея Ласуриа, Алексея Гогуа, Шалоди Аджинджала, Виталия Амаршана и других авторов.

Будучи учеником средней школы, я активно сотрудничал с разными изданиями, в том числе и с тбилисской армянской газетой «Советакан Врастан» («Советская Грузия»).

Это, конечно, было очень важным моментом в моей творческой биографии вообще, не говоря уже о её начальном периоде.

Ещё бы! Ведь отделом науки и культуры здесь заведовал сам Беник Мкртычевич Сейранян – председатель армянской секции Союза писателей Грузии, и повторимся, крупнейший прозаик, классик армянской литературы!

Первое стихотворение, которое было опубликовано в газете «Советакан Врастан», я отправил в редакцию с рекомендацией Сиравана Севуни[1], которую он своим быстрым, подпрыгивающим и не совсем понятным почерком вывел на листке ученической тетради под моим стихотворением: «Уважаемый Беник Никитич (именно так обращались к Бенику Сейраняну его близкие)! Артавазд – ученик сухумской школы, обещающий начинающий поэт, участник местного литобъединения. Прошу для поощрения его дальнейших литературных проб опубликовать данное стихотворение в вашей газете. Сираван Севуни». Потом он ещё раз прочёл стихотворение, которое было отмечено тремя крестиками вместо названия. «Это – посвящение. Давай так и назовём. Ты не против?» Я с готовностью согласился. Он своей рукой зачеркнул крестики и написал: «Посвящение».

Я с нетерпением ждал выхода стихотворения. Когда мы получали почту, я первым делом открывал газету «Советакан Врастан». Так проходили дни за днями, и вот однажды, открыв очередной номер, я на третьей странице увидел свое стихотворение. Радости моей не было предела, как и благодарности Сиравану Севуни и Бенику Сейраняну. Посудите сами: все материалы по отделу науки и культуры до публикации проходили через руки Сейраняна. И если моё стихотворение появлялось в газете, значит, оно ему понравилось! Получалось, рассуждал

---

[1] Псевдоним Владимира Варданяна (1936–2017) – члена Союза журналистов СССР, поэта. После окончания Ереванского госуниверситета он работал в средней школе № 9 города Сухума преподавателем армянского языка и литературы. Затем был назначен собкором газеты «Советакан Врастан» по Абхазии.

Недалеко от санатория «Чемитоквадже», что в Лазаревском районе города Сочи, он создал частный музей космонавтики, со многими космонавтами был знаком лично, с некоторыми даже дружил. О музее, экспонаты которого – личные подарки космонавтов, писали многие московские и региональные газеты и журналы, были передачи по центральным каналам телевидения и радио.

я, что мы – Беник Сейранян и я – уже знаем друг друга: он меня – по моему стихотворению, которое он получил по почте, я его – по книге «Зов нырка» и многочисленным журнальным и газетным публикациям, в том числе и в литературном альманахе «Камурч» («Мост»). Так что, нам оставалось всего лишь познакомиться, что было технической стороной дела. И я представлял, как мы пожимаем друг другу руки.

А познакомились мы через несколько лет, в 1978 году, в редакции газеты «Советакан Врастан».

К этому времени я успел окончить школу, каким-то глупым образом не поступить на филфак университета и отслужить в Заполярье положенный армейский срок.

И на службе я продолжал писать и печататься не только в газете «Советакан Врастан» и альманахе «Камурч», в районных газетах «Дроша» и «Комунистури шрома», но и в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» (правда, в последней печатались мои армейские заметки и информации).

В Тбилиси мы поехали с Сираваном Севуни (к этому времени он был собственным корреспондентом газеты по Абхазской АССР, кем и оставался до развала Советского Союза), чтобы мой первый тонюсенький поэтический сборник, почти полностью написанный в школьные годы и дополненный несколькими «армейскими» стихами, сдать в издательство «Мерани». Книжка вышла в 1981 году под редакцией Акопа Чобаняна.

Мы – Беник Сейранян, Сос Симаворян, Сираван Севуни и я – её выход отметили в ресторане «Арагви». Собравшиеся от души поздравили меня и пожелали новых успехов. «Да здравствует следующая!» – сказал Беник Мкртычевич под звон бокалов с красным вином. Следующая – «Солнечный ветер» – вышла в 1989 году в том же издательстве опять же с благословения Сейраняна.

С этого момента началось моё тесное знакомство с Беником Сейраняном, переросшее почти в семейную дружбу. Когда приезжал в Абхазию, он обязательно посещал наш дом, иногда с женой – тётей Олей (Адилян). Я же в Тбилиси постоянно останавливался у них.

Хорошо помню творческий вечер в Сухуме, посвящённый 70-летию Беника Мкртычевича, который состоялся 28 сентября

1984 года во Дворце культуры профсоюза работников госторговли и потребкооперации.

Вечер открыл секретарь правления Союза писателей Абхазии Алексей Джонуа. «Нам особенно приятно, – сказал он, – приветствовать сегодня нашего коллегу по перу потому, что его творческий путь начался в Абхазии. Работая учителем в школе села Лабра Очамчирского района, он написал первые свои рассказы, которые сразу же обратили на себя внимание читателей». И один из первых его рассказов так и назывался: «Лабрцы».

На юбилейном вечере о жизненном и творческом пути Сейраняна рассказал кандидат филологических наук Жорж Эрукян. Юбиляра тепло приветствовали коллеги, среди которых был и Шалва Цвижба.

Кстати, один из лучших рассказов Беника Сейраняна «Талисман», опубликованный в книге «Песня нырка», посвящён Шалве Цвижба. Рассказ основан на реальных событиях из жизни Шалвы Лейварсановича на Колыме, где он провёл восемнадцать суровых лет по ложному доносу.

Много интересного рассказывал Беник Мкртычевич, когда вечерами мы коротали время в его гостеприимном очаге. В наших беседах часто принимала участие тётя Оля.

– Ты понимаешь, она покорила моё сердце не своим умом, не своей красотой… Она просто обманула меня своим умением читать стихи Гёте! – «откровенничал» Беник Мкртычевич полушепотом, когда тётя Оля возилась на кухне. Да так «откровенничал» и весело смеялся, чтобы тётя Оля обязательно услышала его.

В моей памяти сохранился его рассказ о том, какая крепкая человеческая и поэтическая дружба связывала абхазского поэта Алексея Ласуриа и Евгения Евтушенко. По словам Беника Мкртычевича, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького, Алексей Ласуриа дружил и с гениальным армянским поэтом Паруйром Севаком – тоже студентом, который впоследствии, в 1957–1959 годах, преподавал на кафедре художественного перевода – главной кузнице советских литературных кадров. По моей просьбе Беник Сейранян эти воспоминания опубликовал в газете «Гракан терт» под названием «История одной зарисовки».

Беник Сейранян не без удовольствия, с присущим ему тонким юмором и виртуозным стилем изложения рассказывал о случайной встрече Алексея Ласуриа с группой грузинских писателей на сухумской набережной, прибывших в Абхазию для участия в работе (к сожалению, я запамятовал) то ли съезда Союза писателей, то ли Дней советской литературы.

Помню, с какой горечью Беник Мкртычевич говорил о том, что буквально через несколько месяцев после этого форума Алексей Ласуриа внезапно скончался.

Так вот, встретившись с неторопливо прогуливающимися на берегу вечернего моря грузинскими писателями, среди которых был и Б. Сейранян («На свое несчастье», – смеялся он), Алексей Ласуриа воскликнул: «Вы на нашей голове имеете место, если приехали в Абхазию как гости! Но если вы приехали к нам как завоеватели, немедленно убирайтесь отсюда!» Конечно, все в один голос заверили, что приехали в Абхазию как гости и друзья абхазского народа.

В завершение хочу сказать, что первые серьёзные моменты моей литературной жизни создал именно Беник Мкртычевич Сейранян, и своими сегодняшними успехами я обязан ему. Я горд и благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось быть его очень близким знакомым. Он считал меня своим духовным сыном. Я его считаю своим духовным отцом. И как святые реликвии, в своей библиотеке храню его книги с дарственными надписями.

Послесловие к очерку

Очерк «Мой духовный отец» увидел свет 5 октября 2022 года в популярном электронном журнале «Literra.online (территория литературы и искусства)», выходящем под редакцией народного писателя Якутии Владимира Фёдорова. После его публикации стали поступать просьбы более подробно рассказать о дружбе Паруйра Севака и Алексея Ласуриа.

Выполняя пожелание читателей, привожу рассказ Беника Сейраняна почти дословно – так свежо и явственно он запечатлелся в моей памяти.

Это было в начале сентября. Я в составе писательской делегации находился в Москве, – так начал свой рассказ Беник Мкр-

тычевич. – Однажды, в свободное от писательских хлопот время, я один вышел на многолюдную улицу Горького – на неспешную вечернюю прогулку. И вдруг в шумном людском потоке встретил Паруйра Севака и Алёшу Ласуриа – молодого абхазского поэта, с которым был знаком ещё по Сухуму. В то время они учились в Литературном институте имени А. М. Горького.

Встреча была неожиданной и, конечно, приятной.

– И как же вы нашли друг друга? – обрадованно воскликнул я.

– Подобное притягивает подобное, – пошутил Паруйр.

Действительно, много общего было между этими самобытными, талантливыми молодыми поэтами, что сближало их вдали от родных мест. По характеру оба были честолюбивыми, импульсивными людьми, щепетильно-экспансивными, в то же время – в высшей степени чувствительными, готовыми на самопожертвование ради близкого человека, ради друга. К сожалению, впоследствии общим стало и то, что они оба ушли из жизни совсем молодыми.

Паруйр обрадовался, когда узнал, что мы с Алёшей давно знакомы. Он сказал, что причиной их «возбужденного состояния является новое стихотворение Алёши». Они вдвоём подготовили подстрочный перевод, чтобы передать «близкому по стилю и мышлению русскому поэту для превращения в настоящее стихотворение».

– Не всегда приходится читать такие стихи, – сказал Паруйр. – Настоящая поэзия!

Он говорил с юношеским воодушевлением и задором – так говорил бы о красоте своего античного мира грек, и армянин – о своих детях.

Мы продолжили прогулку втроём. В одном удобном месте, под электрическим светом, Алёша прочёл своё стихотворение на абхазском языке, чтобы я почувствовал его поэтику, а потом и подстрочник. Впечатление было ошеломляющим.

Я помню, что стихотворение было сюжетным, и смысл сводился к следующему: «Человек, ты знаешь, что те, кто поднимал тебя по ступенькам всё выше и выше, уже убрал лестницу из-под твоих ног? Горе, если ты упадёшь». Всё это, конечно, очень приблизительно, ведь прошло несколько десятилетий, и многое уже вылетело из моей головы.

Но я хорошо помню несказанную радость Паруйра, его восхищение. И как же не вспомнить слова французского философа Жана Поля Сартра (1905–1980): «Для того, чтобы сочувствовать чужому страданию, достаточно быть человеком, но для того, чтобы сочувствовать чужой радости, нужно быть ангелом».

Наверное, Паруйр и был ангелом.

Декабрь 2022

«МЕЖДУ НАМИ МНОГО ОБЩЕГО»

Рассказ

Я никогда не думал, сколько же общего было между нами: между Евгением Александровичем Евтушенко и мной. Такая мысль мне и в голову не приходила: я просто благоговел перед ним и дружбу с этим замечательным человеком считал подарком судьбы. А всерьёз задумался об этом недавно, когда в который раз перечитывая гениальную по содержанию и составлению книгу «Можно всё ещё спасти», вдруг вспомнил слова, сказанные им во время одной из наших вечерних бесед в его агудзерском доме.

Дело было так.

Я в очередной раз приехал к нему по его просьбе.

Позвонил Евгений Александрович и сказал, что у него гостит его учитель – поэт Сергей Васильевич Смирнов (не путать с Сергеем Сергеевичем Смирновым), и он планирует провести небольшой поэтический вечер в узком семейном кругу. С собой я прихватил несколько бутылок заводского вина: «Лыхны», «Апсны», «Псоу», «Анакопия», «Букет Абхазии» – не выбирал, взял что попалось под скорую руку.

Так вот, Евгений Александрович, представляя меня Смирнову, сказал: «Обнадёживающий юный поэт, по сов-местительству винодел. Между нами есть много общего, он в какой-то степени осуществил мою мечту».

Мы провели интересный вечер. К нам присоединились Джан, мать и дочь Зина и Лена Тихоновы, проживающие в доме Евтушенко.

Евгений Александрович и Сергей Васильевич читали новые стихи. Я тоже прочитал что-то вроде полупародии «Монолог Евтушенко» на строки «Поэты сорокалетние у нас, на Руси, – долгожители» из стихотворения «Долголетие», в которой выражал мысль о том, что оно, долголетие, гарантировано сибирским здоровьем и абхазским долголетием:

Не зря в Сибири я родился,
Не зря в Абхазии живу.

Но вернёмся к нашему повествованию.

Я тогда не придал значения его словам, но сегодня в контексте его полукомического рассказа о том, как пос-тупал без аттестата о среднем образовании в Литинститут, начал осмысливать те слова: «Между нами есть много общего». Так вот, он сказал: «Если бы я не был поэтом, я обязательно стал бы врачом. Но если бы не стал врачом, то обязательно стал бы виноделом». И я с опозданием на несколько десятилетий задался вопросом: это каким же образом я «в какой-то степени осуществил его мечту», и понял, что я, работая на Абхазвинкомбинате, занимался виноделием, и таким образом в какой-то степени осущест-вил его мечту!

И вспомнилось мне. Однажды на сухумском винзаводе, куда Евгений Александрович приехал за мной, чтобы вместе поехать в Агудзеру, в присутствии виноделов Валико Смыра и Отара Цивцивадзе в кабинете начальника цеха розлива сухих и креплёных вин путём дегустации безошибочно определил марки пяти вин, которые по цвету и вкусу практически не отличались друг от друга. Как сейчас помню: поставили пять чайных стаканов перед ним, и он, сделав по одному небольшому глотку, определил! Виноделы были крайне удивлены его способностями дегустатора. И ещё мы провели небольшую экскурсию по комбинату, посидели в дегустационном зале на втором этаже рядом с небольшим актовым залом, где выступали известные писатели, а также некоторые завсегдатаи клуба «Кабачок 13 стульев» во главе со Спартаком Мишулиным. Уже потом, когда мы возвращались в Агудзеру, Евгений Александрович сказал, что было бы здорово, если в дегустационном зале вместо дорогой лакированной мебели стояли бы столы из грубо сколоченных досок и деревянные скамейки из неотёсанных брёвен. Действительно, было бы здорово! Но это, конечно, дело вкуса.

Впоследствии я не раз убеждался, что Евгений Александрович не хуже опытных виноделов разбирался в такой глубокой науке (именно – науке!), как виноделие и виноградарство, и стал бы гениальным виноделом, если бы обстоятельства сложились таким образом.

А врачом? – спросите вы. И врачом тоже. В этом я убедился на своем личном опыте. Мой папа часто болел, и я с детства мечтал стать врачом, чтобы вылечить его. Евгений Александро-

вич постоянно поддерживал моего отца дельными советами, которые впоследствии почти с точностью совпадали с врачебными заключениями.

Помню, как же был удивлён его знаниями мой друг, врач-кардиолог Сухумской горбольницы Размик Ипекчян, с которым я познакомил Евгения Александровича в Лечкопской средней школе, где я работал директором, Размик же был председателем местного культурного общества «Комитас», которое располагалось на первом этаже.

Так вот, убедившись в основательных медицинских знаниях Евгения Александровича, моя мама «при первой же необходимости» звонила ему, советовалась. Дело доходило до того, что даже после назначения врача она «обязательно консультировалась с Женей». В ту пору у нас не было телефона, и, чтобы позвонить в Агудзеру, а иногда и в Москву, мама шла к нашей ближайшей соседке – тёте Рае Гицба-Конджария.

…Конечно, я себя ни в коем случае не сравниваю с Евгением Евтушенко, но согласен с его словами о том, что между нами было много общего. Но самым общим, самым большим и главным общим была литература: я, как и Евгений Александрович, был её влюблённым глотателем.

И ещё: я позволю себе поправить Евгения Александровича: нет, всё же он стал и врачом, и виноделом, ведь его многогранное творчество, как чудотворное зелье, исцеляет души миллионов людей и как божественное вино опьяняет их сердца.

Май 2022

ОН БЫЛ ВЫДАЮЩИМСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

Очерк

Иван Николаевич Садзба очень многое сделал для развития образования, написал и перевел с русского на абхазский язык несколько учебников по математике, подготовил и выпустил книгу Симона Басариа «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», был активным участником национально- освободительного движения абхазского народа.

Во время грузино-абхазской войны сотрудничал с редакцией Абхазского радио в Гудауте в качестве уполномоченного Министерства обороны.

Мне посчастливилось несколько лет бок о бок работать с этим замечательным человеком. Кстати, будучи министром образования, он в 1994 году пригласил меня на работу главным специалистом Министерства образования – куратором как армянских школ республики, так и связей с образовательными учреждениями Армении. И во многом его стараниями и умением в этом направлении было сделано немало хороших дел – вплоть до поступления наших абитуриентов без вступительных экзаменов в высшие учебные заведения Армении на основании собеседования; обеспечения армянских школ необходимыми учебниками и учебными пособиями; проведения курсов повышения квалификации учителей, которые были организованы на базе гагрской и сухумских средних школ ведущими специалистами Министерства образования и науки Армении. Проведению этих мероприятий способствовала и его поездка в 1994 году в Ереван, где он имел многочисленные встречи в образовательных заведениях и учреждениях.

После возвращения из Еревана он провел встречу в сухумской армянской средней школе, подробно рассказал о поездке и достигнутых договоренностях. Помню, когда мы подошли к парадным дверям школы, он посмотрел на вывеску и сказал: «Армянские школы должны быть армянскими не по вывеске, а по духу».

Пророческие слова, которые сегодня, к сожалению, становятся все более и более актуальными, более и более востребованными. Без этого духа школы обречены на медленное угасание.

Во время встречи Иван Николаевич сообщил, что «с нового учебного года в армянских школах Абхазии будет изучаться новый предмет – «История Армении» Для этой цели отведено семь часов. В перспективе – изучение еще одного нового для армянских школ предмета – «География Армении».

Его высказывания я привожу дословно, они опубликованы в августовском номере газеты «Крунк», которую в ту пору я редактировал. К слову, за несколько месяцев до этой встречи, в начале апреля, заслуженный работник культуры Абхазии Енок Шашикян создал при Сухумской армянской школе ансамбль песни и пляски «Аревик» («Солнышко»). «Министр образования Республики Абхазия И. Садзба считает создание ансамбля «Аревик» событием в нашей трудной послевоенной жизни», – сообщает газета «Крунк».

Не могу без благодарности вспомнить и нашу совместную работу над небольшим поэтическим сборником Баграта Шинкуба на армянском языке «Свирель» (16 стихотворений). Произведения перевели Ованес Торосян (он написал еще и предисловие) и я, Иван Николаевич обложку оформил сам. Неожиданность его идеи состояла в том, что он взял за ее основу… пузырьковую пленку для защиты от повреждений шоколадных упаковок. Получилось оригинальное и интересное светотеневое сочетание. Весь тираж (200 экземпляров) с особой любовью распечатала Астанда Айба на специально приобретённом для этого лазерном принтере. Сборник вышел в 1997 году под грифом Министерства образования Республики Абхазия. Без ложной скромности скажу, что наш труд по достоинству оценил сам Баграт Васильевич – ему в дар был преподнесён первый экземпляр с подписями работавших над сборником.

Иван Николаевич был разносторонне развитым человеком: будучи математиком – доцентом АГУ, прекрасно разбирался в вопросах литературы и истории, книгоиздания.

В последние годы жизни он был главным редактором научно-педагогического журнала «Ашколи апстазаареи»

(«Школа и жизнь»), становлению которого он отдал много сил и энергии.

Не без улыбки вспоминаю слова профессора Алексея Касландзия: «Твоего Ивана Николаевича невозможно обмануть – он знает, какой учебник сколько должен весить, каким должен быть шрифт, какой должна быть длина строк – в зависимости от возраста учащихся».

Очень тепло вспоминает Ивана Николаевича Садзба – своего директора школы – известный абхазский поэт Геннадий Аламиа. И нельзя не согласиться с его словами, опубликованными на сайте Всемирного абхазо-абазинского конгресса: «Иван Николаевич был выдающимся человеком».

Ноябрь 2022

КАК МЕНЯ НАУЧИЛИ ЛЮБИТЬ СТИХИ

Рассказ

Звучит странно, не правда ли – научить любить стихи? Но со мной было именно так: меня научили любить! Я их читаю с детства, в школе учил с удовольствием, знал много стихотворений, которые не только не входили в обязательную программу, но и не были предусмотрены для внешкольного изучения.

Даже сегодня, несмотря на свой приличный возраст, я не прочь праздно полежать на диване с томиком лирических стихотворений Пушкина, Лермонтова, Чаренца, Терьяна, Севака или другого автора – в зависимости от моего настроения. Кстати, я со временем научился не только чувствовать колдовство слов, но и представлять их. И это, поверьте, очень интересное и не совсем простое дело – представлять слова, чувствовать и видеть их! Точно так можно видеть звуки и музыку, слышать краски, их переливание и всплеск!

Мое неравнодушие к поэзии, вскоре перешедшее в самую настоящую любовь, началось неожиданно, можно даже сказать, мгновенно, в один из новогодних дней. Я могу назвать даже точную дату его возникновения: 12 января 1961 года, когда мне было 3 года 8 месяцев и 21 день.

Именно в этот день я всем своим существом повернулся к стихам и до сих пор не могу отвернуться, да и не пытаюсь этого сделать. Зачем лишать себя божественного удовольствия?

А дело было так.

За несколько дней до наступления Нового года я с помощью мамы выучил небольшое детское стихотворение на армянском языке, посвящённое новогодней ёлке:

Ёлочка моя, яркая ёлка,
Какая красивая ты и зеленоокая!
На макушке – красная звезда веером,
Подарки Дедушки Мороза –
Под ветвями дерева.

– Если не выучишь эти стихи, – строго сказала мама, – не видать тебе новогоднего подарка от Деда Мороза. Чтобы полу-

чить подарок, надо обязательно обрадовать Деда Мороза. Не то что не рассердить – это дело тоже важное, но простое – а именно обрадовать: вот для этого надо очень постараться.

Я, помню, не совсем охотно приступил к изучению стишка. И мне пришлось приложить немало усилий, чтобы выучить эти простенькие строки! И в конце концов, выучил-таки на совесть, чтобы вдруг не ошибиться во время чтения и не поставить Деда Мороза в неловкое положение. И для этого я отказался даже от детских игр с друзьями. Ещё бы, ведь на что не пойдешь ради новогоднего подарка, подготовленного самим Дедом Морозом специально для тебя!

В углу зала уже стояла наша «ёлка» – густая, зелёная лавровишня, украшенная разными яблоками, грушами, сушёной хурмой, самодельными бумажными «игрушками»… На большее не тянул наш семейный бюджет. Так сказала мама. Конечно, я не знал, кто такой этот наш не тянувший на большее семейный бюджет, но я достаточно серьёзно «дулся на него», постоянно подводящего нас. И как же я мог не дуться, если он не тянул на военный бинокль (как у Коли)?! А совсем недавно не потянул на трёхколёсный велосипед (как у Стёпы) с большими надувными шинами, который продавался в «Детском мире». И я со слезами на глазах вынужденно довольствовался самодельным подшипниковым самокатом.

Я несколько раз репетировал, то и дело бегал к маме на кухню и просил послушать, как читаю стихи. Мама внимательно слушала, подсказывала, как правильно произносить слова и не жалела хвалебных слов.

Ну вот и настала новогодняя ночь. Ещё несколько минут, и весь окрест загремит ружейными выстрелами, взорвётся разноцветными салютами, разразится поздравлениями от детворы, да и некоторых взрослых тоже:

Сеем, веем, посеваем,

С Новым годом поздравляем…

Для всех посевальников заготовлены подарки – конфеты, фрукты, разные орехи, сладости: гата, «сигареты», и, конечно же, деньги мелочами… Так принято. И всё это сказочное богатство лежит под «ёлкой». Там же мой подарок – новогодний бумажный кулёк от Деда Мороза, который получили накануне ночью, когда я, к сожалению, спал.

Наконец наступает мой звёздный час: я поднимаюсь на стоящую перед «ёлкой» деревянную табуретку, сделанную моим отцом, и начинаю читать стихи. Папа и мама внимательно и подбадривающе смотрят на меня. Рядом, в колыбели, посапывая, спит моя младшая сестра Кнарик. Она совсем маленькая, ей всего-то годик. Что она понимает в стихах и подарках?! Конечно, ничего. Вот когда подрастёт, тогда другое дело, тогда я подскажу, что для получения подарка от Деда Мороза надо выучить стихотворение.

Ёлочка моя, яркая ёлка,

Какая красивая ты и зеленоокая! –

Произношу я громко и руками показываю на ёлку. Потом моя правая рука поднимается вверх:

На макушке – красная звезда веером…

Левая рука движется вниз и указывает на подарки под ёлкой:

Подарки Дедушки Мороза –

Под ветвями дерева.

Понятно, наш Дедушка Мороз – игрушечный, совсем маленький.

А вот настоящий Дед Мороз – великан и очень сильный (иначе как бы он поднял такой большой мешок с подарками?), у него много дел, он занят и вряд ли появится в нашем доме – вон, он уже и подарки прислал. И потом, пройдёт ли он в нашу не совсем для него широкую и высокую дверь?

Ну вот и всё. Меня хвалят, мама даёт подарок – довольно-таки тяжёлый кулёк. Чего только нет в кульке, там даже есть моя мечта – пахнущий свежей краской новенький самосвал с поднимающимся кузовом!

Я счастлив!

Новогодняя ночь продолжается!

…Рано утром следующего дня, то есть 1 января, мама разбудила меня и сказала, что я должен поздравить с наступившим Новым годом дом тёти Зины и дяди Рауфа, чтобы их сын, Руслан, хорошо учился и после окончания школы поступил в институт. Я должен был успеть поздравить до появления первых гостей, потому что у меня нога лёгкая, сердце доброе и душа щедрая. Очень серьёзная ответственность легла на мои детские

плечи, ведь от моего поздравления зависело, каким будет наступивший год для семьи Гицба.

Тётя Зина встретила меня, как всегда, радушно, обняла и поцеловала.

Я поздравил их с Новым годом, потом поднялся на стул и без запинки прочитал стихотворение. Я получил свои подарки и, довольный, вернулся домой. В общем, свою миссию я выполнил с достоинством. Ещё бы! Ведь впоследствии Руслан поступил в институт в Москве!

В оставшиеся до 12 января дни я неоднократно повторял стихотворение, чтобы не забыть, ведь мне предстояло, как сказала мама, поздравить наш дом и дом дяди Рауфа с Новым годом по старому стилю.

Всё шло как по маслу.

Вот и наступило 12 января, которое повторило день 31 декабря.

Я мужественно дождался своего часа, бодро взобрался на табуретку и начал читать свои стихи в предвкушении получения подарка.

И вот тут случилось неожиданное.

Папа прервал моё поэтическое выступление и сказал, что я, по его мнению, жульничаю. Представляете? Он так и сказал: «Ах ты маленький жулик! Выучил одно стихотворение и пошёл собирать подарки! Так дело не пойдёт. Учи новые стихи и получай свои заслуженные подарки!»

«Мама, – вдруг неожиданно даже для самого себя крикнул я, – мама, я хочу новый ангир (наизусть)!»

Я уверен: именно в эту секунду во мне родилось неравнодушие к поэзии, перешедшее в любовь на всю жизнь.

И что вы думаете? Буквально за несколько минут я выучил новый стишок и получил свой подарок!

Потом я тут же выучил ещё один стишок на русском языке (я уверен, что его придумала моя мама) для раннего утра следующего дня, чтобы поздравить наших соседей:

Скоро старый Новый год,
Вновь к вам Дед Мороз придёт,
С Новым годом он поздравит
И подарки вам оставит.

Вот так прошли мои новогодние дни 61 год назад, в далёком 1961 году, когда папа научил меня любить стихи.

Конечно, у него была совершенно другая цель, которую он достиг.

Но я получил гораздо большее – пожизненную зависимость от колдовства слова.

К слову сказать, после этого случая, когда мы собирались в гости, я обязательно учил новый «ангир».

Так, как говорится – на всякий пожарный.

Ноябрь 2022

СРБУК ХОРКИН

Рассказ

Мы так называли жену дяди Григора – старшего брата моего отца. Просто Србук хоркин, хотя её настоящее имя было Србуи, что означает Святая, а хоркин дословно переводится как «глубокая женщина». Но почему трапезундские армяне так называют именно жену брата отца, я, к сожалению, не знаю до сих пор, и все мои активные попытки в этом разобраться завершились безрезультатно. И потом, так ли это важно?

Дядя Григор, как и следовавшие за ним мои дяди Вардан, Ваган и Ваграм, был призван в действующую Красную Армию сразу после начала Великой Отечественной войны советского народа. Мой отец, Айк, был призван намного позже.

Папа, конечно, хорошо помнил тот день 1941 года, ведь ему тогда было 15 лет.

«22 июня мы всей нашей большой семьёй работали в огороде, – рассказывал он. – Григор и Србук сажали какую-то рассаду, кто-то вёдрами поднимал родниковую воду из ущелья, кто-то поливал, словом, все были заняты своими привычными делами, когда наш двоюродный брат, тоже Айк, прибежал к нам: «Дядя Затик, – запыхающимся голосом издали крикнул он моему отцу, – дядя Затик, началась война… война... Гитлер напал на нас… Гитлер…» От неожиданности мы онемели-окаменели. Первым пришёл в себя Григор. Помню, он очень медленно и тяжело поднялся с корточек, как будто вся тяжесть начавшейся войны обрушилась на него, так же очень медленно и тяжело выпрямил спину, посмотрел на маму, потом на Србук, побледнел и… остроконечный сиврич[1] выпал из его рук… Он был намного старше нас и, конечно, хорошо понимал, что такое война».

Вскоре, как уже знает читатель, мои старшие дяди были призваны в армию и отправлены на фронт. Дяди Григор и Ваган не вернулись…

---

[1] Сиврич – деревянное приспособление для посадки рассады.

Пришли, правда, в разное время похоронки с почти одинаковыми текстами, которые сухо и безжалостно извещали, что «ваш сын (муж) … в бою за Социалистическую родину, верный военной присяге, проявив геройство и мужество, был убит…»

Но Србук хоркин не поверила. Она так и сказала, без тени сомнения в голосе: «Не верю ни одному слову, это неправда…».

Нет, никто не поливал её лицо водой, чтобы привести в чувство. Потому что ни один мускул не дрогнул на лице Србук хоркин, она не потеряла сознания и не рухнула на руки подоспевшей родни. Просто повернулась и пошла в огород доделывать начатую работу. Уже потом врачи выяснили, что в тот миг она перенесла инфаркт.

Ухоженные до совершенства огород и сад, где Србук хоркин проводила всё своё свободное время, смотрели на дорогу, медленно петляющую от мачарской трассы вверх – на самую макушку горы; там, на повороте к дедовскому очагу, стоял её дом.

Србук хоркин до конца своих дней бесконечно верила, что однажды обязательно на этой дороге появится высокий мужчина в военной форме с сержантскими лычками на погонах. И это, конечно же, будет дядя Григор!

Он прямиком поднимется к дому, построенному своими же руками незадолго до начала войны, где успел-таки услышать первый детский плач, когда родился Корюн. А вот второго детского плача дядя Григор не слышал (он мог только почувствовать его), потому что Гурген появился на свет буквально через несколько месяцев после его призыва в армию.

Не доходя до дома, дядя Григор обязательно на несколько секунд остановится под склонившимся на дорогу тутовым деревом, которое посадил сам, махнёт рукой и крикнет: «Э-э-эй, Србук, ты уже приготовила йоку[2] с подсоленным таном[3]?»

Ну, конечно же, приготовила! Србук хоркин вот уже шестьдесят с лишним лет готовит йоку с таном! Каждый день готовит Србук хоркин, ведь дядя Григор обязательно вернётся, и каждый день надо быть готовой к встрече с ним.

…С особым трепетом и любовью Србук хоркин относилась к нашей семье, к моему отцу. Может быть, потому, что отец

---

[2] Йока (амшеноармянское блюдо) – очень тонкий двухслойный лаваш, поджаренный на сковороде.

[3] Тан – напиток, напоминающий кефир.

долго болел, так нуждался в добром слове родных и близких людей. Но я уверен, что самой главной причиной её такого отношения к нам было то, что мой отец живым и невредимым вернулся с войны. И это, несомненно, утешало сердце Србук хоркин.

Она иногда приезжала к нам в гости, особенно когда папа болел. Приезжала с полными сумками. И как же она поднимала эти тяжеленные сумки и спускала с горы на трассу, переходя через висячий мост чуть ниже Мархаула?! У неё были самые добрые и тёплые – именно свои – слова для поддержки нашей семьи, после которых на душе становилось спокойнее и светлее. А когда она уезжала, мы всегда находили деньги то под папиной подушкой, то под одеялом, то в серванте под какой-нибудь вазой, куда она незаметно клала их.

Србук хоркин долго не задерживалась в гостях и спешила поскорей вернуться домой. Она приезжала утренним рейсом на сельском маршрутном автобусе, а на следующем, дневном, возвращалась…

Возвращалась, потому что дядя Григор, проголодав-шийся с долгой дороги к дому, мог вернуться в любую минуту, и она должна была встретить его у порога.

Март 2023

САМАЯ КРАСИВАЯ МАМА НА СВЕТЕ

Рассказ

Наверное, каждый из нас в детстве на один миг становится гениальным творцом – поэтом, художником, композитором. Всего на один миг. Но именно в тот миг, когда мы в своём восприятии мира создаём, рисуем, произносим постоянно повторяющиеся с потрясающей шедевральностью слова: «Моя мама – самая красивая мама на свете».

Они звучат как высшее Озарение. Они вырываются так, как робкие ростки прорастают из беременных семян и пробивают любую твердь, преодолевают любые преграды.

И они, эти слова, всегда неожиданны, они всегда вдруг: как Крик Пробуждения Природы, как Радость Узнавания Мира. Они завершены и совершенны. Они не только без изъянов и ущербов, но и без малейших отдалённых намёков на них.

Я хорошо помню свой миг гениальности. Я хорошо помню тот благословенный миг, когда ещё не совсем уверенными губами произнёс свои первые, самые главные слова.

Он случился во дворе, когда рано утром мама начала разводить костёр на очаге, который образовался между тремя пустотелыми, постоянно коптящимися и пропитанными (как балки апацхи дяди Рауфа) густым дымом блоками-подставками, заменяющими трёхножку для казана.

Здесь, в специальных котлах, периодически кипятилось бельё, в тазах булькало варенье, играя в дразнилки с взбудораженными осами, в казане аппетитно тушилось всё разноцветное многовкусье огорода – аджапсандал, варилась фасоль для турши – очень вкусного соленья…

Здесь почти каждый день на широкой сковородке мама готовила наше постоянное блюдо – жарила зелёный мясистый болгарский перец: сперва для нас, а потом уже отдельно для себя и папы – вперемешку с острым цицаком, который придавал особую горчинку болгарскому перцу.

И всё это до сих пор ясно предстаёт перед моими глазами.

Вот в нескольких местах проколотый вилкой целый, обязательно с хвостиком перец весело шипит на раскалённом подсолнечном масле, истекая последними соками.

Вот мама заливает его соусом собственного приготовления из невероятно вкусных помидоров, собранных в нашем огороде, потом ловко посыпает солью, а буквально за минуту до полной готовности обильно добавляет свежий зелёный лук и ароматную петрушку, острым ножом мелко нарезая – жах-жах-жах – пучки прямо в сковородку.

А дымок!.. Этот голубоватый дымок!..

Вот он густо поднимается от углей и, клубясь, прежде чем полететь в небо, ищет мою маму, вернее, её глаза, которые вскоре начинают слегка слезиться. Мама периодически вытирает их и на полшага отходит в сторону, продолжая колдовать над сковородкой. А не на шутку встревоженный вдруг дымок, лишь на секунду заблудившись, теряет её, а потом так же легко и ловко находит и легчайшим скольжением всё кружит и кружит вокруг – как стройный юноша в грациозном непрекращающемся танце – срапар.

«Дымок выбирает самую красивую на свете женщину, – улыбается бабушка, – когда я была молодой и очень красивой, он ни на шаг не отставал от меня, озорник и шалунишка».

Я хорошо знал, что она говорила всегда только правду, потому что несколько раз очень строго наказывала нас даже за робкую попытку обмана, пусть даже наивно-детскую.

Значит, самая красивая женщина на свете – моя мама, раз «озорник и шалунишка» дымок выбирает её!

И я впервые в жизни как бы со стороны, как бы чужими глазами, сквозь клубящийся дымок смотрю на склонившуюся над костром маму.

«Мама, – хочу я заполнить пока ещё совсем-совсем пустую Вселенную своим признанием, – мама, ты – самая красивая мама на свете!»

Но что-то останавливает меня, что-то подсказывает, что мамин портрет пока не завершён, что пока не хватает какой-то очень важной, очень так необходимой детали.

И я неожиданно даже для самого себя задаю вопрос, которым, наверное, давным-давно (если это слово применительно к моему четырёхлетнему возрасту) переполнена моя душа – как

тазик с переливающимся через край маминым тестом: «Мама, почему ты каждый день разводишь костёр? Тётя Вардуш всё это делает на газе. Все это делают на газе, и тётя Тамар, и тётя Аня, и тётя Валя, все, все, и только мы – нет».

У всех наших соседей в кухнях стояли только-только входившие в моду двухконфорные газовые плиты с духовками.

Мы с мамой часто приходили в гости к тёте Тамар на кофепитие. И я, пока кофе в турке покрывался густо ароматным каймаком, заворожённо смотрел на замечательно пламенеющий вокруг крышки горелки огонь, очень похожий на крупную ромашку с голубыми лепестками, обильно цветущую вдоль забора в нашем саду.

Помню, как тётя Тамар взахлёб рассказывала о преимуществах газовой плиты. «Ты не представляешь, Гегануш, – говорила она, – как это удобно, как это чисто и быстро. Вот чиркнула спичкой, не успела даже на минутку присесть на табуретку, а суп уже готов. Газ – моё спасение! Дай бог здоровья его создателю!»

Мама утвердительно качала головой: «Да, конечно, удобно, чисто и быстро», – а глаза почти влажные.

Конечно, пройдёт немного времени, и такая же газовая плита появится и в нашей кухне. Но… я сразу же почувствую, как без аромата костра (именно аромата костра) изменился вкус приготовляемых блюд. И это чувство у меня сохранилось до сих пор, а в последнее время не только усилилось, но и стало даже навязчивым.

У мамы очень длинные чёрные волосы. Когда она распускала их, они доходили до поясницы. Мама заплетала волосы вокруг головы – и получалась высокая и плотная диадема, увенчанная брошью с двумя бутонами белой розы.

И ещё я запомнил, что мама всегда была в халате и переднике, карманы которого набивала небольшими кульками с разными семенами зелени для посева – киндзы, петрушки, укропа, цицмата…

Полусклонившись над костром, мама поворачивается в мою сторону, в руках – с длинной ручкой и широким черпаком гудал[1], смастерённый моим отцом из мандаринового чурка.

---

[1] Гудал – от слова гдал: ложка.

Мамин ответ такой же неожиданный, как и мой воп-рос. Нет, она не сказала, что у нас нет денег для покупки газовой плиты, не сказала, что все деньги пока уходят на лечение больного отца. Она сказала просто и честно, сказала очень непосредственно, и таких правильных слов я больше никогда не слышал: «Надо же согревать солнце, чтобы не иссякло его тепло. А потом солнце, вставая каждое утро, будет согревать нас».

Вот он – этот миг, навсегда запечатлённый в моей памяти: сковородка на очаге, над ней склонённая в полуобороте ко мне мама, клубящийся от оранжевого костра дым, обволакивающий маму и поднимающийся в небо – вверх и вверх, всё выше и выше, к солнцу.

Каким-то невероятным озарением я почувствовал, что в тот миг в моей душе сложился завершённый образ матери, теплом своего сердца согревающей солнце.

И я не смог не крикнуть на всю Вселенную, заполняя её своими выстраданными словами: «Мама, ты – самая красивая на свете!» Не это ли Сама Благодать – божественное действие во имя сохранения мира и спасения души человека?

...Пройдёт несколько лет, и я попытаюсь этот образ матери, сотканного из очажного костра и вьющегося к солнцу дыма, буквально несколькими штрихами, несколькими мазками написать в двенадцатистрочном стихотворении «Мамин костёр».

К тому времени у меня уже завязалась крепкая дружба с великим поэтом Евгением Евтушенко.

Я очень хотел показать стихотворение Евгению Александровичу. Он и сам заметил моё, скажем так, волнительное состояние и несколько раз спрашивал: «Вижу, что-то очень беспокоит тебя, ты о чём-то хочешь со мной поговорить?» Но я всегда переводил разговоры на другие темы и так и не решился, просто не хватило смелости достать из нагрудного кармана вчетверо сложенный лист и протянуть Евгению Александровичу: я очень боялся, что «Мамин костёр», согревающий мою душу и… солнце, может не понравиться ему.

...Как-то я проходил перед зданием редакции газеты «Советская Абхазия» по улице Ленина, остановился у стенда со свежим номером и … ноги сами повели меня в отдел культуры. «Мы посмотрим и сообщим своё мнение», – сказала заведую-

щая отделом Юлия Герия и попросила оставить адрес. Невероятно, но на той же неделе стихотворение появилось в газете, а через два дня позвонил Евгений Александрович: «Приезжай, мы давно не виделись». Как же так, мы же виделись совсем недавно. Да забыл наверное.

Я в тот же день поехал в Агудзеру, где он жил.

По дороге в автобусе меня вдруг осенила дерзкая мысль: а не получил ли он газету с моим стихотворением?! А почему бы и нет. Может быть и получил, ведь он выписывал местные издания.

И я не ошибся. Не буду рассказывать о том, что случилось дальше. Все подробности того вечера я описал в воспоминаниях «Мой Евтушенко» в главе «Дымок струился плавно ввысь».

Вот так совсем юным я написал одно из своих любимых стихотворений «Мамин костёр», хотя до сих пор не знаю: стихотворение ли оно вообще. По мастерству исполнения и новаторству, – конечно, нет. Но ведь в данном случае не это главное.

Со временем я понял, что «Мамин костёр» оказался намного большим, чем просто стихотворение. Оно явилось моим восприятием Вечности и матери.

Июль 2023
Пансионат «Литфонд» им. Д. И. Гулиа

ВААН ТЕРЬЯН В АБХАЗИИ

Очерк

Ваан Терьян. Великий сын армянского народа, классик литературы. Он прожил 34 года, скончался 7 января 1920 года во время выполнения ответственного государственного задания в далеком Оренбурге, где и был похоронен.

Популярная в те годы газета «Мшак» опубликовала скорбную весть: «Из достоверных источников получено сообщение, что поэт Ваан Терьян скончался».

В. Терьян получил блестящее для своего времени образование: после окончания Лазаревского института восточных языков в Москве, он продолжил учебу на отделении русского языка и литературы историко-филологического факультета Московского университета, а в 1916 году окончил восточный факультет Петербургского университета.

В. Терьян пользовался глубоким уважением и доверием у В. И. Ленина, назначившего его в конце декабря 1917 года на ответственную должность в системе народного комиссариата по делам национальностей, где создавались национальные комиссариаты и отделы. Комиссариат по армянским делам возглавил Варлам Аванесов, его заместителем стал В. Терьян, выполнявший особые поручения вождя революции. Так, например, «член Коллегии Комиссариата по армянским делам Ваан Терьян, Советом народных комиссаров в качестве советника уполномочен быть внесенным в состав делегации, которая ведет переговоры в Брест-Литовске…» (В. И. Ленин, 11 января 1918 года). Кстати, очень тепло отзывался о Ленине Терьян, называя его «светлым, удивительным и открытым человеком».

Ваан Терьян…

Заветное и дорогое для меня имя. И не только потому, что его стихи сопровождают меня со школьной скамьи. Еще и потому, что будучи учеником 10 класса, я, как начинающий юный литератор, в 1974 году имел честь встретиться с дочерью Ваана Терьяна – Нвард Терьян-Эмин, находящейся в Абхазии для сбора материалов о пребывании ее отца на лечении в санатории

Кошко. Так, ей удалось найти несколько архивных документов, свидетельствующих о том, что врачи рекомендовали В. Терьяну срочно отправиться в Сухум для лечения туберкулеза.

О серьезности своей болезни знал и сам Ваан Терьян. Вот что он пишет 16 января 1917 года своему старшему брату Араму: «Я доживаю последние дни своей жизни… Умереть не больно, но умереть сейчас – это двойная смерть… Сколько незаконченных дел… Все меня обманывают, кроме боли, она душит меня».

В начале февраля В. Терьян приезжает в Сухум. Через несколько дней он пишет председателю Кавказского общества армянских писателей Ованесу Туманяну: «Покорнейше прошу срочно обратиться к местным властям, дабы защитить меня от издевательств доктора Шульца и директора санатория. Не зная здесь никого и будучи больным, я беспомощен, бессилен. Терьян».

Благодаря вмешательству многоуважаемого и авторитетного Ованеса Туманяна, отношение врачей к Терьяну в корне меняется.

А «издевательства доктора Шульца и директора санатория» над Терьяном, как рассказала мне Нвард Терьян-Эмин во время нашей беседы в кабинете директора школы Жоржа Суреновича Эрукяна (об этом памятном дне в моём архиве сохранилась фотография, где запечатлена Нвард Терьян-Эмин с группой учащихся, в том числе и с автоом этих строк), начались после того, как Терьян объявил голодовку из-за халатного отношения к больным и некачественного приготовления пищи.

Уже в марте Терьян чувствует себя хорошо: «Самочувствие мое гораздо лучше, но я еще должен лечиться». А в первой половине апреля 1917 года та же газета «Мшак» сообщает: «Из Сухума в Тифлис возвратился поэт Ваан Терьян, более двух месяцев проходивший там курс лечения. Здоровье его заметно улучшилось, и можно полагать, что опасность миновала».

Январь 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Старый Пол. *Рассказ* 3
Таки. *Рассказ* 15
Гаруни Саша. *Рассказ*. 27
Классическая водолазка. *Повесть* 64
Наше очажное дерево. *Рассказ* 195
Рукописи не горят. *Рассказ* 199
Слепой дождь. *Рассказ* 204
Он с честью выполнил свой долг солдата. *Очерк* 232
«Наши дома больше никогда не будут гореть». *Очерк* 239
Гявур Мгер. *Очерк* 244
Мой духовный отец. *Очерк* 248
«Между нами много общего». *Рассказ* 255
Он был выдающимся человеком. *Очерк* 258
Как меня научили любить стихи. *Рассказ* 261
Србук хоркин. *Рассказ* 266
Самая красивая мама на свете. *Рассказ* 269
Ваан Терьян в Абхазии. *Очерк* 274

Артавазд Аикович Сарецян

Слепой дождь

Рассказы, повесть, очерки

Редактор *Б. Нарманиа*
Корректор *С. Аргун*
Верстка *А. Беренджи*
Художник *Р. Габлиа*

Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л.14,7.
Заказ №